BUHR B

a39015 00028437 5b

WITHDRAWN BY THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

UNIV. OF CALIFORNIA
WITHDRAWN

PROPERTY OF

University of Michigan Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

М. А. АЛДАНОВА, М. В. ВИШНЯКА,
Ю. ДЕЛЕВСКАГО, Ст. ИВАНОВИЧА,
Н. М. МИНСКАГО, Б. Э. НОЛЬДЕ,
К. Р. КАЧОРОВСКАГО.

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКАГО и Ко.
ПАРИЖЪ.

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

DK
265
.S59

Copyright by J. Povolozky & Co.

Tous droits réservés

Перепечатка и переводъ воспрещаются

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

stacks
EXCH.
U. of Calif.
5-22-58

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Ю. ДЕЛЕВСКІЙ — Проблема демократіи 3

М. В. ВИШНЯКЪ — Проблема правъ меньшинствъ . 35

Проф. Б. Э. НОЛЬДЕ — Народное представительство и представительство интересовъ 57

Ст. ИВАНОВИЧЪ — Демократія и соціализмъ . . 73

К. Р. КАЧОРОВСКІЙ — Трудовая демократія . . . 99

Н. М. МИНСКІЙ — Манифестъ интеллигентныхъ работниковъ 135

М. А. АЛДАНОВЪ — Проблема историческаго прогноза 191

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Наше время — не время великихъ достиженій. Въ предвареніи лучшаго будущаго мы переживаемъ пору великихъ бореній, стихійныхъ порывовъ, всяческихъ кризисовъ и пересмотровъ. Подъ сомнѣніе взяты не только матеріальная культура и физическое существованіе цѣлыхъ народовъ. Испытанію подвергнуты изначальныя основы человѣческаго знанія и духа.

Война и революція вновь поставили передъ человѣческимъ сознаніемъ вопросы, которые, казалось, уже были разрѣшены раньше. Многія незыблемыя положенія, а иногда и цѣлыя концепціи рухнули, а сомнѣнія, ютившіяся гдѣто подъ порогомъ сознанія, выдвинулись впередъ, превратившись въ грозныя и неотступныя проблемы. Съ особенной остротой онѣ даютъ себя чувствовать въ сферѣ общественно-политическаго строительства. Невольно вспоминается мудрое слово Іеринга: „времена политическихъ переворотовъ, революцій, анархій суть школьные часы исторіи, въ которые послѣдняя читаетъ народамъ лекціи о государствѣ и и правѣ...“

Заданіе, которое ставятъ себѣ „Современныя Проблемы“ — пойти на встрѣчу запросамъ, сомнѣніямъ и исканіямъ нашего времени.

Въ предлагаемомъ вниманію читателя Первомъ Сборникѣ собраны статьи на темы, связанныя съ кризисомъ и ревизіей соціально-политическихъ воззрѣній. Съ разныхъ сторонъ подходя и различными гранями соприкасаясь другъ съ другомъ, всѣ авторы одинаково трактуютъ основной вопросъ современности — кризисъ демократіи и соціализма. Отдѣльныя статьи посвящены вопросамъ о правахъ боль-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

шинствъ и меньшинствъ въ демократіи; о принципахъ народовластія и трудовластія; о соотношеніи народнаго представительства и представительства интересовъ; объ элементахъ и существѣ трудовой демократіи; о роли и соотношеніи умственнаго труда и труда физическаго; и, наконецъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ предыдущихъ, статья объ историко-политическомъ прогнозѣ Anno Domini 1922.

Не стремясь даже приблизительно исчерпать соціально-политическія проблемы современности, не задаваясь утопической цѣлью дать убѣдительное для всѣхъ единообразное ихъ рѣшеніе, „Современныя Проблемы" стремятся подчеркнуть и дать почувствовать наличность проблемы тамъ, гдѣ и по сей день продолжаютъ вить свои гнѣзда унаслѣдованныя традиціи и предвзятое, некритическое мнѣніе.

Въ этомъ — объясненіе, почему конечные выводы, къ которымъ приходятъ авторы Сборника, далеко не всегда совпадаютъ. Принадлежа къ различнымъ научнымъ школамъ и политическимъ направленіямъ, каждый изъ нихъ по-своему подходитъ къ поставленному вопросу и даетъ на него свой отвѣтъ. Множественность точекъ зрѣнія, а, зачастую, и конечныхъ выводовъ, объективно свидѣтельствуетъ о наличности проблемы, требующей еще своего разрѣшенія. Авторы Сборника связаны другъ съ другомъ не круговой порукой единой и разъ навсегда установленной доктрины, а лишь стремленіемъ къ истинѣ. Самый же Сборникъ есть не сборникъ рѣшеній, а скорѣе сборникъ задачъ.

Парижъ, Іюнь 1922 г.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ю. ДЕЛЕВСКІЙ

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТІИ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТІИ.

I.

Среди историческихъ зигзаговъ, которыми такъ богата лѣтопись народовъ и человѣчества, выдается своимъ драматизмомъ судьба демократіи. Шаткость и неустойчивость прогресса ни въ чемъ не сказывается такъ разительно, какъ въ смѣнѣ послѣдовательныхъ фазъ развитія и гибели, подъема и упадка, расцвѣта и выраженія демократіи. Какой контрастъ между античными демократіями и восточными деспотіями! Но въ неумолимомъ процессѣ разложенія гибнетъ свобода въ Греціи и въ Римѣ. За крушеніемъ демократіи наступаетъ крушеніе самой культуры, и Европа погружается въ тысячелѣтнюю тьму. Потомъ стала заниматься заря новой свободы на старомъ и новомъ континентахъ. Солнце демократіи взошло, подобно генію, пробудившемуся послѣ спячки, длившейся множество вѣковъ, и стало сіять невиданнымъ свѣтомъ надъ новыми поколѣніями человѣчества. Но вотъ оно достигло какъ бы своего кульминаціоннаго пункта, и многимъ мерещится уже начало заката. Суждено ли намъ видѣть новыя сумерки демократіи? Суждено ли намъ быть зрителями новаго зигзага, новаго упадка демократіи и завоеванныхъ свободъ?

Демократія, какъ принципъ и какъ политическій институтъ, переживаетъ кризисъ. Зоилы демократіи говорятъ о ея банкротствѣ. Политическія Кассандры предвѣщаютъ, вслѣдъ за ея агоніею, неизбѣжную смерть. Со всѣхъ сторонъ — и справа, и слѣва — сыплются на нее удары. Многочисленные враги ея подкапываются подъ нее, готовясь занять ея мѣсто.

О кризисѣ демократіи еще говорилось до войны и вызванныхъ ею потрясеній. Но тогда нападки на демократію имѣли скорѣе догматическій характеръ. Онѣ не шли дальше политическихъ школъ и группировокъ, мало вѣрившихъ въ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

реальную досягаемость предмета атаки. Противъ демократіи выступала пестрая рать теоретиковъ реакціи и монархическаго принципа, служителей культа полицейской государственности, антропосоціологовъ, соціальныхъ дарвинистовъ, анархистовъ, антипарламентарныхъ соціалистовъ и революціонныхъ синдикалистовъ. Аппетиты и идейный фанатизмъ, лицемѣріе и наивность, полу-наука и незнаніе, демагогія и презрѣніе къ массамъ сочетались въ букетѣ противорѣчій этой антидемократической кампаніи, ея разнорѣчивыхъ лозунговъ и враждебныхъ идеаловъ. Но лишь война дала живительный импульсъ борющимся противъ демократіи силамъ. Лишь война и послѣдовавшія въ результатѣ войны катастрофы сообщили политическое содержаніе неопредѣленнымъ очертаніямъ, матеріализируя тѣни и надѣляя ихъ плотью и способностью дѣйствовать.

Удивительный парадоксъ исторіи! именно война объединила, одухотворила, подняла до крайняго напряженія всѣ силы міровой демократіи, во имя спасенія всѣхъ цѣнностей свободы отъ покушеній чудовища германскаго военнаго абсолютизма. Пораженіе Антанты предвѣщало длительную темную ночь для демократіи. Торжество Антанты представлялось окончательнымъ и безповоротнымъ торжествомъ демократіи. Въ сознаніе грядущаго торжества свободы и свѣта вносила крупицу горечи лишь возможная перспектива усиленія русскаго самодержавія. И что же? Именно русская революція, низвергшая самую опасную въ мірѣ деспотію, привела къ той большевистской контръ-революціи, которая породила правящую л ѣ в у ю р е а к ц і ю, несравненно болѣе опасную для демократіи, чѣмъ всѣ силы старой п р а в о й реакціи. И именно послѣ пораженія Германіи и низверженія многочисленныхъ династій силы лѣвой реакціи стали подымать голову въ центральной и западной Европѣ. По закону полярныхъ противоположностей, красная реакція вызываетъ черную реакцію, видящую въ первой исчадіе демократіи. Такъ, побѣда свѣта надъ мракомъ породила новую тьму...

Обѣ реакціи проявляютъ крайнюю энергію въ своей агрессивности, въ своей работѣ прозелитизма. Подъ перекрестнымъ огнемъ своихъ враговъ справа и слѣва, демократія защищается робко и вяло, безъ рѣшительности, безъ плана и системы. Тутъ дѣло не только въ томъ, что, согласно афоризму Эдгара Кинэ, демократія безоружна, означая свободу не только для себя, но и для своихъ враговъ. Нѣтъ, сила сопротивленія современной демократіи въ значительной степени парализована ослабленіемъ инстинкта самосохраненія, отсутствіемъ страсти и убѣжденности, безпринципностью, внутренними распрями, мелочностью интересовъ, ослѣпленіемъ и готовностью идти на соглашательство. Въ подобныхъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

условіяхъ, язычество древняго міра капитулировало передъ христіанствомъ, а культурный Римъ палъ подъ натискомъ варварства.

Историческіе прецеденты даютъ основанія не только для условнаго прогноза, но и для опредѣленія условій, осуществленіемъ которыхъ предотвращается наступленіе предвидимаго событія. Сознанная исторія является для насъ орудіемъ свободы, фатализмъ — лишь удѣлъ зоологической жизни. Но есть періоды исторіи — не критическіе и не органическіе, по терминологіи Сенъ-Симона, — а зоологическіе. Это — эпохи упадка и вырожденія.

Вступили ли мы теперь въ подобную эпоху? Потеряли ли для насъ всякій смыслъ уроки исторіи? Стала ли для насъ недоступна контовская формула prévoir pour agir? Превратилась ли для насъ исторія въ зоологію? Осуждена ли демократія на гибель, въ силу закона цикловъ, который пытались установить еще въ древности Аристотель и Полибій? Или же мы стоимъ не передъ прогнозомъ, а передъ діагнозомъ, который даетъ намъ оружіе для борьбы съ зломъ?

Демократіи грозятъ величайшія опасности. Демократія оказываетъ недостаточную силу сопротивленія. Демократія должна быть вооружена противъ подкапывающихся подъ нее силъ. Это оружіе должно быть прежде всего оружіемъ критики. Демократія должна вооружиться сознаніемъ своего собственнаго идеала. Такова современная проблема демократіи.

II.

Идеалъ политической демократіи, это — свободная нація свободныхъ гражданъ. Идеалъ этотъ удовлетворяетъ требованію гармоническаго сліянія двухъ принциповъ — принципа суверенитета народа и принципа уваженія основыхъ правъ человѣка и гражданина.

Свободная нація! Это значитъ, что совокупность гражданъ, организованныхъ въ государственный союзъ, управляется властями, назначаемыми волею народа, и согласно законамъ, декретирумымъ свободнымъ опредѣленіемъ народа. Народный суверенитетъ не терпитъ режима, ставящаго себя выше народной воли: онъ не терпитъ никакой несмѣняемой власти — пожизненной или наслѣдственной, — какъ онъ не терпитъ подчиненія народа волѣ какого-нибудь привилегированнаго меньшинства, будь это олигархія, каста или другая политическая аристократія. Народный суверенитетъ не можетъ отрѣшиться отъ самого себя, устанавливая наслѣд-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ственную монархію или цезаризмъ, ибо онъ не можетъ отчуждать воли подрастающихъ и грядущихъ поколѣній.

Свободные граждане! Это значитъ, что всѣ граждане участвуютъ равнымъ образомъ въ народномъ суверенитетѣ; что воля народа связываетъ себя признаніемъ гарантій свободной личности и незыблемыхъ правъ гражданина; что воля народа перманентнымъ образомъ санкціонируетъ равенство всѣхъ гражданъ передъ судомъ, гражданскимъ правомъ и вообще закономъ; что неотъемлемыми признаются права неприкосновенности личности и основныя свободы, — какъ свобода совѣсти, свобода слова, свобода печати, свобода союзовъ и свобода собраній.

Суверенитетъ народа не можетъ ни противорѣчить себѣ, ни отрицать себя. Но онъ не можетъ и ни стать въ противорѣчіе основнымъ правамъ человѣка и гражданина, ни отрицать ихъ, какъ личность не можетъ ставить себя выше требованій морали.

Что совершенная демократія предполагаетъ не только суверенитетъ народа, но и гражданскую свободу, — это стало достояніемъ лишь политической мысли новаго времени. Древнія демократіи не знали гражданской свободы и элементарныхъ правъ личности; трагическая иллюстрація этого положенія — судьба Сократа. «Contrat Social» Жанъ-Жака Руссо является апоѳеозомъ народнаго суверенитета, его неограниченности и непогрѣшимости. Не смотря на «Декларацію правъ человѣка и гражданина», Великая Французская Революція, въ эпоху господства Конвента, особенно въ періодъ Террора, легко игнорировала права личности передъ требованіями «государственной пользы». Демократія отождествлялась съ народнымъ суверенитетомъ. Еще въ 1789 году, Камиллъ Демулэнъ ставилъ себѣ вопросъ, не можетъ ли воля народа создать деспотизмъ. Онъ отрицалъ за народнымъ суверенитетомъ право и возможность образованія деспотизма. Онъ, далѣе, отрицалъ за суверенитетомъ народа право и возможность изданія «аграрнаго закона», т. е. закона о передѣлѣ имуществъ. Каково могло быть его мнѣніе впослѣдствіи, передъ ножомъ гильотины, когда «столько преступленій дѣлалось во имя свободы»?

Въ своемъ „On Liberty“ Джонъ Стюартъ Милль возставалъ противъ смѣшенія свободы съ суверенитетомъ. Еще Бенжаменъ Констанъ доказывалъ, что нація въ цѣломъ — не въ правѣ лишать индивидуума свободы: «всякій деспотизмъ беззаконенъ, — ничто не можетъ его санкціонировать, даже воля народа«.

Между свободою индивидуальности и суверенитетомъ коллектива существуетъ извѣстная антиномія. Демократія разрѣшаетъ эту антиномію въ примиреніи двухъ прин-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

циповъ. Государственность безъ принужденія немыслима. Становясь членомъ общества, пользуясь благами общественной жизни, личность тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на роль субъекта и объекта государственнаго принужденія. Но права личности и интересы индивидуальности требуютъ, чтобы сфера государственнаго принужденія не заходила лишкомъ далеко за сферу автономіи личности, ея правъ индивидуальности и добровольнаго самоопредѣленія. Одинъ изъ вопросовъ, составляющихъ содержаніе проблемы демократіи, это — взаимоотношеніе контуровъ двухъ областей.

Въ теоріяхъ демократическаго соціализма забота о примиреніи необходимой экономической регламентаціи съ свободою личности играла значительную роль. Такъ, Бабефъ и Общество Равныхъ думали класть основу соціалистическаго строя, организуя сначала въ нѣдрахъ демократическаго государства добровольную коммунистическую ассоціацію, вербующую своимъ примѣромъ прозелитовъ, вплоть до воспріятія соціалистическаго идеала всею совокупностью гражданъ. Пеккеръ предлагалъ основать, даже внутри демократо-коллективистическаго строя, «Божью Республику» (République de Dieu), преданные граждане которой идутъ, ради воплощенія въ жизнь высшаго идеала, на жертвы, не требуемыя отъ рядовыхъ гражданъ. Вейтлингъ, а впослѣдствіи Каутскій, координировали обязательный для всѣхъ гражданъ соціалистической республики минимумъ работы, или рабочихъ часовъ, для коллектива съ свободными рабочими часами, предоставляемому гражданину для личныхъ цѣлей производства или удовлетворенія потребностей культуры.

«Общественный договоръ», лежащій въ основѣ государства, отличается отъ всякихъ другихъ договоровъ своимъ характеромъ обязательности. Безгосударственное общество, организованное на базѣ исключительно добровольныхъ договоровъ — какъ его понимаетъ анархизмъ — было бы возможно лишь при единогласіи во всѣхъ заключаемыхъ договорахъ. Но даже и въ случаѣ единогласія въ режимѣ договоровъ, послѣдній встрѣчалъ бы препятствія для правильности своего функціонированія въ уклоненіи членовъ общества отъ участія въ договорѣ или же отъ исполненія его. Вотъ почему «анархическое государство» представляется противорѣчіемъ. Вотъ почему государственность невозможна безъ принужденія.

Изъ принудительнаго характера государственныхъ нормъ вытекаетъ необходимость установленія ихъ на основаніи принципа большинства. Ибо иначе, въ случаѣ отсутствія единогласія, пришлось бы признать или необходимость подчиненія большинства меньшинству, что было бы недопустимымъ парадоксомъ, или же отказаться отъ обязатель-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ности государственныхъ нормъ и внести брешь въ непрерывность функцій государственнаго аппарата.

Демократическая государственность и суверенитетъ народа немыслимы безъ признанія принципа большинства.

Съ другой стороны, въ болѣе значительныхъ демократіяхъ народный суверенитетъ не можетъ проявиться постоянно въ видѣ непосредственнаго участія всѣхъ гражданъ въ актахъ законодательства и правленія. Это вѣрно въ отношеніи не только государственныхъ демократій, но и всякихъ крупныхъ демократическихъ коллективовъ, хотя бы и частнаго порядка. Супруги Веббъ это превосходно показали на исторіи развитія рабочихъ профессіональныхъ организацій въ своей „Industrial Democracy“ (Теорія и практика англійскаго трэдъюніонизма). Всякая демократія, усложняясь, можетъ жить и функціонировать лишь путемъ представительства, по системѣ мандатовъ. Древнія демократіи мало примѣняли систему мандатовъ. Современная демократія широко развила принципъ народнаго представительства. Такъ возникли парламенты и парламентаризмъ.

Примѣненіе обоихъ принциповъ — компентенціи большинства и представительства по мандату — даетъ въ результатѣ проекцію народной воли. Но не уклоняется ли эта проекція отъ дѣйствительнаго выраженія народной воли? Не извращается ли суверенитетъ народа постановленіемъ рѣшеній волею большинства и установленіемъ мандатовъ?

Совершенства въ опредѣленіи народной воли не можетъ быть, какъ не можетъ быть совершенства въ общественныхъ отношеніяхъ и во всемъ томъ, что дѣлаютъ люди. Тамъ, гдѣ есть неизбѣжное зло, примѣняются коррективы; тамъ, гдѣ существуетъ опасность появленія зла, вводятся гарантіи.

Для того, чтобы народное представительство было возможно болѣе полнымъ и совершеннымъ выраженіемъ народной воли, вводятся извѣстныя гарантіи всеобщаго избирательнаго права, прямого и эгалитарнаго, и пропорціальное представительство. Коррективомъ къ системѣ представительства является референдумъ. Невозможность превращеніе народныхъ избранниковъ въ авторитарную власть, подымающуюся надъ народомъ, достигается временностью полномочій и періодичностью выборовъ. Отправленіе власти въ свободной странѣ, въ которой незыблемо установлены права человѣка и гражданина, совершается подъ постояннымъ и строгимъ контралемъ общественаго мнѣнія.

Опасность угнетенія меньшинствъ какимъ-нибудь компактнымъ большинствомъ устраняется прежде всего призна-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ніемъ во всякой демократической конституціи основныхъ правъ человѣка и гражданина. Въ сферѣ территоріальныхъ размежеваній, примиреніе единства суверенитета націи съ правомъ самоопредѣленія воли населенія областей достигается осуществленіемъ началъ федераціи, автономіи, мѣстнаго самоуправленія. Въ сферѣ интересовъ національныхъ, культурныхъ, религіозныхъ и т. п. санкціонируются права меньшинствъ — институтъ, которому, быть можетъ, суждено получить широкое развитіе и распространеніе въ другихъ областяхъ соціальной жизни.

Однимъ словомъ, демократическій идеалъ заключаетъ въ себѣ элементы, способные къ развитію и совершенствованію. Это — отнюдь не идеалъ, застывшій въ разъ навсегда вылитой формѣ. Это — идеалъ, который, оставаясь всегда вѣренъ самому себѣ, подчиняется, въ модальностяхъ своего воплощенія въ жизнь, закону прогресса. Границы этого прогресса зависятъ лишь отъ предѣловъ развитія ума и характера человѣка, какъ соціальнаго существа.

III.

Демократическій идеалъ входитъ, какъ составная часть, въ высшій освободительный идеалъ человѣчества. Формула этого идеала такова: освобожденіе человѣчества отъ всѣхъ формъ гнета, эксплуатаціи и соціальнаго неравенства — и основаніе соціальнаго строя, соединяющаго максимумъ свободы съ максимумомъ солидарности, для достиженія максимума соціальнаго благополучія. Въ плоскости политическихъ достиженій идеалъ этотъ осуществляется возможно болѣе совершенною демократіею.

Поколѣнія человѣчества страдали отъ гнета и неустройства экономическаго, и въ частности классоваго, отъ гнета національнаго и расоваго, отъ угнетенія пола, отъ угнетенія возраста. Каждому типу гнета и неустройства соотвѣтствовалъ частный освободительный идеалъ. Демократія есть частный освободительный идеалъ, возникшій противъ системы политическаго гнета, — идеалъ, наиболѣе совершенный, до котораго въ этой сферѣ додумалось человѣчество.

Поколѣнія человѣчества страдали отъ порабощенія политическими деспотіями, олигархіями, всевозможными видами абсолютизма и цезаризма, отъ ига произвола, отъ кастовой и феодальной іерархіи, отъ сословныхъ привилегій, отъ подавленія воли, достоинства и всей человѣческой личности. Человѣчество истосковалось по свободѣ и политическому равенству. Задача удовлетворенія потребности человѣчества въ свободѣ и эгалитаризмѣ была разрѣшена демократіею. Всякій

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

шагъ назадъ, всякое уклоненіе отъ путей демократіи есть реакція. Нужды нѣтъ, что отступленіе отъ методовъ демократіи или измѣна демократіи дѣлается ради осуществленія правыхъ и лѣвыхъ программъ. Природа реакціи не мѣняется отъ того, оріентируется ли она вправо или влѣво. Правая реакція и лѣвая реакція — разновидности той же реакціи.

Какъ всѣ требованія высшаго освободительнаго идеала, демократія представляетъ собою цѣнность самостоятельную и самодовлѣющую, постулируемую, какъ автономную цѣль, а не только какъ средство для достиженія другихъ цѣлей. Какъ добродѣтель въ моральной философіи Спинозы, демократическій идеалъ находитъ удовлетвореніе въ своемъ собственномъ достиженіи.

Правда, всякій освободительный идеалъ, независимо отъ своей собственной цѣнности, въ своемъ осуществленіи можетъ стать орудіемъ для достиженія другихъ цѣнностей. Не говорилось ли часто, что истинная демократія можетъ и должна быть цѣлью экономическаго освобожденія трудящихся классовъ? Съ другой стороны и демократическій строй — лучшее орудіе и единственная прочная гарантія освобожденія труда и устраненія всякой классовой іерархіи. Но эта роль демократіи, какъ средства или орудія, не можетъ быть основаніемъ для извращенія оцѣнки демократіи, какъ великой самостоятельной цѣнности. Такъ, «добрый тиранъ», «просвѣщенный деспотизмъ», «внѣклассовая соціальная монархія», патріархальная теократія могли казаться и могли дѣйствительно быть своеобразнымъ политическимъ орудіемъ для осуществленія нѣкоторыхъ мѣръ соціальнаго прогресса. Но демократическій идеалъ отметаетъ противорѣчія его духу политическія системы, при всей открываемой ими возможности временныхъ и частичныхъ достиженій положительнаго порядка. Въ этомъ отношеніи онъ непримиримъ. Какъ выразился нашъ соотечественникъ Острогорскій, если-бы, всѣ стремленія усовершенствовать демократію и поднять ее на надлежащую высоту были безнадежны и обречены на неудачу, то слѣдовало бы все же дѣйствовать такъ, какъ если бы конечное торжество демократическаго строя было обезпечено съ математическою несомнѣнностью; основаніе для подобной акціи просто: mieux vaut mourir en combattant que vivre en mourant. *)

Цѣнность демократіи, это — прежде всего цѣнность человѣческаго достоинства. Политическая свобода и политическое равенство, это — блага, которыя ни въ какомъ слу-

---

*) Ostrogorsky, La Démocratie et les Partis politiques, nouv. edit., Paris, 1912, стр. 705.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

чаѣ, какъ самоцѣнности, необходимыя въ утвержденіи личности и ея внутренняго достоинства, не могутъ быть пожертвованы ради какихъ-либо другихъ благъ и пріобрѣтеній. Внѣ демократіи человѣкъ — не личность съ признаннымъ достоинствомъ, а стадное животное или безвольный рабъ.

Есть идеалы будущаго, которые заключаютъ въ себѣ извѣстный элементъ условности, гипотезы, вѣроятности. Демократія постулируется какъ идеалъ реальнаго осуществленія, стоящій выше какихъ-либо гипотезъ и предположеній.

Лишь въ демократіи возможно мирное совершенствованіе общества, безъ насилія и кровавой борьбы. Лишь въ демократіи соперничество и конфликтъ враждебныхъ группъ, классовъ и партій укладывается въ русло состязанія передъ высшимъ ареопагомъ общества — народнымъ суверенитетомъ. Лишь въ демократіи враждующія коллективныя силы лишаются всякаго законнаго мотива и предлога дать своей распрѣ характеръ войны, преслѣдующей свои цѣли путемъ побѣды грубой силы и самоуправства.

Было время, когда, до возникновенія правильной государственной власти, взаимныя обиды, посягательства на жизнь, свободу и достояніе людей влекли за собою не вмѣшательство установленныхъ и признанныхъ судебныхъ инстанцій, а безпорядочную и анархическую реакцію пострадавшихъ или близкихъ имъ лицъ. Тогда свирѣпствовала родовая месть и жестокая расправа, тянувшаяся въ цѣломъ ряду поколѣній. Режимъ крови не прекращался, и цѣлыя племена исчезали въ результатѣ безконечной жестокой борьбы. Установленіе гражданскаго правопорядка и организація правильнаго суда положили конецъ этому режиму. И съ тѣхъ поръ, какъ государство взяло на себя защиту гражданъ и миссію пресѣченія и подавленія правонарушеній, всякое самоуправство стало дѣяніемъ не только преступнымъ, съ государственной точки зрѣнія, но и глубоко противорѣчащимъ нашему моральному сознанію. «Война всѣхъ противъ всѣхъ» смѣнилась войною общества, организованнаго въ государственный союзъ, противъ правонарушителей. Это былъ огромный прогрессъ въ развитіи человѣчества.

Кровавая борьба между государствами представляетъ печальную аналогію съ кровавою борьбою между индивидуумами до возникновенія прочнаго государственнаго строя. Войны, которые велись и ведутся еще изъ-за дѣйствительныхъ или мнимыхъ интересовъ, — величайшій позоръ и одно изъ величайшихъ несчастій въ жизни народовъ. Постепенно развилась и получила признаніе въ отношеніяхъ между націями система международнаго права. Одновременно съ симъ и,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

даже еще до того, сама война стала подчиняться, въ отношеніи способъ веденія войны и дипломатіи, особымъ нормамъ военнаго права. Потомъ стали развиваться международные институты, въ цѣляхъ смягченія бѣдствій и даже возможнаго избѣжанія войнъ. Наконецъ, зародилась Лига Націй, своего рода ареопагъ народовъ, на который возложена высокая миссія всѣми мѣрами пресѣкать или подавлять войны и даже карать страны за международныя нарушенія и посягательства на миръ. Лига Націй — нынѣ еще слабый эмбріонъ; но весь міръ привѣтствовалъ попытку соединенными силами культурныхъ странъ искоренить преступное варварство войнъ, т. е. практику разрѣшенія международныхъ споровъ путемъ кровавой борьбы и побѣды грубой силы. Наступила эра правового разрѣшенія тяжбъ между націями. И роль верховнаго судьи выпадаетъ на долю Лиги Народовъ.

Промежуточный термъ между борьбою индивидуумовъ и борьбою государствъ занимаетъ борьба за власть между партіями, группами, коллективами внутри государства. Если споръ о власти между борющимися сторонами рѣшается силою, и только силою — хотя бы и случайнаго организованнаго меньшинства, — то политическій режимъ есть режимъ узурпаціи. Но противъ силы можетъ всегда выступать сила, противъ захвата — захватъ, противъ насилія — насиліе, противъ узурпаціи — узурпація. Здѣсь право отсутствуетъ. Общество находится въ состояніи перманентной гражданской войны. Никакое равновѣсіе мира не можетъ установиться безъ установленія извѣстнаго м е ж д у п а р т і й н а г о п р а в а, которому подчиняются всѣ граждане — индивидуально или организованно. Такъ, въ механикѣ, принципъ. возможныхъ перемѣщеній требуетъ, чтобы въ состояніи равновѣсія системы силъ, сумма ихъ работъ, при малѣйшемъ уклоненіи отъ равновѣсія, была равна нулю. Междупартійное право требуетъ, чтобы всѣ партіи и личности, въ борьбѣ да власть, признавали верховный авторитетъ единственнаго компетентнаго судилища: суверенnаго народа. Междупартійное право требуетъ, чтобы въ тяжбѣ партій передъ высокимъ судилищемъ народа всѣ лица и коллективы пользовались равными правами и имѣли равную свободу въ защитѣ своего дѣла. Только въ подобномъ режимѣ борьба за власть можетъ и должна протекать въ рамкахъ мирнаго состязанія, въ условіяхъ политически- правовой процедуры. И когда суверенный народъ довѣрилъ власть, какъ нѣкогда Александръ Великій, «достойнѣйшему», то противъ этого постановленія нѣтъ апелляціи. Пусть народъ можетъ ошибаться; но развѣ судъ не можетъ ошибаться, развѣ Лига Націй не можетъ ошибаться? Развѣ изъ-за этого допустимо возстаніе противъ суда, отрицаніе вообще суда?

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Режимъ правильнаго отправленія охарактеризованнаго подобнымъ образомъ междупартійнаго права есть не что иное, какъ режимъ д е м о к р а т і и.

Вотъ почему демократія — единственный политическій режимъ, не допускающій насильственныхъ переворотовъ и насильственной внутренней борьбы. Ибо еслибы это было дозволительно одному, то это стало бы одновременно дозволительно всѣмъ другимъ, разъ верховенство народнаго суверенитета поколеблено въ принципѣ, и общество выведено изъ своего состоянія моральнаго равновѣсія. Подобное равновѣсіе никогда не существуетъ въ режимахъ недемократическихъ. Противъ деспотизма, противъ политическаго произвола, противъ политическаго безправія существуетъ право — въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязанность — возмездія и насильственной борьбы. Тогда можно и должно апеллировать къ демократіи. Но противъ демократіи достигается побѣда лишь путями и методами демократіи. Возставать противъ демократіи, прибѣгать къ насильственнымъ методамъ политической борьбы въ демократіи значитъ посягать на основной принципъ морально-политическаго права. Какъ говоритъ Анри Мишель, «въ демократіи законъ есть не что иное, какъ выраженіе общей воли; во всякомъ режимѣ, отличающемся отъ демократіи, революціонное дѣйствіе можетъ казаться допустимымъ крайнимъ выходомъ; въ демократіи для него нѣтъ мѣста».*)

Демократія — единственный политическій режимъ, который постулируется въ м о р а л ь н о м ъ порядкѣ, какъ своего рода «категорическій императивъ». Этою мыслью до извѣстной степени проникнута доктрина Канта, формулированная примѣнительно къ «республикѣ» въ его главномъ политическомъ трактатѣ. Для насъ становится понятно, что Токвиль говорилъ о демократіи, какъ о «религіи», а Ламенэ видѣлъ въ демократіи своего рода просіяніе народа, «божественный свѣтъ», — въ противоположность апостолу реакціи Жозефу-де-Мэстру, квалифицировавшему демократію, какъ сатанинскео» дѣло. Для насъ понятно, что выдающійся французскій философъ Ренувье далъ обоснованіе теоріи демократіи въ своемъ ученіи о морали.

IV.

Отрицаніе демократіи означаетъ неизбѣжнымъ образомъ отрицаніе либо интегральнаго содержанія демократической государственности, либо отдѣльныхъ принциповъ ея: су-

*) Henri Michel, La doctrine de la Démocratie. Paris, 1901. стр. 49.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

веренитета народа, политической свободы, политическаго равенства, основныхъ правъ человѣка и гражданина. Отрицаніе демократіи въ государственности означаетъ признаніе политическаго неравенства, политическаго порабощенія и подчиненія народа внѣшней силѣ, волѣ деспота или волѣ меньшинства. Антидемократическія credo базируются на фактѣ существованія естественной іерархіи въ обществѣ и въ мірѣ, на принципѣ неспособности народа, въ его большинствѣ, творить и утверждать государственность, на безсиліи народа, въ опредѣленныхъ условіяхъ соціальной жизни, сознавать свои истинные интересы или защищать высшіе интересы коллектива. Демократіи во всѣхъ случаяхъ противополагается болѣе или менѣе диктаторская власть отборнаго меньшинства.

Для теократовъ-традиціоналистовъ, какъ Сенъ-Мартэнъ, де Бональдъ, фонъ-Галлеръ, Адамъ Мюллеръ, Жозефъ-де-Мэстръ, и ихъ современныхъ послѣдователей, реакціонныхъ монархистовъ, суверенитету народа противопоставляется суверенитетъ Божій. Для идеологовъ католичества, единственно законная власть на землѣ, это — власть органовъ представительства Бога — Церкви и папства. Для теократовъ, единственный суверенитетъ, это — суверенитетъ морали, какъ Божьяго закона.*) Они рисуютъ себѣ Бога на подобіе восточнаго деспота, которому все дозволено, ибо онъ все можетъ. Санкція божественной воли — въ силѣ Верховнаго существа. Для самого законодателя не существуетъ морали, или мораль сливается съ его произволомъ. И этотъ произволъ переносится въ отношенія между людьми, санкціонируя произволъ привилегированной касты. Но на какомъ основаніи общество должно подчиняться силѣ, хотя бы и сверхъ-естественной? На какомъ основаніи сверхъестественная сила самимъ своимъ существованіемъ узаконяетъ власть силы надъ правомъ? Теологія ислама знала доктрину, серьезно поучавшую, что Богъ можетъ совершать и несправедливость, ибо несправедливость, совершаемая Богомъ, тѣмъ самимъ превращается въ актъ справедливости. Какъ видно, эмансипація духа отъ власти небесной деспотій, согласно призыву Лукреція, — необходимая предпосылка эмансипаціи отъ земной деспотіи.

Потомъ противъ демократіи выступаютъ, подъ флагомъ карикатурной науки, анти-эгалитаристы, «научные» монархисты, сторонники идеи неравенства расъ и людей, соціальные псевдо-дарвинисты, реакціонные истолкователи органи-

*) Pierre Felix, L'equivoque democratique, Paris, 1906, стр. 31; см. также книгу того же автора La contre-revolution. — Henri Michel, L'idèe de l'Etat Paris, 1898 (глава, посвященная теократамъ).

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ческой теоріи общества, антропо-соціологи.*) Графъ Поль-де-Лессъ, ученикъ Гобино, восклицаетъ: „La démocratie, voilà l'ennemie:“, демократія, — вотъ нашъ коренной врагъ. Гарофало, представитель антропологически-криминальной школы, выдвигаетъ тезисъ: «природа боится равенства». Антропо-соціологъ Аммонъ утверждаетъ, что общественный порядокъ основанъ на неравенствѣ. Поль Бурже увѣряетъ, что наука доказываетъ законность аристократіи и ложность демократической идеи; а «монархическое рѣшеніе, это — единственное рѣшеніе, которое соотвѣтствуетъ самымъ послѣднимъ выводамъ науки». Шарлъ Моррасъ, наиболѣе темный изъ «научныхъ» теоретиковъ реакціи, возвѣшаетъ слѣдующую альтернативу: «Неравенство или декадансъ! Неравенство или анархія! Неравенство или смерть!»

Наука, нѣкогда ancilla theologiae, въ подобныхъ ученіяхъ опредѣляется на службу политической и соціальной реакціи. Въ какой мѣрѣ несерьезно наука деградируется для совершенно чуждыхъ ей цѣлей, достаточно выяснялось уже критическими работами — у насъ, напримѣръ, Н. К. Михайловскаго и П. А. Крапоткина, а во Франціи профессора Бугле.

Еслибы факты, на которые опираются «біологіи» соціальнаго неравенства, и были вѣрны, то отсюда отнюдь еще не слѣдовало бы, что неравенство должно было бы стать для насъ правиломъ политики и морали. Здѣсь умѣстно парафразировать извѣстное изреченіе Жанъ-Жака Руссо, и утверждать, что болѣзни тоже происходятъ отъ «біологіи»; но можетъ ли это быть основаніемъ для того, чтобы развивать болѣзни, вмѣсто того чтобы бороться съ ними? Законы природы устанавливаютъ факты и отношенія; но изъ законовъ природы не могутъ вытекать никакія нормы долженствованія. Какъ замѣтилъ Анри Пуанкаре, силлогизмы должнаго совершенно независимы отъ силлогизмовъ сущаго.**) Природѣ мы подчиняемся лишь для того, чтобы личше побѣждать ее. Если существуютъ біологическія неравенства, то они не создаютъ силлогизма для обоснованія политическаго неравенства. На неравенствѣ способностей людей—ихъ различія и контрастовъ — Шарль Фурье строилъ, напротивъ того, существенныя основанія соціалистической гармоніи внутри фаланстера.

---

*) Подробныя указанія на относящіяся сюда доктрины и литературу можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: C. Bouglé, La democratie devant la science. Paris, 1904. — D. Parodi, Traditionalisme et Démocratie, Paris, 1909, и Bulletin de la Société française de Philosophie, Mars, 1910. — G. Guy-Grand, Le procès le la Démocratie, Paris, 1911.

**) Henri Poincaré, La science et la Morale, въ Les Dernières Pensées, Paris, 1913.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Съ другой стороны, установлено, что біологическій подборъ не всегда даетъ въ результатѣ развитіе и сохраненіе наиболѣе высокихъ типовъ въ отношеніи силъ и способностей. Но теорія неравенства расъ и индивидуумовъ (теорія «евгенизма») формулируетъ догму существованія высшихъ и низшихъ расъ, высшихъ и низшихъ типовъ. Какъ теорія «антидемократизма», она отсюда выводитъ необходимость власти аристократической, привилегію отборнаго элемента общества, право высшихъ командовать надъ низшими. Вмѣсто суверенитета народа и противъ него утверждается суверенитетъ біологической аристократіи.

Но какимъ образомъ подобный суверенитетъ находитъ свое реальное осуществленіе? Въ чемъ главный признакъ аристократіи — въ ея силѣ или въ высокихъ качествахъ? Если господство ея должно быть основано на силѣ, то оно теряетъ базисъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное оправданіе, когда она побѣждается другою силою. И если побѣждающая сила есть сила численности, то евгенистическая аристократія должна капитулировать передъ силою массъ, или передъ демократіею. Если же гегемонія аристократіи основана на ея высшихъ способностяхъ, или качествахъ, то кто является судьею этихъ способностей? Ставить вопросъ, это значитъ рѣшить его на половину. Ибо никто не бываетъ судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Иначе, каждый индивидуумъ могъ бы, каждая группа могла бы прокламировать себя типомъ евгенизма и надѣлить себя прерогативами власти. Было бы столько же аристократій, столько кандидатовъ на узурпированіе власти. Была бы безпрестанная борьба между претендентами на аристократическій Олимпъ. Или быть можетъ, существовала бы верхная коллегія, которая разсматривала бы и утверждала бы titres de noblesse, въ родѣ египетскихъ жрецовъ, выбиравшихъ изъ всей массы быковъ бога Аписа, или тибетскихъ ламъ, опредѣляющихъ, по особымъ признакамъ, Далай-Ламу? Но quis custodes custodiet? Кто уполномочитъ экзаменаторовъ и судей въ этомъ столь важномъ дѣлѣ?

Будетъ ли это какое-нибудь аристократическое меньшинство или масса народа? Въ первомъ случаѣ мы возвращаемся къ исходному пункту затрудненія. Во второмъ случаѣ мы приходимъ къ суверенитету народа и къ демократіи. И демократія не можетъ отрѣшиться отъ своего суверенитета.

V.

Недовѣріе къ демократіи и къ всеобщему избирательному праву продлило идею замѣны чистой демократіи режимомъ полу-демократіи. Господство ум-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ственной аристократіи, преобладаніе или умѣряющая роль цензовыхъ элементовъ, синтезъ демократіи съ монархо-аристократическимъ началомъ противополагались идеалу чистой демократіи, какъ строю, въ которомъ, какъ предполагалось, невѣжество, неподготовленность и аппетиты массъ неизбѣжно вели къ неустойчивости, анархіи, господству тирановъ и демагоговъ и, наконецъ, къ гибели свободы.

Уроковъ исторіи искали въ античныхъ демократіяхъ, въ Великой Французской Революціи и въ возникновеніи древнихъ и новыхъ цезаризмовъ.

Ѳукидидъ, Платонъ, Аристотель, Аристофанъ, Полибій, Плутархъ оставили намъ рядъ мрачныхъ страницъ о господствѣ толпы въ греческихъ республикахъ, о гибельной борьбѣ партій, о роли демагогіи, о неустойчивости и разложеніи государственнаго строя. Знаменитая глава «Республики» Платона, трактующая о зловредномъ вліяніи демагогіи, была цѣликомъ вставлена Цицерономъ въ его трактатъ о государствѣ. Платономъ же было впервые высказано, что избыткомъ свободы порождается тиранія. Всюду въ Греціи, за исключеніемъ Аттики, въ теченіе вѣковъ (отъ VI до II вѣка до Р. Х.) длилась гражданская война, своего рода «bellum omnium contra omnes», происходили постоянные захваты и передѣлы земель и имуществъ, безъ всякаго органическаго строительства, причемъ богатые экспропріировались и изгонялись бѣдными, новые богачи экспропріировались и изгонялись новыми бѣдняками, и циклъ приходилось начинать снова. Эта борьба вела Грецію на путь экономической гибели и политическаго порабощенія. Есть основаніе думать, что соціалистическія и полу-соціалистическія теоріи, предложенныя нѣкоторыми древними философами, какъ напр. Фалеасомъ Халцедонскимъ, въ особенности же Платономъ («идеальная республика», «республика законовъ») и Аристотелемъ, имѣли цѣлью внести умѣряющее начало въ обостренныя соціальныя отношенія.*) Въ идеѣ философовъ лежала мысль лѣчить ядъ кровавой неустойчивости внутренней жизни Греціи — своеобразный большевизмъ той эпохи — противоядіемъ гармонической устойчивости соціализма. Но эти доктрины заклю-

---

*) A. Souchon, Les téhories économiques de la Grèce antique, Paris 1898, стр. 191 — 192. — Ср. A. Pöhlmann, Geschichte des antiken Communismus und Socialismus, München 1893, B. I, стр. 161. — Paul Guiraud, La proprieté foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine, Paris 1893, стр. 594. Объ античной демократіи см. Julius Schwarcz, Die Democratie 1877 и Massenherrschaft in Rom, заключительныя главы. Теза, въ извѣстномъ, смыслѣ защищающая древнюю демократію, изложена въ книгахъ Angelo Mauri, I cittadini lavaratori dell Attica, Milano 1895, и G. Platon, La Démocratie et le régime fiscal à Athènes, Paris 1899.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

чали въ себѣ коррективы на демократію или просто антидемократическіе ингредіенты.

Освободительное движеніе XVIII вѣка и Французская Революція сильно идеализировали древность и античную демократію. Послѣ Революціи наступила въ этомъ отношеніи реакція, и гораздо охотнѣе, воспоминались именно мрачныя страницы исторіи греческихъ республикъ. Демократія стала казаться угрозою для свободы. Съ демократіею стала связываться опасность демагогіи и анархіи.*)

Въ глазахъ г-жи де-Сталь и либераловъ эпохи Реставраціи демократія была страшнымъ бичемъ. Огюстъ Контъ относился презрительно къ всеобщему избирательному праву и суверенитету народа (впрочемъ, и къ политической свободѣ). Гизо громилъ идею демократіи, какъ гибельную, и пророчилъ, что торжество демократіи означаетъ конецъ соціальнаго мира. Тэнъ и Ренанъ видятъ въ демократіи остракизмъ талантовъ и способностей, устраненіе отборной части націи. Эмиль Фаге квалифицируетъ демократію, какъ «культъ некомпетентности», и утверждаетъ, что демократія, благопріятствуя равенству, является врагомъ свободы. Для Шерера, побѣда демократіи есть пораженіе свободы.

Юристы и соціологи, отвергая теорію «общественнаго договора», доказываютъ, что нація, сама по себѣ, не можетъ имѣть воли. Мы возвращаемся къ почти иронической формулировкѣ Гегеля, говорившаго: „Das Volk ist derjenige Teil des Staates, der nicht weiss, was er will“, **народъ, это — та часть государства, которая не знаетъ, чего она желаетъ.** Еще Наполеонъ говорилъ, что народъ похожъ на воду, принимающую форму того сосуда, въ который ее наливаютъ. Онъ же говорилъ, что слѣдуетъ исполнять волю народа, но что воля эта извѣстна не народу, а монарху...

Страхъ передъ суверенитетомъ народа, какъ передъ суверенитетомъ массъ, способныхъ, при достиженіи власти, повлечь государство на путь анархіи, демагогическаго произвола и разрушенія всѣхъ устоевъ общества, парализовалъ въ значительной степени, одновременно съ классовымъ интересомъ, стремленіе расширить рамки цензовой избирательной коллегіи и приблизиться къ режиму всеобщаго избирательнаго права въ Англіи. Такъ, Дизраэли-Биконсфильдъ и Гладстонъ вначалѣ высказывались за распространеніе избирательнаго права въ парламентскихъ выборахъ лишь на бо-

---

*) Параллель между демагогіею въ античныхъ демократіяхъ и демагогіею въ наше время нерѣдко проводится у историковъ. См. напр., J. G. Droysen, Geschichte des Hellenismus, Gotha 1878, III 2 Halbband, стр. 96. — Léotard, La Democratie à Athènes, Lyon 1904, стр. 60. — Ср. Raoul Frary, Manuel du Demagogue, Paris 1884, стр. 306.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

лѣе квалифицированныхъ рабочихъ. Въ 1859, 1860, 1866, 1868 и 1884 г., при обсужденіи въ Палатѣ Общинъ биллей объ избирательной реформѣ, консервативные депутаты неоднократно высказывали опасеніе, какъ бы рабочій классъ, обладая избирательнымъ правомъ, не подавилъ бы всѣ другіе классы своею численностью, ради достиженія своихъ классовыхъ цѣлей. Друзья реформы успокаивали ихъ тѣмъ, что пролетаріатъ состоитъ изъ множества группъ и классовъ съ противоположными интересами и съ различными цѣлями. Divide et impera! *)

Во всѣхъ подобныхъ анти-демократическихъ концепціяхъ основнымъ мотивомъ является мысль, что народъ не можетъ отправлять своего суверенитета, ибо для этого ему не хватаетъ знаній и добродѣтели. Но добродѣтель есть знаніе, по мнѣнію Сократа. Съ этой точки зрѣнія, народу не хватаетъ знанія, или добродѣтели. Мы приходимъ къ знаменитому афоризму Монтескье о добродѣтели, какъ основномъ принципѣ республики. Сравнительно недавно извѣстный теоретикъ демократіи Брайсъ, авторъ „American Common wealth“, писалъ: «Въ идеальной демократіи, каждый гражданинъ интеллигентенъ, патріотиченъ, безкорыстенъ». Уоллесъ, возстающій противъ абстрактныхъ концепцій въ политикѣ, замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «Ни одинъ врачъ въ наше время не начнетъ своего трактата по медицинѣ слѣдующими словами: идеальный человѣкъ не нуждается въ пищѣ и недоступенъ дѣйствію бактерій, но этотъ идеалъ еще далекъ отъ дѣйствительныхъ людей, которыхъ на знаемъ».

Въ замѣнъ суверенитета народа Платономъ былъ предложенъ суверенитетъ философовъ, господство своего рода аристократіи знаній и ума, иначе говоря интеллигентократія. Въ идеальной республикѣ Платона власть принадлежитъ особой кастѣ «стражей», спеціально подготовляемыхъ для этой функціи. Въ новое время аналогичная идея плѣнила Сенъ-Симона, основателя соціалистической школы сенъ-симонизма. Во главѣ сенъ-симоновской іерархіи стояла коллегія двухъ папъ, людей ума, знаній и добродѣтели, которыхъ общественное мнѣніе паствы опредѣляло на этотъ постъ, хотя и безъ формальныхъ выборовъ. Огюстъ Контъ, одно время ученикъ Сенъ-Симона, лелѣялъ аналогичную идею въ своей системѣ «позитивной политики». О государственномъ суверенитетѣ ученыхъ мечталъ и Эрнестъ Ренанъ, изложившій свою идею въ „Dialogues et phragments philosophiques“, въсвязи съ теоріею общества-организма. Та же идея въ сущности лежитъ и въ основѣ всякой

*) Hansard's Parliamentary Debates, vol. 152, 1015—1016; vol. 153, 730, 733, 1210—1211; vol. 157, 846—847; vol. 159, 75—76; vol. 182, 205—206, 1136, 1390, 1437—1439, 1781—1782; vol. 185, 984; vol. 186, 45.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

теоріи «диктатуры сознательнаго меньшинства». Интересно, что платоновская идея сословія подготовленныхъ государственныхъ стражей, своего рода мандарината, нашла одобреніе въ трактатѣ извѣстнаго «катедеръ-соціалиста» и друга Бисмарка проф. Вагнера, который въ этомъ институтѣ видѣлъ, быть можетъ, идеализированное прусско-королевское чиновничество. *)

Какъ извѣстно, Платонъ сдѣлалъ самъ одну попытку осуществленія идеи философа-правителя. Объектомъ своего воздѣйствія онъ выбралъ одного изъ жесточайшихъ тирановъ древности, а именно Діонисія Сиракузскаго. Попытка эта кончилась весьма плачевно для Платона: онъ еле спасъ свою жизнь и свободу. Древность знала одного монарха-философа, Марка Аврелія, превосходнаго человѣка и недурного правителя. Но его сынъ на тронѣ былъ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ чудовищъ въ сонмѣ Цезарей. Классъ «стражей» былъ въ идеальной республикѣ Платона (равно какъ и классы воиновъ и работниковъ) почти наслѣдственною кастою. При устраненіи наслѣдственности званія правителей, приходится допустить ихъ періодическое назначеніе. Политическая власть аристократіи ума и знаній осуществима лишь при условіи существованія органа, назначающаго эту самую аристократію. Но тогда одно изъ двухъ: или органъ этотъ независимъ отъ народной воли, или онъ является выраженіемъ народной воли.

Въ первомъ случаѣ народъ управляется меньшинствомъ. Такимъ меньшинствомъ могла бы, напримѣръ, быть коллегія людей науки, комплектующая и восполняющая себя путемъ кооптацій. Подобно тому какъ нынѣ дипломы и аттестаты выдаются университетскою корпораціею, автономною въ предѣлахъ своихъ функцій, но подъ контролемъ государства, корпорація ученыхъ сама имѣла бы тогда суверенную власть въ государствѣ. Наука была бы одновременно практическою политикою. Эта была бы въ государствѣ новая Церковь, обладающая не только духовною, но и свѣтскою властью. Эта была бы наихудшая изъ олигархій. Вмѣстѣ съ властью стала бы ненавистна и наука. Эта система привела бы къ крушенію первой и къ деградаціи второй.

Или же лучшіе и компетентнѣйшіе люди назначались бы народомъ, какъ носителемъ суверенной власти. Но какъ это назначеніе могло бы быть осуществлено иначе, какъ путемъ выборовъ? И можно ли было бы положить препоны волеизъявленію народа, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы въ интересахъ правильнаго отправленія его суверенная права? Но тогда мы приходимъ не къ чему иному, какъ къ демократи-

*) Adolf Wagner, Grundlegung, I. 3, стр. 918 и 922.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ческому народному представительству. Возложеніе функцій власти на аристократію, на élite, о чемъ мечталъ Тэнъ, осуществляется путемъ мандата, передаваемаго суверенным народомъ своимъ выборнымъ. Избирательнымъ бюллетенемъ граждане выдѣляютъ изъ своей массы «отборный элементъ», который они прокламируютъ достойнымъ нести бремя государственной власти. Согласно мнѣнію проф. Орландо, народные выборы даютъ «élite», отборъ.*) Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, принципъ аристократіи находитъ свое признаніе въ демократіи.**)

Совершенно другой принципъ, это — синтезъ демократіи съ враждебными ей началами, съ монархіею и аристократіею, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Это — теорія компромисса, формулированная Аристотелемъ и рецепированная Цицерономъ. Чистая демократія отвергается, какъ отвергается чистая олигархія и чистый монархическій абсолютизмъ. Предполагается взаимная нейтрализація недостатковъ каждой изъ государственныхъ формъ правленія въ отдѣльности. Въ частности, ядъ демократіи лечится ядомъ аристократіи и ядомъ монархіи.

Въ переводѣ на современныя понятія подобнымъ образомъ получается конституціонная монархія и цензовая система, чистая или смѣшанная. Для Тьера, суверенитетъ народа былъ сосредоточенъ въ соединенной власти конституціоннаго короля и законодательныхъ палатъ. Есть авторы, полагающіе, что, въ виду своихъ внутреннихъ недостатковъ, чистая демократія въ будущемъ можетъ уступить мѣсто конституціонной монархіи.***) Въ своей книгѣ о «Границахъ чистой демократіи», Маллокъ доказываетъ, что во всякой обширной странѣ, чистая демократія невозможна, и демократія вообще невозможна, если съ нею не соединенъ принципъ олигархіи.[1]) «Существованіе всякой цивилизаціи, въ отношеніи экономическаго преуспѣянія, отправленія власти и защиты отъ внѣшняго врага, возможно лишь при условіи сотрудничества неравныхъ — небольшого числа тѣхъ, которые руководятъ и даютъ приказанія, и большинства тѣхъ, которые за ними идутъ и имъ подчиняются.

---

*) Orlando, въ „Revue du droit public et de la science politique, Janvier-Fevrier 1895. Ср. Edmond Villey, Les Périls de la démocratie française, Paris 1910, стр. 115.

**) Gustav F. Steffen, Das Problem der Democratie, Jena 1912, стр. 96 и 101. — Alfred Fouillée, La Démocratie politique et sociale, en France, Paris, 1910, стр. 5.

***) D. G. Ritchie, Evolution and Democracy, въ сборникъ Ethical Democracy, London 1900, стр. 23.

[1]) W. H. Mallock, The limits of pure democracy, London 1918, стр. 376—378, 385—392.

Digitized by Google

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Нарушеніе этого принципа ведетъ къ разложенію, анархіи и гибели культуры». Свои положенія Маллокъ иллюстрируетъ на примѣрѣ русской демократической революціи (мартъ 1917 г.), ставшей «бунтомъ противъ всякой контролирующей власти».

Противъ теорій компромисса незыблемо стоитъ не только постулатъ демократіи, какъ о «lex suprema», но и историческій опытъ, свидѣтельствующій, что «недостатки демократіи» — находящіе, впрочемъ, свой коррективъ въ воспитаніи, развитіи и совершенствованіи той же демократіи, — являются несравненно меньшимъ зломъ, чѣмъ недостатки всѣхъ чистыхъ и смѣшанныхъ режимовъ, ей противополагаемыхъ. Исторія конституціонныхъ монархій представляется непрерывною борьбою между силами, выдвигавшими знамя народовластія, цензово-олигархическими элементами, остаивавшими свои привилегіи на двухъ флангахъ — противъ народныхъ массъ и монархической власти, — и монархическою реакціею, стремившеюся къ фактическому абсолютизму. Нравы коррупціи англійскаго цензоваго парламентаризма XVIII вѣка, Іюльской монархіи и бонапартизма окружили ореоломъ безславія режимы, которымъ клали конецъ революціи или страхъ передъ революціею. Демократія — несовершенна, какъ не совершенно ни одно человѣческое учрежденіе. Но демократія, единственный режимъ чести и достоинства, единственный режимъ возможнаго мирнаго развитія общества въ нормальныхъ условіяхъ жизни, мыслима со всѣми гарантіями прочнаго порядка и обезпеченія права. Для этого прежде всего необходимо, чтобы демократія была сильна, и чтобы она гармонически закрѣпляла союзъ народнаго суверенитета и основныхъ правъ человѣка и гражданина. Древнія демократіи не знали почти народнаго представительства; онѣ игнорировали также права гражданина. Но ни въ древнее, ни въ новое время правильно и съ надлежащими гарантіями функціонирующее всеобщее избирательное право не вело къ анархіи, не санкціонировало анти-демократическаго экстремизма ни справа, ни слѣва. Всеобщее избирательное право обнаруживало тенденцію скорѣе къ консерватизму и умѣренности. Санкція реакціонныхъ переворотовъ давалась народнымъ голосованіемъ лишь послѣ акта узурпаціи, какъ напр. послѣ 18 Брюмера и послѣ декабрьскаго переворота 1851 года, въ послѣднемъ случаѣ въ условіяхъ террора и правительственнаго давленія на массы. Не всеобщее избирательное право дало большевизмъ въ Россіи, и если послѣдній восторжествовалъ послѣ Революціи, то лишь въ условіяхъ крайне слабой демократіи и благодаря роковымъ ошибкамъ демократическихъ партій. Лишь сильная демократія устраняетъ опасности анархіи и экстремизма.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Живая демократія, со всѣми своими недостатками, выше самой лучшей деспотіи и самаго совершеннаго компромисса между демократіею и ея противоположностями. Malo periculosam libertatem quam quietam servitutem!

VI.

Существуетъ и до сихъ поръ еще не закончена т я ж б а между демократіею и соціализмомъ. Въ сущности между интегральнымъ освободительнымъ идеаломъ, каковымъ является соціализмъ, и идеаломъ политической свободы, начертаннымъ на знамени демократіи, антагонизма нѣтъ и быть не можетъ. Конфликтъ этотъ проистекаетъ изъ двойнаго несовершенства — съ одной стороны изъ заблужденій, кроющихся въ нѣкоторыхъ соціалистическихъ теоріяхъ и воззрѣніяхъ, съ другой стороны, — изъ ошибочности догмы нѣкоторыхъ теоретиковъ демократіи. Съ обѣихъ сторонъ раздается другъ противъ друга и справедливыя, и несправедливыя обвиненія.

Индивидуалистическій либерализмъ несправедливъ, когда онъ утверждаетъ, что соціализмъ, въ видахъ соціальнаго равенства, подавляетъ свободу личности. Правда, соціализмъ регламентируетъ трудъ, въ цѣляхъ обезпеченія не только свободы, но и экономическаго благосостоянія личности. Правда, соціализмъ разрѣшаетъ эту послѣднюю задачу, путемъ системы государственныхъ обобществленій,, путемъ концессій, предоставляемыхъ ассоціаціямъ, синдикатамъ и кооперативамъ, путемъ обезпеченія свободнаго труда или же — въ крайнемъ случаѣ — трудовой повинности въ опредѣленныхъ предѣлахъ и въ теченіе ограниченной продолжительности времени; послѣдняя мѣра является крайнимъ предѣломъ возможнаго принужденія въ соціалистически организованномъ обществѣ. Но развѣ, напримѣръ, воинская повинность въ демократіи является отрицаніемъ этой демократіи? Демократія, какъ форма г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и, невозможна безъ г о с у д а р с т в е н н а г о п р и н у ж д е н і я. Почему же область этого принужденія должна быть ограничена лишь мѣрами защиты индивидуальной свободы, какъ этого требуетъ, напримѣръ, Гербертъ Спенсеръ, и какъ этого требовалъ одно время Джонъ Стюартъ Милль?*) Демократія не только не противорѣчитъ индивидуализму, въ смыслѣ признанія правъ индивидуума, его свободы и автономіи, но она, и лишь только она осуществляетъ необходимыя для этого условія. Ибо, какъ высказалъ Кантъ, въ обществѣ принужденіе необ-

*) Ср. M a x H i r s c h, Democracy versus Socialism, London 1901, стр. 341-342.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ходимо для возможности существованія свободъ многихъ лицъ, согласно общему закону. Иначе говоря, свобода гражданъ находитъ свою гарантію лишь въ солидарности. Соціализмъ предлагаетъ свою формулу, какъ наиболѣе совершенное выраженіе общественной солидарности. Но либеральный индивидуализмъ, доведенный до крайности, есть отрицаніе не только всякаго принужденія, но и солидарности; онъ ведетъ къ анархизму, который не можетъ ограждать ни свободы, ни самаго идеала индивидуализма.

Соціализмъ можетъ противопоставить либеральному индивидуализму встрѣчный искъ. Развѣ совершенная свобода индивидуума возможна въ общественномъ строѣ, зиждущемся на системѣ рѣзко выраженныхъ неравенствъ? Равенство — существенное условіе свободы.**) Требовать для индивидуума сверхъ-свободы, въ ущербъ солидарности, значитъ узаконять существующую іерархію неравенствъ въ ущербъ самой свободы. Демократія — освободительный идеалъ личностей и общества въ области политическихъ отношеній; но она не можетъ противополагаться идеалу эмансипаціи экономической. Доктрина педантическаго либерализма становится орудіемъ эксплуатаціи и закрѣпощенія личности; возставая противъ соціальнаго прогресса, она возстаетъ въ то же время противъ демократіи.

Демократія, съ своей стороны, вправѣ предъявить нѣкоторымъ пользующимся популярностью соціалистическимъ теоріямъ и программамъ цѣлый рядъ справедливыхъ обвиненій. Соціалисты третировали демократію, какъ орудіе буржуазной и капиталистической власти, какъ будто демократія не существовала до возникновенія капитализма, и какъ будто она не должна быть политическимъ режимомъ послѣ капиталистическаго будущаго. Соціалисты говорили свысока о демократіи, какъ о режимѣ, не устраняющемъ экономической эксплуатаціи и хозяйственной неурядицы, какъ будто исцѣленіе наукою одной болѣзни должно быть отвергнуто, когда оно — не панацея противъ всѣхъ золъ и не даетъ человѣку безсмертія. Среди массъ, чуждыхъ демократическаго воспитанія и хранящихъ еще традиціи политическаго и духовнаго порабощенія, мысль направлялась такимъ образомъ соціалистическою агитаціею противъ идеи политической эмансипаціи на основѣ народнаго суверенитета и правъ личности. Нѣкоторыя соціалистическія партіи и теченія бойко-

---

*) Victor Basch, L'individualisme anarchiste, Paris 1904, стр. 190—193, 198. — G. L. Duprat, Science sociale et Démocratie, Paris 1900, стр. 156—158. — A. Fouillée, l. c., стр. 16. — Fritz Fleiner, Entstehung und Wandlung moderner Staatsherrschaft, Zürich 1916, стр. 7—8. — R. Chodat, Individualisme et Démocratie, Genève 1917, стр. 18.

**) H. van Kol, Socialisme et liberté, Paris 1898, стр. 155—156.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тировали демократическій парламентаризмъ — въ буржуазномъ строѣ — именно какъ орудіе «буржуазнаго господства», какъ будто «орудіе» повинно въ томъ, что имъ пользуется не пролетаріатъ или трудящійся народъ, а тотъ или другой изъ высшихъ въ общественной іерархіи классовъ. Напротивъ того, въ другихъ случаяхъ соціалисты ограничивали положительную сторону демократическаго представительства и дѣйствія всеобщаго избирательнаго права лишь его ролью «орудія», или «средства» для возвышенія пролетаріата, изъ чего могло вытекать, что, въ случаѣ, надобности, это «средство» могло бы быть принесено въ жертву для той цѣли, которой оно исключительно служитъ...

Но самый тяжелый грѣхъ передъ демократіею, какой только тяготѣетъ на сознаніи извѣстныхъ соціалистическихъ коллективовъ, это — проповѣдь допущенія или допущеніе проповѣди «диктатуры пролетаріата» либо «диктатуры трудящихся массъ». Одно изъ двухъ: Или «пролетаріатъ» либо «трудящійся народъ» составляетъ большинство націи, и тогда не можетъ быть рѣчи о диктатурѣ, ибо во всякой демократіи суверенитетъ народа выражается волею большинства, при условіи признанія основныхъ правъ всѣхъ гражданъ. Или же «пролетаріатъ» либо «трудящаяся масса» является лишь меньшинствомъ націи; но на какомъ основаніи тогда должна восторжествовать воля меньшинства? Если допускать привилегіи для нѣкотораго меньшинства, хотя бы это былъ пролетаріатъ, если признавать, что, напримѣръ, воля пролетаріата-меньшинства должна стоять выше воли всей націи, то почему отвергать подобную привилегію для какого-нибудь другого меньшинства, будь то буржуазія, аграрная партія, военная партія, клерикальная партія, монархія, олигархія, цезаризмъ? Тогда каждый идеалъ можетъ апеллировать къ самому себѣ, чтобы узаконить свою политическую гегемонію вопреки суверенитету народа. Съ точки зрѣнія общихъ принциповъ демократіи, пролетаріатократія или трудократія является столь же незаконною узурпаціею, какъ и плутократія, интеллигентократія, аристократія и всякій политическій деспотизмъ. Идеею диктатуры соціализмъ узаконяетъ реакцію внутри себя, а слѣдовательно внѣ себя.

Соціализмъ не всегда поклонялся идолу диктатуры. Догма эта явилась лишь на опредѣленной ступени развитія соціализма, когда онъ сталъ религіею пролетаріата. Идеи диктатуры были чужды всѣ три школы — бабувизмъ, сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ, — отъ которыхъ получили свое идейное наслѣдіе марксизмъ и новѣйшія соціалистическія доктрины. Заговоръ Бабефа и Равныхъ имѣлъ цѣлью возстановленіе всеобщаго избирательнаго права и демократической конституціи

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

1793 года. Коммунистическая школа, связывавшая свою программу съ традиціею Бабефа и Буонаротти, исповѣдовала вѣру республиканскаго демократизма. Бланки, Барбесъ и Распайль были горячіе демократы-республиканцы. Революціонные заговоры Бланки имѣли цѣлью низверженіе цензово-монархическаго режима и торжество демократической республики; Бланки считалъ возможнымъ завоеваніе демократіи силами революціоннаго меньшинства, но онъ никогда не думалъ вводить соціализмъ насильственно и путемъ диктатуры меньшинства. Кабе, основатель икарійскаго коммунизма, былъ фанатически преданъ идеѣ демократической республики. Глава Фурьеристской школы Консидеранъ, независимый сенъ-симонистъ Пьеръ Леру, коллективистъ Пеккеръ, равно какъ Луи-Бланъ и Видаль, не говоря уже о Прудонѣ, были демократы, отвергавшіе всякую идею диктатуры. Лишь амальгама идей соціалистическаго иммедіатизма (французскаго максимализма 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ 19-го вѣка), трансформированной идеи Бабефа и Бланки о необходимости осуществленія революціонно-демократическаго переворота путемъ заговора меньшинства и все болѣе и болѣе пріобрѣтавшей популярность идеи пролетаріата, какъ соціалистической силы и соціалистическаго класса par exellence выдвинула догму необходимости временной соціалистической диктатуры. Она получила свою формулировку, напр., въ тезисахъ «Французскаго Демократическаго Общества» въ Лондонѣ въ 1839 году.*) Такова культура, изъ которой Марксъ воспринялъ чреватую столь гибельными послѣдствіями идею «диктатуры пролетаріата». Правда, это было въ эпоху, когда Европа не знала ни всеобщаго избирательнаго права, ни достойной этого названія демократіи.

Съ воцареніемъ марксизма въ соціализмѣ, формулою послѣдняго стала борьба съ капитализмомъ, и пролетаріатъ былъ провозглашенъ единственнымъ носителемъ соціализма, классомъ избраннымъ и провиденціальнымъ, классомъ, интересы котораго сливаются съ высшими интересами соціализма. Пролетаріатъ - сверхъ - классъ, пролетаріатъ-божество не знаетъ законовъ, ограничивающихъ его волю, ибо воля его совпадаетъ съ моральнымъ закономъ для человѣчества, и диктатура пролетаріата есть диктатура морали, противъ которой нѣтъ права отвода. Религія санкціонировала, какъ божественную, власть королей и императоровъ. Религія пролетаріата поставила его законъ надъ закономъ демократіи.

Пролетаріатъ-Мессія, несущій человѣчеству освобожденіе отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, воплощающій въ жизнь

*) Victor Bouton, Profils révolutionnaires, Paris, 1848—1849, стр. 170—172.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

идеалъ экономическаго совершенства, насаждающій на землѣ райскую жизнь! Неужели онъ, единственный носитель единственной истинной соціальной религіи, не имѣетъ права на временную или даже постоянную диктатуру? Нужды нѣтъ, что всѣ «единственно истинныя» религіи, рѣшительно на томъ же основаніи, декретировали за собою право и обязанность утверждать свое господство огнемъ и мечемъ. Еретики, сжигавшіеся на кострахъ, познавали на томъ свѣтѣ всю сладость спасенія души во славу истинной вѣры. Потомки будутъ благодарны великимъ инквизиторамъ костра и диктатуры. Карлъ Великій предалъ мечу сотни тысячъ саксовъ, чтобы обратить остальныхъ въ истинную христіанскую вѣру. Черезъ нѣсколько столѣтій лѣтописецъ Гансъ Саксъ благословлялъ память Карла Великаго, спасшаго отъ языческаго невѣрія его упорствующихъ предковъ...

Увы, «диктатура пролетаріата» не можетъ покрыть себя даже щитомъ конечнаго интегральнаго освободительнаго идеала. Ликвидація капитализма не означаетъ еще полнаго устраненія хозяйственной эксплоатаціи и экономической іерархіи; она не означаетъ еще упраздненія всѣхъ формъ угнетенія — политическаго, національнаго, расоваго, религіознаго, — устраненія всѣхъ соціальныхъ неравенствъ, упраздненія всякой соціальной неурядицы. Когда капитализмъ погребенъ, то похороны его не означаютъ еще родовъ соціализма. Если провести знакъ равенства между соціализмомъ и господствомъ эмансипированнаго пролетаріата на развалинахъ поверженнаго капитализма, то въ т а к о м ъ соціализмѣ предстоитъ еще не малая борьба за дальнѣйшее торжество освободительнаго идеала. Съ другой стороны, современный пролетаріатъ отнюдь не представляетъ собою однородной массы: онъ разъѣдается внутренними антагонизмами, внутреннею іерархіею и противоположными стремленіями и интересами. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ іерархіи, антагонизмовъ и противорѣчій продолжаютъ раздѣлять пролетаріатъ и послѣ крушенія капитализма. О диктатурѣ какого пролетаріата идетъ тогда рѣчь? И почему вообще законна и допустима тогда диктатура того или другого меньшинства? Тогда любое меньшинство, любая кучка можетъ провозгласить диктатуру отъ имени пролетаріата и ввести режимъ олигархіи надъ пролетаріатомъ и всѣмъ народомъ.

Идея «диктатуры пролетаріата», даже въ наиболѣе совершенномъ ея выраженіи, — лишь пережитокъ политической догмы реакціи въ доктринѣ прогресса. Но, въ примѣненіи въ жизни въ современныхъ условіяхъ, она можетъ дать лишь свою карикатуру.

Жесточайшую карикатуру «диктатуры пролетаріата» явилъ міру большевизмъ. И передъ лицомъ этого патологи-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ческаго явленія, грозящаго всей міровой демократіи, ни демократическій соціализмъ, несущій извѣстную моральную отвѣтственность за преступное чадо, ни демократическій радикализмъ не проявляютъ ни достаточной «творческой ненависти», ни достаточнаго сопротивленія. Фанатизмъ демократіи отсутствуетъ. Это — симптомъ недостаточнаго демократическаго воспитанія не только массъ, но и политическихъ штабовъ. Это — самый страшный «признакъ времени».

VII.

Демократія не чужда несовершенствъ. Ей присущи нѣкоторыя несовершенства, общія всѣмъ политическимъ режимамъ. Она страдаетъ отъ несовершенствъ, специфически связанныхъ съ природою самой демократіи. Ей, наконецъ, присущи недостатки, совершенно неустранимые, въ виду внутреннихъ несовершенствъ нашего идеала и разстоянія, всегда отдѣляющаго реальныя возможности отъ абсолютныхъ концепцій. Абсолютно совершенныхъ политическихъ режимовъ нѣтъ и не можетъ быть. Но демократія представляетъ возможный минимумъ несовершенствъ при максимумѣ возможностей совершенствованія. Она — единственный режимъ, въ которомъ открыта возможность мирнаго совершенствованія во всѣхъ случаяхъ.

Лекки, Брайсъ, Острогорскій и другіе «бытописатели» демократіи излагали съ величайшею объективностью ея тѣневыя стороны.*) Но средствъ исцѣленія они искали въ самой демократіи.

Коррупція, фаворитизмъ, сектаризмъ, тиранія партій, неустойчивость, безотвѣтственность, нарушеніе правильнаго функціонированія администраціи вмѣшательствами извнѣ, анархія, игнорированіе интересовъ будущаго, забота лишь о настоящемъ днѣ... Да, демократія не чужда этихъ недостатковъ, подобно другимъ режимамъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ еще въ большей степени, чѣмъ другіе режимы. Такъ, съ здоровьемъ связаны пороки, которымъ недоступна болѣзнь. И эти пороки лѣчатся, конечно, не болѣзнью. Съ одной стороны, есть пороки, присущіе всѣмъ рѣшительно режимамъ, и пороки, которые, какъ высказалъ нѣкогда Джонъ Стюартъ Милль въ своихъ „Dissertations and Discussions“, присущи не столько демократіи, сколько самой цивилизаціи. Съ другой стороны, есть другіе пороки, составляющіе особенность

*) Сжатая сводка относящейся сюда критики дана въ небольшой, но содержательной книгѣ Joseph Delpech, La Démocratie et le Régime Représentatif, Paris 1910; см. также Maxime Leroy, La Loi, Paris 1908, стр. 349—351.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

всякаго делегированія власти, всякаго института мандата, всякаго представительнаго учрежденія. Кому неизвѣстны нравы коррупціи, фаворитизма, деспотизма, процвѣтающіе въ иныхъ капиталистическихъ акціонерныхъ компаніяхъ и трестахъ? Не чужды ихъ и рабочія организаціи — синдикаты, потребительные кооперативы и производительныя ассоціаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ страшный скандалъ въ Соединенныхъ Штатахъ произвели разоблаченія о коррупцій, практиковавшейся среди вождей рабочихъ союзовъ въ Санъ-Франциско и другихъ центрахъ. О роли олигархіи въ германской соціалъ-демократіи и въ нѣмецкихъ Gewerkschaften гракгуетъ извѣстная книга Роберта Михельса „Die Partien“. Въ отношеніи политической коррупціи не демократія, конечно, побила рекордъ. И сама демократія залечивала язвы коррупціи, какъ это было въ Швейцаріи и Англіи.*) Что же касается принесенія въ жертву интересовъ будущаго, то изреченіе aprés nous le déluge было изобрѣтено не въ демократіи. И не въ демократіи Фихте въ 1808 году, послѣ страшной военной катастрофы, громилъ правителей Пруссіи за то, что они думали только о настоящемъ днѣ и совершенно не думали о будущемъ ...

Самая страшная опасность для демократіи, это — демагогія, которая, черезъ реакцію слѣва, толкаетъ ее къ реакціи справа.**) Въ борьбѣ за власть партіи прибѣгаютъ къ рессурсамъ демагогіи, причемъ страхъ передъ успѣхомъ болѣе крайней демагогіи нерѣдко побуждаетъ болѣе честныя партіи пускать въ ходъ умѣренную демагогію. Состязаніе демагогій особенно опасно въ эпохи пертурбаціи и неустойчивости, подобныя нашей. Главная гарантія противъ демагогіи — въ силѣ демократической власти, въ прочномъ внѣдреніи въ правосознаніе массъ двойного принципа демократизма, въ политическомъ воспитаніи и моральномъ подъемѣ массъ — въ томъ habeas animum, въ которомъ Острогорскій видѣлъ основное условіе благотворнаго развитія демократіи.

Наконецъ, воплощеніе въ жизнь совершенной демократіи можетъ сталкиваться съ тѣмъ противорѣчіемъ, что одинъ и тотъ же суверенный органъ демократіи, воля народа, призванъ обезпечивать не только свой собственный суверенитетъ, но и основныя права гражданина, а также права меньшинствъ. Въ случаѣ конфликта между двумя принципами, суверенитетъ народа является одновременно судьею и стороною. Мало того, народный суверенитетъ, какъ перманентный принципъ, можетъ вступить въ противорѣчіе съ самимъ собою. Что если

---

*) Antonio Fradeletto, Dogmi e illusioni della democrazia, Milano, 1913, стр. 74.

**) Hans Delbrück, Regierung und Volkswille, Berlin, 1904, стр. 46—49.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

всенародное голосованіе, отрекаясь отъ суверенитета, высказывается, напримѣръ, въ пользу собственной отмѣны, въ пользу наслѣдственной монархіи и т. п.? Въ свое время, выступая противъ Дроза, Бланки говорилъ, что республика — выше всеобщаго голосованія; а Прудонъ, идя дальше Бланки, утверждалъ, что Революція — выше Республики. Но эти «декреты» политиковъ-философовъ не разрѣшаютъ противорѣчія въ принципѣ демократическаго легитимизма.

Тутъ дѣло не только въ идеалѣ демократіи. Всякій идеалъ, который, стремясь къ совершенству, формулируетъ абсолютныя требованія, не можетъ не заключать въ себѣ противорѣчій. Такъ формула высшаго соціальнаго идеала пытается примирить равенство и свободу въ солидарности. Но абсолютная свобода, исключая изъ соціальной жизни всякое принужденіе, означаетъ отрицаніе солидарности и эгалитаризма. Абсолютное равенство предполагаетъ безпощадную регламентацію, несовмѣстимую съ свободою. Принципъ суверенитета большинства, въ своемъ крайнемъ развитіи, ведетъ къ коллективному деспотизму, противорѣчащему правамъ индивидуумовъ и меньшинствъ. Индивидуализмъ, какъ принципъ абсолютнаго признанія правъ индивидуума, противорѣчитъ всякой солидарности и всѣмъ принципамъ не только эгалитаризма, но и самой свободы. Признаніе права меньшинствъ въ его крайнемъ выраженіи ведетъ съ одной стороны къ крушенію политическаго принципа большинства, къ дезорганизаціи демократической государственности, къ іерархіи территоріальныхъ, національныхъ и профессіональныхъ обособленій и сепаратизмовъ, а съ другой стороны къ numerus clausus, къ процентной нормѣ не только въ политической, но и въ культурной и хозяйственной жизни. Вспомнимъ, напримѣръ, войну между южными и сѣверными штатами или споръ о «самоопредѣленіи» Ирландіи въ Великобританіи и о «самоопредѣленіи» Ульстера въ самой Ирландіи. Вспомнимъ, какъ права меньшинствъ и пропорціональное представительство истолковывались въ одной изъ «лимитрофныхъ» странъ, какъ право евреевъ лишь на пропорціональное участіе въ тѣхъ или другихъ профессіяхъ или въ отправленіи тѣхъ или другихъ должностей . . .

Аналогичныя, но еще болѣе острыя антиноміи возникали въ соціалистическихъ доктринахъ, въ той мѣрѣ, въ какой онѣ доводили до крайняго развитія въ себѣ принципы, несовмѣстимые въ ихъ абсолютной формулировкѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается источникъ превращеній сенъ-симонизма, мистическихъ атрибутовъ фурьеризма, противорѣчій Прудона, противорѣчій и метаморфозъ марксизма, противорѣчій анархизма, противорѣчій революціоннаго синдикализма. Противорѣчія объясняются условіями формированія

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

идеала и возможными антиноміями, поражающими идеалъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго синтеза входящихъ въ его содержаніе требованій. Синтезъ невозможенъ безъ примиренія — въ данномъ случаѣ примиренія свободы съ равенствомъ. Примиреніе означаетъ компромиссъ. Это неизбѣжно, покамѣстъ несовершенна человѣческая природа. «Но это неизбѣжно, какъ неизбѣжны многія несовершенства. Самыя лучшія машины обладаютъ неизбѣжными дефектами. Самыя лучшія карты не могутъ точно воспроизвести шаровой или эллипсоидальной поверхности земли. Это доказывается математикою и механикою. Соціальная механика не можетъ быть исключеніемъ изъ общаго правила: она требуетъ возможно большаго совершенства, возможно болѣе полной свободы, возможно меньшаго принужденія, возможно лучшихъ формъ солидарности».*

Въ плоскости политическихъ отношеній, наиболѣе совершеннымъ, или наименѣе несовершеннымъ идеаломъ является демократія. Ея неизбѣжные недостатки и неизбѣжныя антиноміи — неизбѣжный результатъ недостатковъ и антиномій природы человѣка, какъ соціальнаго существа. Но поскольку природа человѣка совершенствуется сознательнымъ воспитаніемъ, совершенствуется и демократія.

Сознательно или инстинктивно, человѣчество стремилось къ демократіи, какъ къ одному изъ самыхъ свѣтлыхъ своихъ идеаловъ. Величайшіе подвиги, величайшіе акты самоотверженія были совершены во имя этого идеала. Человѣчество клеймило дѣянія тираніи и хранило въ благодарной памяти имена героевъ и мучениковъ дѣла демократіи.

Свобода была куплена дорогою цѣною. Безчисленныя жертвы были принесены ради завоеванія и сохраненія демократіи. Сокровище демократіи надо беречь и лелѣять. Легче потерять, чѣмъ обрѣсти.

Но для этого необходимо шествовать по пути демократіи прямо впередъ, не отступая ни направо, ни налѣво. Малѣйшее отступленіе вправо или влѣво, при условіяхъ недостаточнаго демократическаго воспитанія массъ и даже руководителей, открываетъ или обостряетъ кризисъ демократіи, чреватый перспективами атавизма и возврата къ политическому варварству.

Устойчивая демократія должна быть крѣпкою и сознательною. Она должна обладать волею и силами для возможной борьбы съ враждебными стихіями. Сильная демократія не знаетъ пощады по отношенію къ своимъ врагамъ и къ своимъ собственнымъ порокамъ. Она не знаетъ донъ-кихот-

---

*) Ю. Делевскій, Противорѣчія Прудона, Русское Богатство (май и іюнь 1912 г.), іюнь 1912, стр. 140.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ства и мягкодушія, ведущаго на путь страданій и гибели. Она не уподобляется Катону младшему, о которомъ Цицеронъ писалъ: «Онъ ведетъ себя такъ, какъ если бы онъ жилъ въ идеальной республикѣ Платона, а не въ грязи Ромула»...

Демократія должна оживить и сохранить энтузіазмъ своихъ юныхъ дней. Она должна, живя и развиваясь, хранить вѣру въ себя и сознаніе своей собственной цѣнности. Она не должна допустить того, чтобы ее осознали лишь въ пору несчастій, подобно тому какъ атмосферу свободы и свѣта мы начинаемъ цѣнить, лишь попавъ въ темницу. Да станетъ демократія культомъ, да горитъ вѣчный огонь въ ея храмѣ!

Ю. Делевскій.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

М. В. ВИШНЯКЪ

ПРОБЛЕМА ПРАВЪ МЕНЬШИНСТВЪ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРОБЛЕМА ПРАВЪ МЕНЬШИНСТВЪ

Заканчивая въ 1898 г. свой этюдъ «Das Recht der Minoritäten», Георгъ Еллинекъ писалъ: «Вѣчная борьба между властью (imperium) и свободой (libertas) будетъ продолжаться и въ демократическомъ обществѣ XX столѣтія. Плотины, которыя еще стоятъ на пути всемогущей волѣ большинства, будутъ, по всей вѣроятности, разрушены. Но тогда для культурнаго человѣчества наступитъ страшный кризисъ». Еллинекъ отказывался отвѣчать, — какъ разрѣшится кризисъ. Онъ выражалъ лишь свою «надежду» и «вѣру», что «общество, въ концѣ концовъ, найдетъ и осуществитъ то, что одно лишь въ состояніи охранить его отъ духовнаго и нравственнаго измельчанія и одичанія: признаніе права меньшинствъ».

На рубежѣ 19-го и 20-го столѣтій признаніе правъ меньшинствъ оставалось еще въ области чаемаго и желаемаго, — служило заданіемъ для будущаго. Самый интересъ, проявленный Еллинекомъ къ проблемѣ права меньшинствъ, — былъ необыченъ. Его работа — одна изъ весьма немногихъ существующихъ въ юридической литературѣ на это тему, сохраняя печать своего времени, обнаруживала исключительное «чувство дѣйствительности» автора.

За послѣдующія два десятилѣтія, вмѣстѣ съ разрушеніемъ «плотинъ», стоявшихъ на пути волѣ большинства, въ процессѣ еще неизжитаго человѣчествомъ «страшнаго кризиса», — право меньшинствъ изъ міра идей, надеждъ и вѣрованій успѣло претвориться въ реальную жизнь. Правда, практическое осуществленіе оказалось весьма несовершеннымъ—одностороннимъ и неполнымъ, случайнымъ и неустойчивымъ. Тѣмъ не менѣе первые, наиболѣе трудные шаги въ этой области уже сдѣланы.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Идея правового признанія меньшинствъ — идея новѣйшаго происхожденія. Средніе вѣка не придавали значенія вопросу о численныхъ соотношеніяхъ группъ, ихъ интересовъ и мнѣній. Проникавшія и опредѣлявшія всю жизнь средневѣковья религіозныя воззрѣнія органически были чужды преклоненію передъ численнымъ превосходствомъ или мнѣніемъ большинства. Съ религіозной точки зрѣнія одинъ избранный или праведный имѣлъ и имѣетъ гораздо большій вѣсъ и значеніе, нежели тысячи отверженныхъ или грѣшниковъ. Въ средніе вѣка голоса взвѣшивались, а не считывались. И на этихъ вѣсахъ голосъ короля «божьей милостью», короля, который «держитъ свое королевство только по милости Бога и меча» («ne tient son royaume que de Dieu et de son épée») или голосъ священника-намѣстника Христа, Его именемъ «держащаго» престолъ и мечъ духовный, — вѣсили, конечно, гораздо больше, нежели голосъ народа, паствы или даже всего «тѣла Христова» — Церкви. Въ сословныхъ собраніяхъ рѣшающая роль оставалась за большей силой, а не за большимъ числомъ: одерживала верхъ pars sanior а не — pars major.

Правотворящимъ факторомъ новаго времени явилась идея большинства. Ею, какъ тараномъ, пользовались для сокрушенія феодальной идеологіи и «тираническихъ правительствъ». И въ теологической, и въ свѣтской литературѣ новое время возвращаетъ власть народу. Народъ провозглашается «дарителемъ власти», ея носителемъ и источникомъ. Сословныя привилегіи и старый порядокъ отождествляются съ узурпаціей и деспотизмомъ меньшинствъ. Наоборотъ, права цѣлаго, суверенитетъ народа отождествляется и сливается съ верховенствомъ большинства. «При опредѣленіи общей воли, какъ неизмѣннаго элемента частныхъ воль, естественно предположить, — говоритъ Ж.-Ж. Руссо, — что она будетъ правильнѣе понята большинствомъ» (См. «Общественный Договоръ» кн. IV, гл. II). «Суверенная власть не можетъ имѣть интереса противоположнаго ихъ (частныхъ лицъ) интересу; вслѣдствіе этого она не нуждается въ гарантіяхъ по отношенію къ подданнымъ; невозможно, чтобы организмъ захотѣлъ вредить своимъ членамъ» (кн. I, гл. VII). Мирабо видѣлъ въ «этомъ простомъ и прекрасномъ законѣ большинства» — «нравственное я» общества и государства, его существо. Соотвѣтственно съ этимъ меньшинство представлялось другому оратору Конституанты Ретивъ де-ля-Бретонъ — «виновнымъ всегда, даже когда морально оно право» (La minorité est toujours coupable eût-elle raison morallement.)

Въ вѣкъ Руссо меньшинство — простая совокупность частныхъ воль или лицъ, другъ съ другомъ ничѣмъ не свя-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

занныхъ, кромѣ какъ случайной о ш и б к о й въ опредѣленіи «общей воли». Меньшинство обязано безусловнымъ подчиненіемъ «общей волѣ» потому, что оно само участвуетъ, по Руссо, въ ея образованіи, и если фактически расходится съ большинствомъ, то только по случайности: оно «ошиблось и приняло за общую волю то, что на самомъ дѣлѣ ею не было» («Общественный Договоръ» кн. IV, гл. II). Руссо настаиваетъ на томъ, что «для полнаго проявленія общей воли важно, чтобы не было частныхъ союзовъ въ государствѣ и чтобы каждый гражданинъ голосовалъ, слѣдуя лишь своимъ убѣжденіямъ» (кн. II, гл. III). Это отрицательное отношеніе къ «частнымъ союзамъ» и страхъ передъ «корпоративнымъ духомъ» («l'esprit de corps») — характерная черта «принциповъ 89 года». И декларація правъ человѣка и гражданина остается только вѣрной этимъ принципамъ, когда обходитъ молчаніемъ и не включаетъ въ каталогъ «естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка», охрана коихъ составляетъ «цѣль всякаго политическаго общества», — ни свободы собраній, ни права союзовъ.

Средневѣковье съ его деспотизмомъ привилегированныхъ меньшинствъ во имя совбожденія человѣка породило идею народоправства и права большинства. Новое время, принеся формальное признаніе праву численнаго большинства, не только не освободило человѣка отъ деспотизма, но даже не всюду поставило деспотизмъ большинства на мѣсто былого деспотизма меньшинства. Еще Дж. Ст. Милль, въ трактатѣ «О свободѣ», отмѣчалъ, что «народная воля на практикѣ представляетъ собою волю болѣе многочисленной или болѣе дѣятельной части, волю большинства или тѣхъ, кому удается заставить признать себя за большинство». Жизнь наглядно, можно сказать, съ математической точностью свидѣтельствуетъ о томъ, что именно послѣдняя категорія — «тѣ, кому удается заставить признать себя за большинство» — чаще всего и выдаютъ свою волю за волю народную.

Достаточно указать, что почти во всякомъ представительномъ собраніи, гдѣ не примѣняется та или иная пропорціональная система выборовъ, — количество избирателей, представленныхъ въ собраніи, м е н ь ш е числа избирателей, въ собраніи непредставленныхъ. И парламентъ, даже республиканскій, представляетъ собою, какъ правило, не большинство націи, а меньшинство избирательнаго корпуса, то-есть ч а с т и націи. Еще меньшей частью націи постановляются законодательныя рѣшенія. И такая, напримѣръ, мѣра, какъ отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи, была вотирована 3 іюля 1905 года 341 депутатомъ, составившимъ большинство въ палатѣ, но не представлявшимъ ни большинства избирателей (2 647 315 избирателей изъ избирательнаго кор-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

пуса въ 10 967 000 человѣкъ), ни большинства французской націи (достигавшей, по переписи 1906 года, общаго числа въ 38 844 653 человѣкъ). Естественно, послѣ этого, негодующее восклицаніе Дюги: «еще осмѣливаются говорить, что во французской республикѣ законы являются дѣломъ большинства страны».

Не надо думать, что при п р я м о м ъ народномъ законодательствѣ обезпечено торжество волѣ большинства. Референдумъ — какъ и пропорціональное представительство, съ другой стороны, — создаетъ болѣе благопріятную обстановку для проявленія воли большинства. Но фактически эта возможность очень рѣдко реализуется. По вычисленіямъ Курти, за время съ 1874 по 1897 гг. швейцарскій референдумъ только разъ привлекъ къ голосованію 80 % правоспособныхъ гражданъ; обыкновенно оно не превышало 70 %, а иногда опускалось даже до 40,4 %. Принимая во вниманіе «неправоспособность» женской половины швейцарскаго населенія, — можно съ рѣшительностью утверждать, что въ условіяхъ 19-го вѣка даже примѣненіе прямого народнаго голосованія отнюдь не всегда означало выраженіе народной воли чрезъ волю большинства.

Было бы заблужденіемъ, однако, полагать, что проблема правъ меньшинствъ покрывается задачей организаціи справедливаго избирательнаго права. Она шире, глубже и сложнѣе задачи расширенія предѣловъ избирательнаго корпуса и смягченія или ограниченія абсолютной власти избирательнаго или парламентскаго большинства. Самая постановка проблемы правъ меньшинствъ совершенно иная. Только съ весьма условной и совершенно формальной точки зрѣнія можно говорить объ индивидѣ, какъ о меньшинствѣ. Съ тою же самой оговоркой объ условности можетъ идти рѣчь и о меньшинствѣ, «заставляющемъ признать» себя за большинство или являющемся большинствомъ въ будущемъ.

Традиціей естественно-правовой доктрины и пореволюціоннаго законодательства 18-го и 19-го вѣковъ стало противопоставленіе индивида — государству, личности — обществу. Къ антагонизму между интересами и правами отдѣльнаго индивида и правами и интересами коллектива стали сводить всю множественную пестроту существующихъ въ общежитіи противорѣчій. Естественно, въ такихъ условіяхъ, что и право меньшинствъ не получало признанія въ качествѣ с а м о с т о я т е л ь н а г о права. Американцы, по свидѣтельству Еллинека, и понынѣ разсматриваютъ декларацію правъ какъ вполнѣ дѣйствительную защиту всякаго меньшинства (См. Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte. 1904 стр. 28). И не только американцы... Можно назвать самого же Еллинека и солидарнаго съ нимъ въ этомъ пунктѣ рус-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

скаго ученаго П. И. Новгородцева какъ примѣръ того, что этотъ взглядъ не чуждъ и нынѣшей эпохѣ: «если противопоставляютъ власти большинства право меньшинства, то подъ этимъ правомъ въ сущности слѣдуетъ разумѣть право личности». (См. П. Новгородцевъ: «Кризисъ современнаго правосознанія» — М. 1909. — Стр. 236). Съ другой стороны, когда право меньшинствъ и не сводится къ праву личности, его возводятъ въ право большинства въ потенціи. Тотъ же Еллинекъ считаетъ «высшимъ правомъ» меньшинства его возможность «превратиться въ большинство».

Соотвѣтственно съ общимъ сближеніемъ правъ меньшинствъ съ правами индивида стали конструировать и содержаніе правъ меньшинствъ. Какъ права и свободы, которыми надѣляли индивида различныя декларації и основные, конституціонные законы, носили негативный характеръ — ограничивали и суживали сферу правъ и власти цѣлаго, коллектива, — такъ и за меньшинствами, поскольку ихъ признавали политическая доктрина или учрежденія, — утверждались не положительныя, творческія полномочія, а задерживающія и противоборствующія. За меньшинствами признавали право въ извѣстныхъ случаяхъ препятствовать, «мѣшать» волѣ недостаточно сильнаго или случайнаго большинства. Такое именно истолкованіе придавалось установлению особыхъ нормъ для измѣненія конституціи, требованію квалифицированнаго большинства голосовъ, соблюденію особыхъ сроковъ и т. п., встрѣчающихся въ рядѣ законодательствъ.

Тотъ же смыслъ — разрушенія чужого, помѣхи другимъ, а не творческой самодѣятельности — имѣли и оба проекта признанія правъ меньшинствъ, которые въ разное время по разнымъ поводамъ, но одинаково въ цѣляхъ противодѣйствія «тиранническому рѣшенію численнымъ большинствомъ» выдвинули Кальгунъ въ Америкѣ и Генри Мэнъ въ Англіи. И защищаемое Кальгуномъ право односторонней «нуллификаціи» общаго соглашенія и выхода («сецессіи») меньшинства (отдѣльнаго штата) изъ насилующаго его волю коллектива (Союза Штатовъ); и остаиваемое Мэномъ признаніе за парламентскимъ меньшинствомъ права на обструкцію противъ пролагающаго себѣ путь къ тираніи парламентскаго большинства, — въ равной мѣрѣ имѣли назначеніе сдержать и затормозить волю большинства, а не надѣлить положительными правами меньшинство.

Своеобразіе современной постановки проблемы заключается въ томъ, что права меньшинствъ не разсматриваются ни какъ рефлексъ правъ большинства, ни какъ производное отъ правъ индивида, а являются совершенно само-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

стоятельнымъ видомъ права. По своему объекту будучи почти столь же разнообразными какъ и права индивида, права меньшинствъ по своему субъекту раздѣляютъ общія свойства юридическихъ лицъ публичнаго права, ближайшимъ образомъ именуемыхъ корпораціями.

Права меньшинствъ не растворимы въ правахъ индивида или цѣлаго, какъ и въ правахъ меньшинствъ не растворимы ни права большинства (цѣлаго), ни права индивида. Права меньшинствъ смягчаютъ извѣчные антагонизмы, возникающіе между личностью и обществомъ, входя въ эти конфликты третьей заинтересованной стороной. Индивидъ въ такой постановкѣ оказывается уже не лицомъ къ лицу съ государствомъ — Левіаѳаномъ, а противостоитъ ему объединенный съ другими по признаку взаимной солидарности, или сходства интересовъ и переживаній. Свободное объединеніе взамѣнъ принудительнаго закрѣпощенія отличаетъ ассоціацію и публично-правовыя корпораціи новаго времени отъ старыхъ цеховъ, сословій и чиновъ. Вѣрно, что еще Аристотель зналъ, что человѣкъ существо общественное. Но что степень «человѣчности» опредѣлается мѣрой его «общественности», — это утвержденіе уже новѣйшаго времени: „L'individu est d'autant plus homme qu'il est plus socialisé, je veux dire, qu'il fait partie de plus de groupes sociaux“ — индивидъ тѣмъ больше человѣкъ, — чѣмъ большаго числа общественныхъ группъ онъ является частью, — пишетъ современный государствовѣдъ. (См. Leon Duguit „Le droit social, le droit individuell et la transformation de l' état (Paris 1908 p. 22). Если аналогичныя по смыслу указанія можно встрѣтить и у болѣе раннихъ авторовъ: даже у Гегеля „Philosophie des Rechts“), Гирке, Зиммеля, идеологовъ французскаго синдикализма и т. п., — то до конца XIX и даже въ началѣ текущаго столѣтія, они не выходили за предѣлы чисто случайныхъ, попутныхъ и весьма общихъ литературныхъ замѣчаній.

Современное общежитіе пересѣкается одновременно во многихъ плоскостяхъ горизонтально и вертикально, сѣченіями продольными и поперечными. Группировкамъ, связаннымъ общностью, или солидарностью интересовъ и цѣлей, противостоятъ антагонистическія группы съ интересами и переживаніями противорѣчивыми и противоположными. Соотвѣтственно съ этимъ и прежняя проблема правъ меньшинства какъ правъ индивида, противостоящаго цѣлому, большинству, — нынѣ претворилась въ проблему правъ меньшинствъ: политическихъ, территоріальныхъ, національныхъ, расовыхъ, религіозныхъ, языковыхъ, профессіональныхъ, классовыхъ и т. д. Нѣкоторыя права однихъ меньшинствъ осложняются

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

правами другихъ, какъ существованіе однихъ группъ — существованіемъ рядовъ другихъ группъ или подгруппъ. Такъ, права національныхъ меньшинствъ иногда не совпадаютъ съ правами расовыхъ и религіозныхъ; профессіональныя меньшинства пересѣкаются территоріальными; территоріальныя — національными и классовыми; политическія распадаются на меньшинства парламентскія, внѣпарламентскія, партійныя и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ видовъ на долю, такъ называемыхъ, національныхъ меньшинствъ выпала тяжелая миссія быть піонеромъ въ дѣлѣ утвержденія положенія о томъ, что права меньшинствъ требуютъ своего признанія не только въ качествѣ отвлеченной академической проблемы, но и въ качествѣ жгучаго и непреложнаго факта дѣйствительности. Изъ всѣхъ видовъ меньшинствъ меньшинства національныя выдѣляются тѣмъ, что они уже получили, хотя далеко и не въ совершенной формѣ, всеобщее признаніе. Такое признаніе выражено и во внутригосударственномъ правѣ и въ международноправовыхъ актахъ. Это заставляетъ удѣлить особое вниманіе правамъ меньшинствъ національныхъ.

II.

Признаніе правъ національныхъ меньшинствъ ведетъ свое происхожденіе отъ охраны правъ подданныхъ и единовѣрцевъ, пребывающихъ въ чужихъ, обыкновенно менѣе культурныхъ странахъ. Исторически раньше другихъ получили юридическое признаніе интересы лицъ, принадлежавшихъ къ католической религіи. Вмѣстѣ съ свободой исповѣданія христіанамъ-католикамъ были обезпечены личная безопасность и возможность торговли съ нехристіанскимъ большинствомъ туземнаго населенія.

Во время пребыванія Карла Великаго на Ближнемъ Востокѣ ему удалось добиться у Гарунъ аль Рашида спеціальныхъ мѣръ охраны интересовъ своихъ подданныхъ. Аналогичные факты имѣли мѣсто и на Дальнемъ Востокѣ. Уже въ XIII вѣкѣ папство заключаетъ договоры объ охранѣ католическихъ миссій съ монгольскими царьками. Въ послѣдующемъ развитіи такія спеціальныя гарантіи подданныхъ болѣе или менѣе значительныхъ христіанскихъ государствъ составили содержаніе, такъ называемыхъ, капитуляцій, удержавшихся до нашихъ дней.

Оснабрюкскій договоръ 1648 г., положившій конецъ тридцатилѣтней войнѣ, впервые уравнялъ въ правахъ католическое большинство Западной Европы съ ея протестанскимъ меньшинствомъ. И лишь въ XIX вѣкѣ —

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ документѣ 1814 года о признаніи Великобританіей, Россіей, Пруссіей и Австріей возсоединенія Бельгіи съ Голландіей — мы встрѣчаемъ впервые признаніе религіознаго равноправія за всѣми меньшинствами, независимо отъ принадлежности къ тому или иному культу или исповѣданію. Вѣнскій Конгрессъ снова суживаетъ это признаніе христіанскими исповѣданіями, вводя спеціальный абзацъ объ «улучшеніи гражданскаго состоянія исповѣдующихъ іудейскую вѣру» (Ст. XVI Приложенія IX къ «Акту о федеративномъ устройствѣ Германіи»). Лондонская Конференція, чрезъ нормы религіозной терпимости впервые какъ бы дентъ въ отношеніи къ вновь образующимся и признаваемымъ въ международномъ порядкѣ государствамъ: полная религіозная свобода должна быть предоставлена всѣмъ жителямъ безъ изъятія, а пользованіе правами, гражданскими или политическими, не можетъ находиться въ зависимости отъ исповѣданія. (Протоколъ № 3 отъ 3 февраля 1830 г.). Въ актахъ 1856 г., въ особенности, въ Протоколѣ 11 февраля, регулировавшемъ положеніе княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, чрезъ нормы религіозной терпимости впервые какъ бы проступаетъ моментъ національный. О правахъ національностей, правда, и здѣсь (въ ст. XVI и XVIII) не говорится текстуально; но за то здѣсь нѣтъ и традиціонной ссылки на «расовыя и религіозныя основанія» — «raison de la race et de de religion.»

Реакціонный по составу своихъ творцовъ и вдохновителей берлинскій трактатъ 1878 г. возвращается къ прежней, узкой точкѣ зрѣнія — религіозной терпимости. Онъ не идетъ дальше признанія того, что различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ быть кому-либо противопоставлено какъ мотивъ для ограниченія въ правахъ или для исключенія отъ пользованія правами — comme un motif d'exclusion ou d'incapacité. (Ст. V, XXVII, XXXV и XLIV). Да и этого удалось добиться лишь благодаря исключительной настойчивости перваго уполномоченнаго Франціи Ваддингтона, которому оказывали самое рѣзкое противодѣйствіе кн. Горчаковъ и гр. Шуваловъ.

Обозрѣвая наиболѣе значительные акты, направленные на защиту религіозныхъ и расовыхъ — изрѣдка и языковыхъ — меньшинствъ, необходимо констатировать, что на протяженіи всей исторіи, до 19-го вѣка включительно, даже тѣ, которые защищали принципы права и свободы, понимали права меньшинствъ весьма узко. Они отстаивали равенство въ правахъ для лицъ, неорганизованныхъ въ единство. Они были весьма далеки отъ мысли признать права того или другого меньшинства, какъ такового, какъ коллективной единицы. И въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ взгядомъ не въ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

меньшинствахъ видѣли носителей или субъектовъ правъ, даже не въ индивидахъ, составляющихъ эти меньшинства, — а въ тѣхъ державахъ и правительствахъ, которыя подписывали международныя соглашенія. Права, устанавливаемыя въ пользу третьихъ лицъ — меньшинствъ, — до XIX вѣка включительно находили свое начало и конецъ, источникъ и гарантію въ волѣ и усмотрѣніи великихъ державъ-покровительницъ.

Если актамъ дипломатическихъ канцелярій противопоставить идеологію наиболѣе радикальнаго отрицанія и этой дипломатіи, и всего существующаго, политическаго и общественнаго, строя, — идеологію соціализма, то и тамъ на протяженіи всего 19 вѣка не найти отчетливаго признанія и послѣдовательной защиты правъ меньшинствъ.

Конечно, права религіозной свободы здѣсь никогда не возбуждали сомнѣній. Свобода религій — частнаго дѣла („Privatsache“) вѣрующихъ — разсматривалась и здѣсь лишь какъ одно изъ многихъ проявленій личной свободы. Права человѣка и гражданина покрывали собой устраненіе всѣхъ ограниченій, связанныхъ съ религіей, расой, національностью или языкомъ. За весь этотъ наиболѣе бурный періодъ развитія соціалистическаго движенія, періодъ наиболѣе пышнаго расцвѣта его интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ, далеко не всегда можно было обнаружить отчетливое сознаніе даже того, казалось, элементарнаго положенія, что противорѣчіями классовыми не исчерпываются безъ остатка всѣ противорѣчія интересовъ и правъ большинства и меньшинства.

Первый Интернаціоналъ подчинялъ признаки государственности и территоріи признаку языка. Обращаясь со своей пропагандой къ пролетаріату различныхъ странъ, онъ организовывалъ его примѣнительно къ различіямъ языка. Организаціонно «Всеобщій нѣмецкій рабочій съѣздъ» въ Нью Іоркѣ и нѣмецкая секція въ Санъ-Франциско подчинялись «Центральному Комитету нѣмецкаго языка», пребывавшему въ Женевѣ. И Первый Интернаціоналъ, образовавшійся какъ Конфедерація языковъ, и Второй, организовавшійся по національно-территоріальному признаку государства, на протяженіи всего XIX вѣка оставались въ сторонѣ отъ проблемы правъ меньшинствъ. Ихъ практическая забота состояла въ борьбѣ противъ привилегій меньшинствъ, въ завоеваніи правъ въ пользу и для большинства. Естественно, что и теоретическія изысканія опредѣлялись тѣмъ же интересомъ къ охранѣ правъ большинства. Ни одна изъ соціалистическихъ программъ, составленныхъ даже въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія — отъ «классической» эрфуртской 1891 г. до генуэзской (1892 г.), брюссельской (1893), вѣнской

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

(1892) и т. д. — не содержитъ въ себѣ ни спеціальнаго анализа соотношеній національнаго большинства и меньшинствъ, ни какихъ-либо практическихъ требованій въ этой области.

Только на самомъ исходѣ девятнадцатаго столѣтія произошелъ радикальный сдвигъ соціалистической идеологіи въ этомъ пунктѣ.

Этотъ сдвигъ оплодоворилъ судьбы не только соціалистической идеологіи и движенія. Онъ оказалъ вліяніе на общее развитіе человѣческой мысли и воли. Это событіе датируется сентябремъ 1899 г., когда австрійская соціалъ-демократія собралась на брюннскій партейтагъ.

Принятая въ Брюннѣ программа по своей формѣ весьма слабо передаетъ смыслъ происшедшей перемѣны. Нѣкоторыя изъ ея положеній подсказаны исключительно мѣстными условіями феодально-отсталаго государства, не переставшаго быть ареной внутри-національныхъ раздоровъ. Брюннская программа обходила молчаніемъ вопросъ о содержаніи правъ меньшинствъ и о способѣ ихъ защиты. Тѣмъ не менѣе она вносила цѣлый переворотъ не только психологическій, но и принципіальный, методологическій — въ прежнюю постановку вопроса дипломатическими канцеляріями и вольнолюбивыми соціалистами: либеральная охрана меньшинствъ отъ посягательствъ извнѣ замѣнялась положительнымъ признаніемъ за меньшинствами извѣстныхъ полномочій. «Слово «охрана» — говорилъ въ заключительной рѣчи докладчикъ на съѣздѣ Зелигеръ — не совсѣмъ охватываетъ то, что національнымъ меньшинствамъ должно быть предоставлено. Не въ томъ только дѣло, чтобы культурное развитіе національнаго меньшинства оградить отъ помѣхъ со стороны большинства, — надо позаботиться и о томъ, чтобы этому меньшинству были предоставлены также извѣстныя права».

Брюннская программа давала положительное признаніе правъ меньшинствъ въ самой общей формѣ. Его необходимо было заполнить конкретнымъ содержаніемъ. Это не замедлили сдѣлать вдохновители и апологеты новой постановки проблемы меньшинствъ въ Австріи. Среди нихъ въ первую очередь — руководители журнала „Akademiker“, издававшагося въ Прагѣ юго-славянской соціалъ-демократіей; затѣмъ Реннеръ — первый премьеръ-министръ пореволюціонной Австріи, писавшій подъ псевдонимомъ «Синоптикусъ» и «Рудольфъ Шпрингеръ»; и нынѣшній лидеръ австрійской соціалъ-демократіи — Отто Бауэръ. Въ своемъ обширномъ трудѣ «Національный вопросъ и соціалъ-демократія» О. Бауэръ приходитъ къ выводу о томъ, что «національныя меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области должны быть конституированы, какъ публично-правовыя корпораціи».

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Юридическая формулировка открывала возможность для будущаго распространить ее съ меньшинствъ національныхъ на меньшинства и другого рода. Та же формулировка, которая была придана обезпеченію правъ національныхъ меньшинствъ, — принципъ такъ называемой, національно-персональной автономіи, — получила широкое признаніе и за предѣлами соціалистической среды. Переступивъ границы Австріи, она получила весьма быстрое распространеніе, особенно, въ сложныхъ государствахъ многоплеменнаго и разноязычнаго состава и, въ частности — въ Россіи.

Еще въ 1907 г. Конференція національныхъ соціалистическихъ партій Россіи, въ которой приняли участіе, помимо партіи соціалистовъ-революціонеровъ, бывшей иниціаторшей Конференціи, — представители соціалистическихъ партій: польской (въ числѣ делегатовъ былъ и нынѣшній «начальникъ государства» — І. Пилсудскій), бѣлорусской, еврейской, грузинской (соціалисты-федералисты) и армянской (дашнакцутюнъ), — отмѣтила «всю важность вопроса о необходимости созданія экстерриторіальныхъ національныхъ союзовъ публично-правового характера въ дѣлѣ разрѣшенія національнаго вопроса именно въ Россіи, представляющей такое разнообразіе переплетающихся національныхъ элементовъ». Конференція не могла полностью преодолѣть власти прежнихъ догматовъ и традицій и признала условное значеніе за обезпеченіемъ правъ національныхъ меньшинствъ: — лишь «поскольку тѣ или другія мѣры, направленныя въ защиту составляющихъ меньшинство національностей, не противорѣчатъ интересамъ классовой борьбы». Соотвѣтственно съ этимъ Конференція полагала, что вопросъ объ экстерриторіальномъ характерѣ національныхъ союзовъ «не вполнѣ еще вышелъ изъ области дискуссій».

Изъ сферы отвлеченныхъ дискуссій этотъ вопросъ былъ выведенъ міровой войной и революціями, вспыхнувшими въ Россіи, Австріи, Венгріи, Германіи. Войны и революціи перемѣстили проблему внутригосударственнаго признанія правъ національныхъ меньшинствъ въ область практическаго ея разрѣшенія актами международнаго права.

III.

Въ грозѣ и бурѣ мартовской революціи былъ возвѣщенъ міру принципъ свободнаго самоопредѣленія народовъ, легшій позднѣе въ основаніе 14 пунктовъ Вильсона и весьма несовершенно реализованный Мирной Конфернціей.

Надо, однако, признать, что если Конференція Мира, въ концѣ концовъ, не оправдала ни войны, ни тѣхъ надеждъ,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

которыя возлагали на миръ послѣ войны, — это произошло не только въ силу личныхъ дефектовъ руководителей и организаторовъ Конференціи. Надо признать и объективную невозможность примирить противоположные интересы всѣхъ и каждаго, ставившихъ свои цѣли и домогательства выше общихъ задачъ мира. Къ всемогущей, какъ тогда казалось, Конференціи мира съ первыхъ же дней ея существованія со всѣхъ сторонъ потянулись безчисленныя ходатайства, представленія, меморандумы, записки, ноты. Различнаго рода истцы и отвѣтчики, индивидуально и коллективно, домогались удовлетворенія своихъ претензій въ ущербъ претензіямъ другихъ относительно расширенія своихъ, умаленія чужихъ территорій, возмѣщенія убытковъ, признанія независимости и т. д. За единичнымъ исключеніемъ ни одно домогательство, исходило ли оно отъ великихъ или малыхъ державъ, отъ державныхъ или угнетенныхъ народовъ, не возвысилось до того, чтобы защищая свои интересы и права, въ то же время не презрѣть чужихъ. Исключеніе, вызванное специфическимъ положеніемъ истца — разсѣяннаго среди всѣхъ государствъ міра и потому одинаково заинтересованнаго въ универсальномъ утвержденіи режима права и свободы, — составилъ Меморандумъ, представленный Комитетомъ Еврейскихъ Делегацій при Конференціи Мира.

Этотъ Меморандумъ ни словомъ не упоминалъ о правахъ евреевъ. Исходя изъ интересовъ послѣднихъ, онъ выходилъ, однако, далеко за предѣлы защиты правъ только евреевъ. Въ этомъ общій, принципіальный интересъ документа. Онъ защищаетъ права меньшинствъ, какъ таковыхъ, **всѣхъ** меньшинствъ національныхъ, расовыхъ, религіозныхъ, языковыхъ. Подъ непосредственнымъ и явнымъ вліяніемъ этого Меморандума были составлены и даже редактированы статьи о «Защитѣ правъ меньшинствъ», которыя составляли особые отдѣлы въ большинствѣ международныхъ договоровъ, заключенныхъ въ 1919 и 1920 гг. въ Парижѣ и его окрестностяхъ: Версалѣ, Сенъ-Жерменѣ, Тріанонѣ и Нейнъ-сюръ-сенъ. (См. M. Vichniac: «La protection des droits des Minorités dans les Traités internationaux 1919—1920. » Paris. Edition l. Povolozky.) Этими договорами права меньшинствъ ставились подъ защиту Лиги Націй и ея органовъ. Судьбы правъ меньшинствъ, предусмотрѣнныхъ въ договорахъ 1919 и 1920 гг., въ значительной мѣрѣ предопредѣлялись тѣмъ самымъ судьбами Лиги Націй: исторіей ея созданія, внутренней организаціонной структурой, международнополитической ея значимостью.

Въ томъ видѣ, въ какомъ права меньшинствъ получили свое международное признаніе въ актахъ 1919 и 1920 гг., въ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

значительной мѣрѣ удержанъ былъ пережитокъ стараго воззрѣнія, когда великія державы покровительницы — нынѣ именующія себя «главныя союзныя и присоединившіяся къ нимъ державы» («les Principales Puissances alliées et associées») — считали своимъ моральнымъ и политическимъ долгомъ печься о своихъ соплеменникахъ, единовѣрцахъ или собратьяхъ по языку или національности, составляющихъ меньшинства въ другихъ, второстепенныхъ или менѣе культурныхъ государствахъ. Чтобы получить всеобщее признаніе, права меньшинствъ должны были быть включены въ кодексъ всего современнаго общежитія, независимо отъ ранга и положенія входящихъ въ это общежитіе государствъ. Фактически же правами меньшинствъ оказались связаны лишь государства второго порядка, — преимущественно, побѣжденныя или возсозданныя изъ распавшихся государствъ: Чехо-Словакія, Польша, Австрія, Венгрія, Болгарія, Юго-Славія, Румынія, Турція. Сдѣлавшись универсальными, общеобязательными, права меньшинствъ безболѣзненно вошли бы и въ укладъ современной жизни. Включенныя же только въ нѣкоторые кодексы, въ порядкѣ своего рода превентивной или репрессивной мѣры въ отношеніи къ малымъ и молодымъ, ненадежнымъ государствамъ, — права меньшинствъ оказались восприняты какъ своеобразное публично-правовое capitis diminutio, или ограниченіе правъ и суверенитета, къ которому вынудили другихъ «главныя союзныя и присоединившіяся къ нимъ державы».

Освободивъ себя отъ включенія въ свои кодексы нормъ, регулирующихъ права меньшинствъ, тѣ же «главныя союзныя и присоединившіяся къ нимъ державы» ввѣрили защиту правъ меньшинствъ не самимъ меньшинствамъ, ближайшимъ образомъ въ томъ заинтересованнымъ, а тому органу Лиги Націй, въ которомъ за этими державами обезпечено было преимущественное положеніе. Контроль за соблюденіемъ признанныхъ нѣкоторыми государствами правъ меньшинствъ предоставленъ былъ Совѣту Лиги Націй. Только Совѣтъ въ которомъ «главныя союзныя и присоединившіяся къ нимъ державы» имѣютъ большинство — пять изъ девяти мѣстъ, если считать и Соединенные Штаты, — надѣленъ юридической возможностью «обращать вниманіе» на нарушеніе или опасность нарушенія правъ меньшинствъ.

Вмѣсто того, чтобы исходить отъ меньшинствъ, охраняющихъ свои права, акты 1919-1920 гг. исходятъ отъ правъ Лиги Націй и входящихъ въ ея составъ руководящихъ державъ. Такой режимъ въ пользу третьихъ лицъ, меньшинствъ, обрекаетъ не только эти третьи лица на пассивность, — онъ обрекаетъ на безплодіе и неудачу самый режимъ. Для того, чтобы быть жизненнымъ, всякій правопорядокъ дол-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

женъ быть дѣйственнымъ. За меньшинствами должна была быть признана не только правоспособность въ области публичнаго права, но и дѣеспособность во внутригосударственныхъ отношеніяхъ также, какъ и въ международно-правовыхъ. Меньшинства должны были быть поставлены не только подъ контроль и охрану Совѣта и Суда Лиги Націй, — они должны были стать однимъ изъ элементовъ внутригосударственнаго и международнаго порядка. Они должны были пріобрѣсти право ipso jure самостоятельно приводить въ движеніе въ своемъ интересѣ государственные и международные органы: возбуждать жалобы и иски, поддерживать обвиненія; отвѣчать по суду, давать показанія, притязать на рядъ услугъ, словомъ, — должны были быть признаны полномочными субъектами публичнаго права, а не юридически несовершеннолѣтними или своего рода nascituri.

Несовершенство и незавершенность нынѣ существующей Лиги никѣмъ не оспаривается. Наиболѣе преданные и искреніе друзья Лиги Націй особенно страстно критикуютъ реальное воплощеніе идеи Лиги Націи и ея кратковременную практику. Сколь ни различны точки зрѣнія отдѣльныхъ людей и народовъ, какъ ни рѣзко ихъ положеніе объективно, всѣ — и люди, и народы — отчетливо знаютъ одно: они не хотятъ и не могутъ вновь пережить катастрофы, которыми сопровождались и закончилась міровая война. Не мечты объ отдаленномъ будущемъ, не мистическая или утопическая «любовь къ дальнему», а самая прозаическая и элементарная любовь даже не къ ближнему, а къ самому себѣ толкаетъ человѣчество къ новымъ формамъ общежитія, къ тому, что должно было составить смыслъ Лиги Націй. Говоря словами Ж.-Ж. Руссо въ «Трактатѣ о вѣчномъ мирѣ», — «если этотъ планъ останется неосуществленнымъ, то это отнюдь не потому, что онъ химеричнъ, а потому, — что люди безразсудны, и что особый видъ безумія — быть разсудительнымъ среди безумцевъ».

Несовершенство и незавершенность, въ частности, признанія правъ меньшинствъ уже вызвали рядъ предложеній и поправокъ, исходящихъ какъ отъ официальныхъ органовъ Лиги Націй, такъ и отъ неофиціальныхъ Обществъ въ защиту Лиги Націй, объединенныхъ въ Международный Союзъ. На послѣднемъ Женевскомъ съѣздѣ Обществъ Лиги Націй въ іюнѣ 1921 г. принято было пожеланіе о томъ, чтобы «заключающіеся въ договорахъ объ охранѣ меньшинствъ общіе принципы почитались (soient respectés) во всѣхъ государствахъ, каковы бы ни были эти государства». Было признано необходимымъ теперь же уравнять всѣхъ членовъ Лиги На-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

цій въ правѣ «обращать вниманіе» Совѣта Лиги въ случаяхъ нарушенія или опасности нарушенія правъ меньшинствъ; а чтобы сдѣлать болѣе дѣйствительными обязательства, принятыя въ отношеніи къ меньшинствамъ, Съѣздъ Обществъ Лиги Націй «пригласилъ» Совѣтъ Лиги создать Постоянную комиссію для обслѣдованія и составленія докладовъ по повду жалобъ, поступающихъ къ Лигѣ Націй о случаяхъ несоблюденія принятыхъ обязательствъ. Этой Комиссіи должно быть предоставлено право производить анкету на мѣстахъ и осуществлять полномочія, которыми ее надѣлитъ Совѣтъ Лиги. Очередное (второе) Общее Собраніе Лиги Націй провело это положеніе въ жизнь: оно постановило создать при Совѣтѣ Лиги Комиссію по принятію жалобъ на несоблюденіе правъ меньшинствъ. Собравшемуся въ октябрѣ 1920 г. въ Брюсселѣ Совѣту Лиги Націй былъ представленъ официальный докладъ о дѣйствительныхъ мѣрахъ къ охранѣ правъ меньшинствъ. Въ этомъ документѣ докладчикъ Титтони доказывалъ, что за членами Лиги Націй, непредставленными въ Совѣтѣ, также какъ и за самими заинтересованными меньшинствами сохраняется возможность указывать на случаи нарушенія или опасности нарушенія правъ меньшинствъ. Только этимъ дѣйствіямъ не придается юридическаго значенія: они имѣютъ характеръ «петиціи» или «простой информаціи».

Критика формы, въ которую облечено признаніе правъ меньшинствъ международными актами послѣднихъ лѣтъ, вышла бы, однако, за свои законные предѣлы, если бы сопровождалась недооцѣнкой существа этой регламентаціи. Несмотря на всѣ свои частные дефекты, эта регламентація имѣетъ громадное положительное — историческое и правовое значеніе. Здѣсь впервые формально признана самодовлѣющая культурная цѣнность за меньшинствами расы, исповѣданія, національности и языка, какъ за таковыми. Здѣсь, впервые въ исторіи, права отдѣльнаго человѣка и гражданина восполняются правами организованныхъ группъ, или коллективовъ. Здѣсь правовое признаніе выходитъ за предѣлы территоріальной замкнутости. Переступая границы государства, въ которомъ права меньшинствъ санкціонированы соотвѣтствующей суверенной властью, меньшинства попадаютъ въ сферу признанія международнаго права.

Акты 1919—1920 гг. касаются справнительно узкой категоріи меньшинствъ. Они оставляютъ въ сторонѣ меньшинства политическія, хозяйственныя, профессіональныя. Пожалуй, трудно опредѣлить, какія противорѣчія стоили человѣчеству дороже, отняли у него больше жертвъ: хозяйственныя или религіозныя, политическія или расовыя? Во всякомъ случаѣ, съ опредѣленностью можно утверждать, что содер-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

жаніе всей политической и экономической борьбы, въ частности, — взаимоотношенія между экономически властвующимъ меньшинствомъ и создающимъ хозяйственную жизнь, но политически безвластнымъ большинствомъ, — ходъ и исходъ всѣхъ войнъ и революцій, не исключая и послѣднихъ, питались и осложнялись противорѣчивыми интересами національныхъ, расовыхъ, религіозныхъ и языковыхъ большинствъ и меньшинствъ.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія вопросъ о признаніи національныхъ меньшинствъ и раціональная охрана ихъ правъ пріобрѣтаетъ болѣе общій смыслъ и значеніе. Онъ пріобрѣтаетъ не только академическій смыслъ, но и практическое значеніе для всѣхъ соціальныхъ большинствъ и меньшинствъ, независимо отъ признака группировки.

IV.

Если отойти отъ точки зрѣнія, не проводящей различія между личностью и обществомъ, а сводящей либо личность къ обществу, либо общество къ личности, либо одновременно одно къ другому — по примѣру Владимира Соловьева, видѣвшаго въ личности «суженное общество», а въ обществѣ — «расширенную личность», — можно по разному расцѣнивать роль личности и общества въ историческомъ процессѣ. Надо лишь отмѣтить, что въ процессѣ отдаленія отъ абстракціи и приближенія къ реальностямъ «общество» все больше растворялось въ «толпѣ», «массахъ», классахъ, группахъ, или — большинствахъ и меньшинствахъ. Въ развитіи же прогресса каждому изъ трехъ дѣйствующихъ агентовъ — личности, меньшинствамъ и большинствамъ — можно отвести свою преимущественную сферу вліянія.

Отдѣльному индивиду принадлежитъ опредѣляющая роль въ исторіи развитія идей. Здѣсь поворотными и кульминаціонными пунктами были Аристотель, а не перипатетическая школа, Христосъ, а не христіанскія общины, Коперникъ и Кантъ, а не ихъ послѣдователи. Въ исторіи развитія учрежденій преимущественное вліяніе оказывали меньшинства. Та роль, которую въ свое время играли коллегіи жрецовъ или священниковъ, ордена и сословія, цехи и профессіональные союзы, индепенденты и левеллеры («независимцы» и «уравнители») всѣхъ эпохъ, политическіе клубы, бюрократія и т. д., — выдвинула, на ряду съ тезисомъ Карлейля: «всемірная исторія есть исторія великихъ людей», тезисъ, который и сейчасъ защищаютъ Оларъ или Еллинекъ о томъ, что «всякій прогрессъ всегда дѣло рукъ меньшинства». Однако, для того, чтобы «покушеніе» на прогрессъ,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

учиняемое, какъ правило, меньшинствомъ, сдѣлалось прогрессомъ законченнымъ, — дѣло меньшинства должно быть принято большинствомъ. Только сознаніе и воля большинства способны замыселъ или начинанія превратить въ жизненный бытъ. Въ этомъ историческая миссія «массъ».

Для оптимистическаго вѣка Руссо характерна была безмятежная вѣра въ благую природу человѣка и въ магію общественныхъ учрежденій, легко и быстро претворящихъ «частную волю». Между индивидомъ и цѣлымъ, его большинствомъ и меньшинствомъ здѣсь нѣтъ мѣста для коллизіи волъ, мнѣній или интересовъ. Для дисгармоническаго и діалектическаго девятнадцатаго вѣка — Спенсера и Маркса — было наоборотъ, характерно безвѣріе въ человѣка, расчетъ на то, что чѣмъ хуже учрежденія, тѣмъ, въ сущности, лучше для прогресса: имманентное развитіе существующихъ отношеній превратитъ дифференціацію въ интеграцію, капитализацію и пролетаризацію — въ соціализацію и экспропріацію экспропріаторовъ, классовую борьбу — во внѣклассовый миръ. Для нашего вѣка, унаслѣдовавшего и опытъ «насъ возвышающаго обмана» 18-го столѣтія, и опытъ «низкихъ истинъ» 19-го, — равно чужды и чрезмѣрныя упованія перваго, и безмѣрный агуманизмъ послѣдняго. Для нашего времени очевидна вся условность «обмановъ» 18-го вѣка и «истинъ» 19-го; очевидна множественность и разнородность ступеней и звеньевъ, связующихъ простое со сложнымъ, борьбу съ миромъ, противорѣчіе съ гармоніей, индивида съ коллективомъ, единства, образующія меньшинства по одному признаку, съ единствами, образующими большинства по другому признаку.

Прежде историческое заданіе заключалось въ томъ, чтобы на мѣсто всевластія одного или нѣкоторыхъ, привилегированнаго меньшинства поставить всевластіе всѣхъ или большинства. Единственный предѣлъ самодержавію народа или большинства ставили непререкаемыя права индивида, — равныя для всѣхъ временъ и народовъ, прирожденныя ему и имъ привносимыя изъ естественнаго состоянія въ государственное. Новѣйшее время не довольствуется подстановкой одного всевластія вмѣсто другого. Оно отрицаетъ самое всевластіе, всякое самодержевіе, какъ таковое. Несмотря на количественную разницу, деспотизмъ большинства надъ меньшинствомъ по существу есть и воспринимается какъ такое же отрицаніе права, какъ и деспотизмъ меньшинства надъ большинствомъ. Устраненіе же всякаго всевластія — одного, нѣкоторыхъ или большинства — есть отрицаніе всякой монопольной власти, есть утвержденіе ряда или множественности разнородныхъ носителей власти, имѣющихъ условную и соотносительную другъ съ другомъ правовую значимость. Только единое абсолютно. И только абсолютное едино. И ничто такъ не харак-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

терно для права, какъ текучесть и измѣняемость, ему болѣе чѣмъ кому-либо присущія условность и относительность, вѣчное становленіе — «das ewige Werden».*) Ничто такъ не противно праву, какъ стремленіе свести его къ единому абсолюту, будь то возведеніе къ высшему отвлеченному началу (Штаммлеръ, Краббе, А. С. Алексѣевъ) — или низведеніе къ низшимъ началамъ (Гумпловичъ, Сорель, марксистская школа) или, наконецъ, отождествленіе съ какимъ-нибудь однимъ учрежденіемъ или одной субъективной категоріей, — лицомъ, группой, меньшинствомъ, большинствомъ.

Еллинекъ былъ несомнѣнно неправъ, когда свое изслѣдованіе о правахъ меньшинствъ закончилъ утвержденіемъ, что «признаніе правъ меньшинствъ о д н о лишь въ состояніи охранить общество отъ духовнаго и нравственнаго измельчанія и одичанія». Это было не только односторонноей переоцѣнкой положительныхъ возможностей, которыя могло дать признаніе правъ меньшинствъ. Это было въ то же время повтореніемъ методологической ошибки прежняго времени, когда правовой прогрессъ усматривался въ какомъ-нибудь единоспасающемъ, абсолютномъ началѣ. Гораздо ближе къ дѣйствительности былъ Еллинекъ въ своей болѣе поздней работѣ, когда онъ резюмировалъ свои наблюденія о «Конституціяхъ, ихъ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ» въ такихъ выраженіяхъ: «Современное общество охвачено процессомъ развивающейся самоорганизаціи. Самые разнообразные человѣческіе интересы, которымъ тщетно хотятъ дать выраженіе при составленіи парламента, все болѣе и болѣе объединяютъ отдѣльныхъ лицъ въ множество взаимноперекрещивающихся группъ. Право образованія корпорацій, которое, главнымъ образомъ, беретъ свое начало въ сферѣ индивидуальной свободы, но которымъ общественныя власти пользуются также и въ соціальныхъ интересахъ, является самымъ могущественнымъ средствомъ для группировки гражданскаго общества, обреченнаго, какъ первоначально казалось, на вѣчную распыленность. Въ этихъ корпораціяхъ идея представительства можетъ получить гораздо болѣе вѣрное выраженіе, чѣмъ въ существующихъ центральныхъ парламентахъ, потому что органы корпорацій предназначены служить лишь болѣе ограниченнымъ интересамъ своихъ членовъ, въ противоположность идеѣ отразить всю жизнь народа въ его представительствѣ».

---

*) Подробнѣе эта точка зрѣнія мною развита въ статьѣ «Идея суверенитета въ политической доктринѣ прежде и теперь.» (Органъ моск. юридич. общества «Юридическій Вѣстникъ» № 1 за 1917 г.). — Она исходитъ изъ той «Методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права,» которая въ русской юридической литературѣ ближе всего связана съ именемъ безвременно погибшаго Богдана Александр. Кистяковскаго.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Здѣсь не мѣсто касаться вопроса о взаимоотношеніяхъ между парламентомъ, какъ народнымъ представительствомъ, и «спеціальными парламентами», какъ выражается Еллинекъ, или «представительствомъ интересовъ и компетенцій», по излюбленной терминологіи французскихъ публицистовъ. Здѣсь умѣстно лишь отмѣтить тотъ фактъ, что эта идея отнюдь не датируется «второй стадіей развитія человѣчества», которая, по увѣреніямъ Анри Барбюса, начинается съ «основного и лучшаго событія міровой исторіи, болѣе значительнаго чѣмъ христіанство или французская революція» — Конституціи Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики». (Сборникъ Henri Barbusse: „Le couteau entre les dents.“ — Paris. Edit. „Clarté“ 1921). Это идея гораздо болѣе ранняго происхожденія. Практическое же воплощеніе этой идеи, которое принесла Совѣтская Конституція, явилось полнымъ отрицаніемъ не только прежнихъ правовыхъ принциповъ, въ томъ числѣ и «принциповъ 89 года», но и права вообще.

«Декларація правъ трудящагося народа», возвѣщенная въ Совѣтской Конституціи, двоякимъ образомъ отступила отъ Декларацiи правъ человѣка и гражданина 1789 г. Она, во-первыхъ, права личности з а м ѣ н и л а правами коллектива. Она, во вторыхъ и въ главныхъ, — провозгласила права трудящагося народа не въ развитіе и въ дополненіе правъ народа, не какъ частный и спеціальный случай народовластія, а какъ его отрицаніе и антитезу, — в з а м ѣ н ъ народовластія. Оттого, что суверенитету трудящагося народа по смыслу и буквѣ Совѣтской Конституціи придано было наиболѣе крайнее выраженіе, далеко превосходящее абсолютные предѣлы коллективнаго верховенства, установленн Руссо, — Декларація правъ «второй стадіи развитія чества», не выиграла, а проиграла въ своемъ сос духи и вѣяніямъ современной демократіи.

Правосознаніе современной демократіи не отрицае ни правъ гражданина, ни правъ коллектива. Оно не противополагаетъ, а соподчиняетъ ихъ другъ другу. Самый коллективъ оно разсматриваетъ не какъ единый абсолютъ, а какъ множественность соотносительныхъ большинствъ и меньшинствъ, сплачивающихся по сходству или по солидарности интересовъ или цѣлей и, въ свою очередь, распадающихся въ предѣлахъ каждаго изъ большинствъ и меньшинствъ на свои внутреннія большинства и меньшинства. Возьмемъ ли мы государство какъ политическій коллективъ или какъ коллективъ соціальный, власть имущее меньшинство и подвластное большинство или трудящееся большинство и нетрудящееся меньшинство и тутъ, и тамъ всегда въ своей собственной средѣ имѣютъ несогласныя съ нимъ единицы или группы,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

иногда организованныя въ единства. Положеніемъ этихъ оппозиціонныхъ единицъ и группъ опредѣляется уровень правового развитія цѣлаго, государства или общества. Оно является своего рода мѣриломъ прогресса: чѣмъ либеральнѣе положеніе оппозиціи, или несогласныхъ съ большинствомъ меньшинствъ — политическихъ, національныхъ, религіозныхъ, соціальныхъ, — тѣмъ выше, культурнѣе, юридически развитѣе общежитіе. И, наоборотъ, чѣмъ стѣснительнѣе режимъ оппозиціи, — тѣмъ ниже, примитивнѣе, архаичнѣе и общій режимъ. Еще Кавуръ замѣтилъ, что съ помощью военнаго положенія можетъ управлять всякій глупецъ. И ничто такъ не показательно для «разума» совѣтскихъ правителей въ Россіи, какъ рѣшительное устраненіе отъ всякой общественной дѣятельности всѣхъ несогласныхъ съ правящей партіей, всѣхъ, иногда совершенно произвольно принимаемыхъ ею за меньшинства, оппозиціонныхъ группъ. Ничто съ такою непререкаемостью не свидѣтельствуетъ о существѣ, такъ называемой, рабоче-крестьянской дитатуры, какъ ея реакція — обыкновенно въ формѣ «высшей мѣры наказанія»— на малѣйшее отступленіе отъ оффиціальнаго курса.

Всесторонее признаніе правъ меньшинствъ является вѣнцомъ современной демократіи. Естественно, что раціональная регламентація этихъ правъ предполагаетъ радикальное измѣненіе ставшихъ нынѣ традиціонными внутри и междугосударственныхъ правовыхъ отношеній.

Не къ осуществленію индивидуалистическаго идеала сверхчеловѣка, по Ницше, или аристократическаго идеала немногихъ избранныхъ, по Платону, или «наибольшаго счастья наибольшаго числа людей», по Бентаму, или «вселенскаго добра» по Владимиру Соловьеву, — можетъ стремиться грядущій правопорядокъ. Его задача скромнѣе, но, поскольку эта задача не выходитъ за предѣлы реальныхъ правовыхъ возможностей, она не менѣе почетна. Эта задача — обезпечить мѣсто подъ солнцемъ права *каждому* лицу *и всякой* группѣ лицъ, добивающимся его признанія.

М. В. Вишнякъ.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРОФ. Б. Э. НОЛЬДЕ

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО и ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРЕСОВЪ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРЕСОВЪ

Современное человѣчество справляется съ задачами своей политической организаціи своимъ коллективнымъ разумомъ. Крупная политическая идея, брошенная въ одномъ концѣ міра, не знаетъ границъ и, рано или поздно, — можетъ быть, утративъ по дорогѣ печать своего перваго изобрѣтателя, а, можетъ быть, и сохранивъ ее, — оказывается развѣянной по всему бѣлому свѣту. Процессы «рецепціи» въ государственномъ строительствѣ современности, этого безконечнаго и непрерывнаго переноса политическихъ идеаловъ изъ одной страны въ другія, похожи на движенія воздушной атмосферы, что несутъ ясную погоду, благодѣтельный дождь, злую бурю или суровую стужу. И такъ же, какъ движенія воздуха, движенія политическихъ мыслей не всегда точно уловимы и точно учитываемы. Одна волна перегоняетъ другую, съ ней сливается, ее обгоняетъ, и вы не услѣдите ея начала, какъ не услѣдите ея конца.

Въ этихъ общихъ рамкахъ становится и разрѣшается и та важнѣйшая задача современной политической жизни, которая связана въ организаціей законодательной власти въ формахъ народнаго представительства. Мы только-что пережили эпоху, въ теченіе которой значительная часть европейскаго населенія поставлена была въ необходимость заново строить ту политическую постройку, въ которой ей предстоитъ жить. Возникли десятки новыхъ конституцій, на которыхъ лежитъ печать послѣвоеннаго времени и которыя всѣ имѣютъ между собой какъ бы семейное сходство, — явленіе не новое, ибо и все предшествующее конституціонное развитіе Европы знаетъ такія эпохи одновременнаго творчества новыхъ хартій съ неизбѣжнымъ единствомъ историческаго стиля. Всѣ эти

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

десятки новыхъ конструкцій стиля «1919» стояли одинаково передъ проблемой организаціи народнаго представительства и всѣ почерпнули ея разрѣшеніе изъ какого-то общаго источника, изъ одного и того-же резервуара политическихъ идеаловъ, оказавшихся имъ навязаннымъ диктатурой общечеловѣческаго коллективнаго мышленія.

Въ чемъ это рѣшеніе? Оно звучитъ почти труизмомъ и слагается изъ двухъ коренныхъ положеній: первое состоитъ въ томъ, что законы страны издаются представителями народа и второе въ томъ, что эти представители избираются всеобщей подачей голосовъ. Откидывая всѣ подробности, въ этихъ двухъ положеніяхъ — все существо того идеала «демократіи», «народовластія», который сталъ безспорной и непререкаемой аксіомой всякаго политическаго творчества въ послѣвоенной Европѣ.

Вотъ Финляндія, страна не-банальнаго политическаго развитія, сумѣвшая на пространствѣ столѣтія, въ условіяхъ трудныхъ, соблюсти наслѣдіе идей скандинавскаго конституціонализма, со всѣми многообразными его особенностями и традиціонно-монархическимъ чеканомъ. «Форма Правленія» 17 Іюля 1919 г. объявляетъ въ § 2 (ч. 1) : «Суверенная власть въ Финляндіи принадлежитъ народу, представленному своими уполномоченными, собранными въ сеймѣ (риксдагѣ)». Формѣ Правленія не приходится добавлять, что эти народные представители избираются всеобщей подачей голосовъ, ибо ей достаточно сослаться на сеймовый уставъ 1906 г., еще русскихъ временъ, освятившій во всемъ его объемѣ начало всеобщаго избирательнаго права и представлявшій въ свое время самый передовой въ этомъ отношеніи законодательный актъ всей Европы.

Вотъ другая страна, заново созданная, много вѣковъ не знавшая самостоятельнаго политическаго бытія, — Чехословакія. У ней нѣтъ никакого конституціоннаго наслѣдія, есть только навыки, пріобрѣтенные въ австро-венгерскомъ государственномъ комплексѣ и въ школѣ европейской и,въ особенности, германской культуры. Ея конституція — 29 Февраля 1920 г. — говоритъ въ терминахъ нѣмецкой науки, но говоритъ тоже самое, что только-что говорила Финляндская Форма Правленія. «Народъ есть единственный источникъ всей государственной власти въ Чехословацкой Республикѣ. — Конституція опредѣляетъ, черезъ какіе органы суверенный народъ даетъ себѣ законы, приводитъ ихъ въ исполненіе и творитъ правосудіе...» (§ 1). «Законодательную власть осуществляетъ на всей территоріи Чехословацкой Республики Народное Собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ: Палаты Депутатовъ и Сената...» (§ 6). «Палата депутатовъ имѣетъ 300 членовъ, которые избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ, тайнымъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

голосованіемъ, по началу пропорціональнаго представительства...» (§ 8). «Сенатъ имѣетъ 150 членовъ, которые избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ, тайнымъ голосованіемъ, по началу пропорціональнаго представительства...» (§ 13).

Или еще классическія по своей точности, краткости и ясности формулы германской имперской конституціи 11 Августа 1919 г.: «Статья 20. Рейхстагъ состоитъ изъ депутатовъ германскаго народа. Статья 21. Депутаты суть представители всего народа. Они подчинены лишь своей совѣсти и не связаны порученіями. Статья 22. Депутаты избираются общимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ выборомъ достигшими двадцати лѣтъ мужчинами и женщинами по началамъ пропорціональнаго выбора...»

Вездѣ одна доктрина и часто одна терминологія. Не происходитъ уже никакой борьбы при усвоеніи существа здѣсь выраженныхъ организаціонныхъ истинъ и, если возникаютъ споры и колебанія, то только о словахъ, въ которой всеобще обязательная доктрина будетъ высказана.*)

Историкъ политическихъ учрежденій хорошо знаетъ, что и идея народнаго представительства, и идея всеобщаго избирательнаго права, съ такой поразительной легкостью усвояемыя на нашихъ глазахъ, совсѣмъ не само собой разумѣющіяся положенія государственнаго строительства. Догматикъ добавитъ, что вокругъ обѣихъ идей, и въ особенности первой, до сихъ поръ идетъ самый оживленный и подчасъ рѣзкій споръ, въ которомъ доказывается не одна историческая, но еще и теоретическая условность кажущихся намъ практически-непререкаемыми истинъ.

Конституціонализмъ въ Европѣ — господство начала раздѣла публичныхъ функцій, и въ частности функцій законодательствованія, между различными элементами общественнаго цѣлаго по правиламъ высшаго основного закона страны и во имя политической свободы — представляетъ собой старинѣйшую европейскую государственную традицію, обусловленную богатствомъ тѣхъ соціальныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось европейское государство. Но эта традиція сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ «народнымъ представительствомъ» въ собственномъ смыслѣ слова. Когда королева Марія Тереза въ одной изъ странъ

---

*) Примѣры стилистическихъ колебаній въ проектахъ польской конституціи (ст. I и II): дѣйствующая конституція говоритъ, что суверенная власть въ польской реепубликѣ принадлежитъ народу; партія П. П. С. проектируетъ добавить, что власть цѣликомъ исходитъ отъ совокупности гражданъ республики; народная партія Вызволеніе требуетъ, чтобы было сказано не «принадлежитъ народу,» а «исходитъ отъ народа.» И т. д. См. Projekty Konstytuciji Rzeczypospolitej polskiej, Warszawa, 1920, 7 s.; Potulicki, Constitution de la République de Pologne, Varsovie-Paris, 20.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

наиболѣе крѣпкаго и живучаго конституціонализма, въ Венгріи, въ 1741 г. въ своемъ diploma inaugurale «приносила клятву чинамъ своей вѣрной Венгріи и ея присоединенныхъ областей», что будетъ блюсти законы страны и предоставляетъ храненіе ихъ делегатамъ, избраннымъ «чинами», въ головахъ современниковъ не рождалось мысли о «представительствѣ народа». Со «Священной Короной» сговаривались сословныя группы королевства, не его народъ, — и чины королевства не въ качествѣ представителей народа, а какъ таковые, въ качествѣ самостоятельнаго и способнаго тягаться съ короной элемента венгерскаго государственнаго цѣлаго. «Diploma inaugurale» Маріи Терезы можетъ числиться въ исторіи политической свободы въ Европѣ, но онъ не значится въ исторіи европейской демократіи.*)

Начало, что право законодательствовать принадлежитъ вмѣстѣ съ короной не сословнымъ группамъ и ихъ представителямъ, а народу, какъ цѣлому, въ лицѣ депутатовъ, представляющихъ это цѣлое, родилась въ Европѣ въ той странѣ, которая имѣла всегда на ея политическое развитіе безспорно первенствующее вліяніе, которая всегда служила главнымъ — да простятъ мнѣ это тривіальное выраженіе — оптовымъ складомъ европейской политической идеологіи, — во Франціи. Можно было бы, пожалуй, опредѣлить и день рожденія этой новой концепціи. Онъ падаетъ на 6 Мая 1789 г., когда Третье Сословіе созванныхъ подъ вліяніемъ финансовыхъ трудностей Генеральныхъ Штатовъ отказалось приступить къ повѣркѣ своихъ полномочій отдѣльно отъ Духовенства и Дворянства, требуя, чтобы всѣ три состоянія сдѣлали это вмѣстѣ. Дѣло шло о скромныхъ и переходящихъ политическихъ расчетахъ, о нежеланіи, чтобы пропали выгоды двойного числа голосовъ Третьяго Сословія рядомъ съ голосами двухъ другихъ состояній. Но упорство, съ которымъ монархія и большинство привилегированныхъ отказалось подчиниться предложенію Третьяго Сословія, крѣпко и сразу свело всю политическую борьбу на оборону единства Генеральныхъ Штатовъ. Въ нѣсколько дней — мы почти не замѣчаемъ этаповъ — сложилась новая программа и новое политическое сознаніе. Еще 6 Мая Третье Сословіе именуетъ себя «депутатами общинъ», ища въ этомъ традиціонномъ для западнаго конституціонализма словѣ возвышеніе своего внутренняго авторитета и значенія; 15, 16 и 17 Іюня, послѣ появленія въ его средѣ первыхъ священниковъ, покидающихъ Духовенство, оно обсуждаетъ рядъ предложеній о новомъ наименованіи для Собранія, въ родѣ: «Законное Собраніе представителей большей части

*) Henry Marczali, Hungary in the eighteenth century, Cambridge, 1910, 347 ff.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

націи, засѣдающихъ въ отсутствіи меньшей части», и тому подобныхъ робкихъ и громоздкихъ формулъ, пока, наконецъ, Сійесъ не предложилъ въ засѣданіи 17 Іюня назвать Генеральные Штаты «Національнымъ Собраніемъ» и не произнесъ дѣйствительно исторической формулы, обошедшей весь міръ и продолжающей звучать по прежнему громко и молодо: «...такъ какъ представительство народа едино и нераздѣльно, то ни одинъ депутатъ, къ какому бы чину онъ ни принадлежалъ, не въ правѣ осуществлять своихъ функцій отдѣльно отъ настоящаго собранія».*)

Но, конечно, не только потому, что игрой случайныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ и условій политической борьбы весной 1789 г. въ Версалѣ была кинута и подхвачена мысль, что законодательствующіе депутаты суть «представители народа» въ его единствѣ, Франція — должна считаться родиной современнаго народнаго представительства, а потому, что этотъ новый для Европы правовой институтъ былъ тамъ обоснованъ, какъ крѣпкій логическій постулатъ и обоснованъ со всѣмъ блескомъ французскаго мышленія, и еще потому, что тамъ-же онъ былъ воплощенъ въ документѣ, сыгравшемъ громадную роль въ развитіи современнаго человѣчества — въ конституціи 1791 г.

«Суверенитетъ единъ, нераздѣленъ, неотчуждаемъ и не подлежитъ давности. Онъ принадлежитъ Народу; никакая часть народа, и никакое лицо не могутъ присвоить себѣ его осуществленія». — «Народъ, отъ котораго одного исходятъ всѣ власти, можетъ осуществлять ихъ только по делегаціи. — Французская конституція представительна: представители суть Законодательный Корпусъ и Король». — «Законодательная власть делегируется Національному Собранію, состоящему изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ, дабы эта власть имъ осуществлялась, съ санкціей Короля, порядкомъ, который будетъ опредѣленъ ниже». Эти три статьи конституціи 1791 г. (ст. 1, 2, 3 тит. III) сейчасъ звучатъ привычно и почти банально. Но въ моментъ своего появленія онѣ были огромнымъ новшествомъ и огромнымъ завоеваніемъ. Изъ нихъ исходитъ все современное публичное право Западной Европы. По ихъ образцу это право учитъ, что народъ, какъ цѣлое,—источникъ законодательной власти, но онъ необходимо осуществляетъ ее черезъ народное представительство, что депутаты - делегаты, «представители», народа, опирающіеся только на него и необходимо оторванные отъ всѣхъ реальныхъ группъ и лицъ, составляющихъ націю, что разъ избранные, они утрачиваютъ связь съ избирателями

*) Объ этихъ, врочемъ хорошо извѣстныхъ, фактахъ сейчасъ P. Sagnac, La révolution въ Lavisse, Histoire de la France contemporaine, I (1920), 27 ff.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

и съ избирательнымъ округомъ, что они свободны отъ ихъ инструкцій и выражаютъ волю всего народа. Всѣ эти положенія, съ необыкновеннымъ логическимъ паѳосомъ обосновывавшіяся въ преніяхъ Конституанты, въ блестящихъ импровизаціяхъ Мирабо и Редерера, Туре и Барнава, Барера и Сійеса, главное Сійеса, питали послѣдующія европейскія поколѣнія, безчисленное число разъ повторялись, и не было, кажется, такой европейской конституціи, гдѣ бы, такъ или иначе, прямо или косвенно, не нашли себѣ отголоска слова и мысли этихъ преній и этой конституціи.*)

Но въ этотъ историческій моментъ формула современной демократіи родилась только въ одной своей половинѣ. законодательствуетъ народное представительство. Другая ея половина: всеобщее избирательное право, родилась полустолѣтіемъ позже, въ другую эпоху напряженнаго творчества новыхъ общественныхъ концепцій, въ 1848 г. На ряду съ конституціей 1791 г. надо помнить и другой французскій актъ всемірно историческаго значенія, актъ полузабытый, не обладающій и малой долей той славы, что досталось памятникамъ великой революціи, но, по существу, не менѣе важный: декретъ 5 марта 1848 г. Февральная революція 1848 г., можетъ быть, не менѣе великой революціи, является источникомъ, откуда человѣчество черпаетъ до сихъ поръ — само того не зная — значительную часть своего умственнаго багажа. Ея безпорядокъ, безславіе ея конца, второстепенность вождей, — все это заслонило собой ея громадное вліяніе на судьбы Франціи и всего остальнаго міра. Но развѣ не достаточно одного, что съ ней родился соціализмъ, какъ реальная сила современной жизни. чтобы признать въ ней поворотный этапъ европейской исторіи? Она же создала всеобщее избирательное право. Если и ранѣе въ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантонахъ и въ Америкѣ избирательное право строилось на основахъ всеобщей подачи голосовъ, то внѣ ихъ самый принципъ всеобщаго голосованія, какъ основы демократическаго строя, оставался реально не сознаннымъ. Въ суетѣ первыхъ дней февральской революціи временное правительство, въ моментъ своего появленія у власти обѣщавшее возстановить единство націи въ совокупности всѣхъ ея классовъ и осуществить самоуправленіе народа, заказало скромному технику избирательный законъ, который долженъ былъ отвѣчать этой демократической идеологіи, и безъ колебаній и принципіальныхъ преній одобрило его проектъ. «Голосованіе будетъ прямымъ и всеобщимъ безъ

---

*) Теорія Конституанты усердно изучается въ послѣдніе годы. Блестящая книга Zweig, Die Lehre vom Ponvoir constituant, 1909, дополняется живой работой Redslob, Staatstheorien der franz. Nationalversammlung, 1912; внимательный анализъ этой теоріи только-что далъ Carré de Malberg, Contribution à la théorie générale de l'Etat, II, 1922, 232 ff.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

какихъ-либо условій ценза», таковъ основной смыслъ декрета временнаго правительства отъ 5 марта 1848 г. Такъ же естественно, какъ въ 1791 г. демократическая формула не связывалась со всеобщей подачей голосовъ и спокойно освящала цензовую систему, теперь введеніе всеобщаго избирательнаго права показалось обязательнымъ, какъ непререкаемый логическій выводъ изъ унаслѣдованной отъ великой революціи формулы народовластія.*) И такъ не въ одной Франціи. Мало по-малу законъ 1848 г. обошелъ весь міръ, превратился въ коренной устой положительнаго права всѣхъ народовъ. Современное правосознаніе не мыслитъ демократическаго государства безъ всеобщаго избирательнаго права. Связь двухъ половинъ демократической формулы кажется неразрывной и непререкаемой.

Завоеванія новой политической логики, конечно, не всегда были мирными. Традиціи иной организаціи парламентовъ, уходящія въ далекое прошлое господства старыхъ общественныхъ союзовъ и равновѣсія организованныхъ цензовыхъ группъ, не сразу сдали свои позиціи. Нигдѣ въ европейскихъ странахъ борьба за всеобщее избирательное право такъ не интересна и не богата содержаніемъ, какъ въ Англіи. Вся новѣйшая ея исторія можетъ быть измѣрена ея избирательными реформами: 1832, 1867, 1884, 1918, Лордъ Грей, Дизраэли, Гладстонъ, Ллойдъ Джорджъ, развѣ въ этихъ датахъ и въ этихъ именахъ не вся современная Англія? Несомнѣнно именно въ этой странѣ были съ наибольшей силой развиты всѣ аргументы противъ всеобщей подачи голосовъ и обоснована доктрина конкурирующей съ ней цензовой избирательной системы. Система выборовъ, разсуждалъ крупнѣйшій теоретикъ англійскаго консерватизма, не есть вопросъ цѣли, а вопросъ средствъ, средствъ создать наилучшее представительное собраніе. «Парламентъ долженъ быть зеркаломъ ума и матеріальныхъ интересовъ Англіи». «Вамъ нужны въ палатѣ общинъ всѣ элементы, которые пользуются уваженіемъ и отвѣтственны за интересы страны. Вы должны имѣть тамъ знать и крупную территоріальную собственность; вы должны имѣть промышленныя предпріятія лучшаго типа; вы должны имѣть солидную торговлю; вы должны имѣть профессіональныя способности во всѣхъ ихъ формахъ; вы должны однако имѣть и нѣчто бо́льшее — вы нуждаетесь въ совокупности людей, не слишкомъ близко связанныхъ ни съ земледѣліемъ, ни съ промышленностью, ни съ торговлей; не слишкомъ проникнутыхъ профессіональной мыслью и профессіональными привычками; вы должны имѣть совокупность людей, пред-

*) Quentin-Bauchart, La crise sociale de 1848 1920, 245 ff.; Seignobos y Lavisse, VI, 1921, 28 ss.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ставляющихъ широкое разнообразіе англійскаго характера: людей, которые будутъ судьями между этими крупными господствующими интересами, которые будутъ смягчать жестокость ихъ соперничества» (Дизраэли, рѣчь 1859 г.). «Парламентъ долженъ быть зеркаломъ— представительствомъ каждаго класса — не соотвѣтственно числу головъ и не соотвѣтственно цыфрамъ, но соотвѣтственно всему тому, что даетъ вѣсъ и важность въ мірѣ внѣ его, съ тѣмъ, чтобы разные классы общества могли быть услышаны и ихъ взгляды могли быть правильно выражены въ палатѣ общинъ, безъ возможности, чтобы одинъ классъ подавлялъ численностью и приводилъ къ молчанію другіе классы королевства» (Серъ Хьюгъ Кернсъ, 1866). «Демократіи», отрицающей такія задачи, противопоставляется, какъ англійскій идеалъ, «идеалъ конституціонный»: избирательное право, построенное на равновѣсіи общественныхъ элементовъ въ парламентѣ, способное одно спасти страну отъ тиранніи одного класса надъ другимъ. «Великая цѣль всѣхъ конституціонныхъ постановленій — предупредить, чтобы какое бы то ни было большинство не стало тираномъ надъ меньшинствомъ, чтобы какой бы то ни было классъ не доминировалъ надъ другимъ. Все равно, какой классъ: родъ людской полонъ эгоизма, и тиранія почти неизбѣжна» (Лордъ Робертъ Сесиль, 1859).*)

«Конституціонный идеалъ» въ противоположность «демократическому», планомѣрная организація избирательнаго права вмѣсто простой игры числъ и количествъ, — таковъ идеалъ, которымъ живетъ Англія въ теченіе всего XIX вѣка. Этотъ идеалъ вдохновляетъ всѣ три великихъ избирательныхъ реформы этого столѣтія, всѣ тѣ постепенныя пониженія избирательнаго ценза, которыя сдѣлали Англію къ концу его подлинной демократіей, вопреки отсутствію всеобщей подачи голосовъ. Но какъ бы крѣпко ни сидѣла въ англійскомъ сознаніи доктрина планомѣрной организаціи избирательнаго права, процессъ постепеннаго пониженія послѣдняго въ концѣ концовъ привелъ къ неизбѣжному логическому концу. «Актъ о представительствѣ народа» 1918 года освятилъ всеобщее избирательное право, тѣ самые принципы, что семьдесятъ лѣтъ пе́редъ тѣмъ въ хаосѣ революціонныхъ дней принесло Европѣ французское временное правительство въ декретѣ 5 марта 1848 г.

Борьба противъ прямолинейнаго, геометрическаго идеала февральской революціи шла не въ одной Англіи. Написать исторію этой борьбы въ Европѣ значило бы написать исторію

---

*) Buckle, The life of Benjamin Disrael Earl of Beaconsfield, IV (1916), 201ff.; Lady Gwendolen Cecil, Life of Robert Marquis of Salisbury, I (1921), 144ff.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

политическаго развитія большинства европейскихъ странъ. Сколько умственныхъ усилій, сколько упорной выдержки, сколько политической фантазіи было потрачено, чтобы спасти старый идеалъ. И напрасно было бы думать, чтобы процессъ обороны цензовой организаціи законодательныхъ собраній сводится къ простому инвентарю попытокъ классовыхъ эгоизмовъ отстоять свои привилегіи. Борьба гораздо содержательнѣе и крупнѣе. Надъ мелкимъ классовымъ эгоизмомъ возвышается одушевляющее защитниковъ традиціи сознаніе историческаго облика своей страны, ихъ подлинно-патріотическая забота, чтобы не подорваны были устои, на которыхъ она росла и возвышалась. Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, всеобщее избирательное право воцарилось въ рядѣ европейскихъ государствъ въ качествѣ рефлекса политическихъ катастрофъ, пришло въ канунъ грозныхъ испытаній или на слѣдующій за ними день.

Но, тѣмъ или инымъ путемъ, формулы французскаго декрета 5 марта 1848 г. одержали въ концѣ концовъ побѣду по всей линіи. Современное государство — вездѣ демократія, вездѣ сочетаніе народнаго представительства и всеобщаго избирательнаго права.

Гдѣ коренной источникъ конечнаго торжества демократической идеи? Я не ставлю этого вопроса, какъ вопроса историческаго. Я хотѣлъ бы говорить только о внутреннихъ логическихъ достоинствахъ новой политической истины, а не о внѣшней ея притягательности въ процессѣ реальной борьбы за власть. Политическія идеи — оружіе въ этой борьбѣ. Но оружіе можетъ быть сильнымъ или слабымъ, острымъ или тупымъ, разящимъ или влекущимъ пораженіе. Сильна та политическая идея, которая опирается на основные постулаты нашего практическаго разума и проникнута непререкаемой логикой этихъ постулатовъ.

Такова — идея демократическаго государства. Она дана логикой двухъ вѣчныхъ и вѣчно убѣждающихъ коренныхъ идей человѣческаго рода — идеи свободы и идеи равенства. Въ ней жива до сихъ поръ, какъ въ первый день, безсмертная діалектика Руссо и Канта. Свобода и равенство даны тогда, когда властвуетъ цѣлое, воля котораго слагается изъ равноцѣнныхъ воль индивидовъ. Реально воплотить эту волю можетъ только избранное всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ законодательствующее представительное собраніе. Внѣ народовластія государство свободныхъ и равныхъ гражданъ логически не построяемо.*)

*) Я не знаю въ современной литературѣ болѣе глубокихъ и проникновенныхъ страницъ, чѣмъ маленькая книга Hans Kelsen, Vom Wesen und Wert der Demokratie, 1920, посвященныхъ развитію этой темы.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Пусть французы и нѣмцы спорятъ, что такое-то цѣлое, которому подчиняются граждане въ такомъ государствѣ, есть-ли это суверенный народъ или суверенная «persona» государства. Въ этомъ спорѣ много схоластики, но онъ цѣненъ тѣмъ, что обѣ по разному выражаютъ коренную мысль современнаго демократическаго государства, примиряющаго власть и свободу: «такъ окутываетъ покрывало олицетворенія государства невыносимый для демократическаго сознанія фактъ власти человѣка надъ человѣкомъ» (Кельзенъ).*)

На нашихъ глазахъ на службу прозрачной логики идеала современнаго парламента призвана «избирательная геометрія» пропорціональной системы выборовъ, истинный вѣнецъ упирающейся въ Декарта прямолинейности демократической государственной концепціи. Дальше идти некуда: народная воля вычисляется съ точностью механической постройки!

Но какъ ни ослѣпительна побѣда демократіи — избраннаго всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ народнаго представительства — какъ ни соблазнительны послѣдніе выводы, которые намъ обѣщаютъ еще изъ нея сдѣлать — повелительный мандатъ и право отзыва депутатовъ**)—все-же мало вѣроятно, чтобы человѣчество поставило точку и прекратило искать дальнѣйшихъ усовершенствованій своего государственнаго быта. Присматриваясь ближе къ непрекращающейся работѣ политической мысли, чувствуешь, напротивъ того, что все съ большей и большей энергіей прокладываетъ себѣ дорогу одно новое построеніе по вопросу объ организаціи законодательствованія въ современномъ государствѣ, чрезвычайно интересное и глубоко обоснованное. Его обычная формула — «представительство интересовъ».

Формула эта бельгійскаго происхожденія. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ періодъ происходившей тамъ тогда напряженной борьбы за демократизацію выборовъ, приведшей къ реформѣ 1893 г., въ числѣ разныхъ лозунговъ, которыми боролись противъ узкой цензовой системы старой бельгійской конституціи, была выдвинута рядомъ дѣятелей схема привлеченія къ выборамъ «всѣхъ интересовъ» страны. (Геллепутъ, Гобле д'Альвіела, Крооксъ).***) Въ 1884 г. подъ

---

*) Къ знаменитой полемикѣ Іеллинекъ — Дюги — Оріу, въ которой только послѣдній обнаруживаетъ истинный блескъ научной мысли (къ сожалѣнію, не всегда достаточно вышколенной) два огромныхъ тома Карре де Мальберга, цит. выше и представляющіе новѣйшіе результаты размышленій на тему «народный или госунарственный суверенитетъ,» добавляютъ немногое. Этотъ странный научный перебѣжчикъ изъ стана нѣмецкой науки въ станъ науки французской размышляетъ на какомъ-то среднемъ научномъ нарѣчіи.

**) Hall, Popular government, New-York, 1921, passim.

***) Joseph Barthélemy, L'organisation du suffrage et l'expérience belge, 1912, 266, 282.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вліяніемъ этой агитаціи появилась книга Принса, впервые пытавшаяся теоретически обосновать эту схему.*) Съ тѣхъ поръ защитники ея не переводятся, и было бы излишнимъ и утомительнымъ ихъ всѣхъ перечислять. Нѣтъ ни одной страны, которая оставалась бы чуждой новому движенію, и съ каждымъ десятилѣтіемъ оно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе авторитетныхъ защитниковъ.

Въ чемъ заключается эта новая схема наилучшаго парламента? Современное общество, разсуждаютъ ея авторы, не есть «стадо индивидовъ», eine Herde von singuli (Биндингъ).**) Въ такомъ пониманіи общества лежитъ колоссальное преувеличеніе естественноправовой доктриной значенія человѣка въ отдѣльности. Народъ есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ простая сумма индивидовъ, и нѣчто отъ нея существенно отличное. Онъ состоитъ изъ множества союзовъ и группъ, съ которыми государственная организація не можетъ не считаться. Интересы всѣхъ этихъ группъ должны быть представлены въ парламентѣ. Онѣ такіе-же члены общежитія, какъ физическія лица, но только превосходящіе ихъ своимъ значеніемъ, своей прочностью и своей работоспособностью. «Рядомъ съ силой численности выросла другая соціальная сила, сила синдикальныхъ группировокъ... Пришло время построить рядомъ съ политическимъ представительствомъ индивидовъ политическое представительство соціальныхъ группъ» (Дюги).***)

Во всемъ этомъ какъ бы звучатъ старыя ноты. Развѣ это не то самое, что говорилось въ Англіи, когда «конституціонной строй» противополагался «демократіи»? И развѣ только что сдѣланное сопоставленіе не уводитъ насъ дальше, въ то европейское прошлое, когда въ парламентахъ сидѣли довѣренные сословій, а не представители народа! Какъ ни соблазительнымъ кажется подхватить такія, будто, старыя ноты, — то было бы простой ошибкой историческаго слуха. Въ схемѣ «представительства интересовъ» бьется самая подлинная текущая жизнь. Безконечно раздробленное идеями французской революціи индивидуалистическое общество переживаетъ могущественный процессъ союзной кристаллизаціи. Когда Поль-Бонкуръ провозглашалъ, на порогѣ XIX и XX вѣковъ, начало «синдикальнаго суверенитета», онъ ставилъ блестящій діагнозъ современности.[1]) Организація «интересовъ» есть неоспоримый и яркій фактъ окружающей дѣй-

---

*) Prins, La démocratie et le régime parlementaire, Bruxelles, 1884.

**) Binding, Das Problem der Bildung der Parlamente und der Volksversammlung des Freistaates, въ сборникѣ Zum Werden und Leben der Staaten, 1920, 299ff.

***) Duguit, Traité de droit constitutionnel,[2] I (1921), 510ss.

[1]) Paul Boncours, Le Fédéralisme économique[2], 1901, 370ss.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ствительности. Чѣмъ глубже будетъ идти эта организація, тѣмъ громче и настойчивѣе будетъ звучать и формула «представительство интересовъ», тѣмъ ближе мы будемъ къ той организаціи демократіи, которую недавній англійскій писатель назвалъ «демократіей общественныхъ функцій».*)

Какъ будетъ достигнуто это «представительство интересовъ», настойчиво подсказываемое намъ «организаціей интересовъ», переживаемой современными культурными обществами?

Передъ нами двоякій путь: одинъ — пытаться найти для этого представительства мѣсто въ рамкахъ существующей политической организаціи; второй — раздвинуть эти рамки, ихъ не разрушая.

Можетъ казаться, что и на первомъ направленіи открывается много возможностей, что эти возможности подсказаны жизнью и дѣйствительностью. Прежде всего, развѣ политическая партія не можетъ обслуживать представительство интересовъ? Конечно, большинство политическихъ партій въ большинствѣ современныхъ странъ, въ большей или меньшей степени, подвергаются вліянію той общественной базы, на которую онѣ опираются. Можетъ быть, только въ великихъ англо-саксонскихъ демократіяхъ двѣ коренныя партіи, составляющія традиціонныя пружины ихъ гражданственности, чудомъ соблюли внѣклассовую и надклассовую чистоту. Но безспорная наличность классовыхъ вліяній на политическую партію современнаго государства вовсе не свидѣтельствуетъ, что партія цѣлесообразный органъ для «представительства интересовъ». Внутри каждой изъ нихъ лежитъ непреоборимая сила политической экспансіи, непреоборимое стремленіе къ захвату все большихъ и большихъ массъ избирателей. Что можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи исторіи Партіи Труда въ Англіи? Зерно ея въ стремленіи провести въ парламентъ нѣсколькихъ рабочихъ; это удалось въ 1874 г., но въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій попадавшіе въ парламентъ рабочіе — рабочіе въ собственномъ смыслѣ этого слова — сидѣли на скамьяхъ либераловъ, составляя такъ называемый «Liberal-Labour», не претендуя ни на какую универсальную политическую компетенцію и сознательно и скромно чувствуя себя лишь экспертами интересовъ физическаго труда. Въ 1906 г. «Либеральный Трудъ» умеръ и родилась «Независимая Партія Труда». Соціальныя рамки партіи были тотчасъ раздвинуты. Въ партію зовутъ сейчасъ «умственный трудъ« на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ раньше звали «трудъ физическій». Сложилась прежде отсутствовавшая универсальность партійной программы и партійныхъ задачъ, а,

*) „Functional democracy“; Cole, Social theory, 1920, 110.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вмѣстѣ съ тѣмъ, въ процессѣ завоеванія вотумовъ, растворились точные и ясно очерченные «интересы», безхитростно «представлявшіеся» тремя подлинными рабочими въ парламентѣ 1874 г.*) Представленный политической партіей «интересъ» неизбѣжно искаженъ, затуманенъ, лишенъ необходимой подлинности.

Но вотъ второй пріемъ организаціи представительства интересовъ, совершенно иной, чѣмъ тотъ, что мы сейчасъ обдумывали, даваемый намъ случайностями въ темпѣ политическаго развитія очень многихъ европейскихъ странъ. Спрашивается, не слѣдуетъ ли отвести для обслуживанія «представительства интересовъ» верхнія палаты парламентовъ, тамъ, гдѣ онѣ сохранились. Откинемъ тѣ изъ нихъ, которыя, наравнѣ съ нижними, избираются всеобщей подачей голосовъ, прямой или косвенной: въ странахъ, гдѣ онѣ такъ организованы, очевидно, двойственность парламента, демократически построеннаго, признана самостоятельной цѣлью государственной организаціи, и такая цѣль не допускала бы превращенія соотвѣтствующей верхней камеры въ органъ представительства интересовъ. То же замѣчаніе относится къ союзномъ странамъ, гдѣ верхняя палата имѣетъ свою задачу охраны интересовъ федерализма и тоже не годна для разсматриваемаго превращенія.

Поставленный въ такой формѣ вопросъ сводится къ принципіальной возможности, хотя бы частично, разорвать, организуя представительство интересовъ, съ верховенствомъ, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ, народнаго представительства. Равноправіе существующихъ «народнаго представительства» и «представительства интересовъ» грозитъ узаконеніемъ непрерывнаго государственнаго конфликта. Одному изъ двухъ представительствъ должна быть дана гегемонія. Въ такомъ выборѣ между ними не можетъ быть колебаній. Пригласить демократію спустить свой флагъ съ государственнаго корабля было бы сейчасъ совершенно праздной игрой ума. Въ такой формѣ ставить сейчасъ вопросъ о представительствѣ интересовъ — значитъ, реально, его не ставить. Для представительства интересовъ пригодны сейчасъ только тѣ верхнія палаты, которымъ не принадлежитъ равенство правъ и вліянія съ палатами нижними или у которыхъ такое равенство будетъ отнято.

Говоря общѣе, разрѣшая принципіальный вопросъ о томъ, какъ, въ дѣйствительныхъ условіяхъ современности, въ современной демократіи, осуществить реформу, которая

*) Humphrey, A history of Labour Representation, 1912, passim; Ramsay Macdonald, A policy for the Labour Party, 1920, 11 ff.; эта вторая книга и въ особ. книга другого вождя партіи Thomas, When Labour rules, 1920, чрезвычайно характерны для «универсальности» партіи въ ея нынѣшнемъ видѣ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

дастъ все усиливающимся общественнымъ группировкамъ возможность участвовать въ законодательствованіи, мы скажемъ, что рядомъ съ демократическимъ парламентомъ, какъ не равноправная ему, но внутренне авторитетная, совѣщательная или полу-совѣщательная коллегія, должно стать организованное «представительство интересовъ», «демократія функцій».

Веймарская конституція Германской имперіи на нашихъ глазахъ осуществила эту крупную реформу. Имперскій Экономическій Совѣтъ, который предусмотрѣнъ этой конституціей (ст. 165) и котораго временная организація дана въ указѣ 4 мая 1920 г., есть первая попытка создать законосовѣщательное центральное представительство общественныхъ союзовъ въ рамкахъ демократическаго государства.*) Время еще не пришло дать оцѣнку этого учрежденія. Но едва ли можно сомнѣваться, что накопляемая въ свободныхъ соціальныхъ группировкахъ живая энергія и новый разумъ, вливаясь въ работу правильно построенной демократіи, будутъ существенно ее обогащать.

Проф. Б. Э. Нольде.

---

*) Giese, Die Reichsverfassung², 1920, 416; Anschütz, Die Verfassung des deutschen Reichs, 1921, 260; Poetzsch, Handausgabe der Reichsverfassung², 1921, 210; Nawiasky, Die Grundgedanken der Reichsverfassung, 1920, 154 ff.; Hubrich, Das demokratische Verfassungsrecht des Deutschen Reiches, 1921, 89.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

СТ. ИВАНОВИЧЪ

ДЕМОКРАТІЯ И СОЦІАЛИЗМЪ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ДЕМОКРАТІЯ и СОЦІАЛИЗМЪ

I

Въ эпоху русскаго соціалистическаго подполья и въ эмиграціи въ періоды ожесточенныхъ фракціонныхъ схватокъ словомъ «гражданинъ» позорили человѣка, который проявлялъ максимумъ теорическаго еретизма и организаціоннаго непослушанія. «Гражданинъ» — это было что-то въ родѣ бубноваго туза на спину провинившагося. Нынѣ на огромныхъ пространствахъ Россіи кличка «гражданинъ» не только кличка бранная, но и крайне опасная. Всѣ отверженные, всѣ неправоспособные, всѣ, на кого не распространяются блага совѣтской конституціи — суть «граждане». Граждане — это III сортъ. Привилегированные — это товарищи, при чемъ всѣ рабочіе и вообще всѣ «трудящіеся» — товарищи. Назвать ихъ «граждане» — значитъ соціально и политически ихъ принизить, а иногда и вызвать индивидуальное чувство обиды: вы сами... гражданинъ! Назвать человѣка, имѣющаго право на званіе товарища, гражданиномъ, значитъ совершить такое же преступленіе, какъ при сословной монархіи назвать дворянина мѣщаниномъ.

Я бы не остановился на этихъ примѣрахъ, если бы они характеризовали только соціально-политическіе парадоксы революціоннаго подполья или соціально-политическую кунсткамеру совѣтской Россіи. Дѣло тутъ гораздо сложнѣе. Приниженіе званія гражданина и возвеличеніе званія рабочаго стало широко распространенной идеологической заразой. Въ характеристикѣ общественной значимости личности то обстоятельство, что она является гражданиномъ начинаетъ играть все меньшую и меньшую роль. Профессіонально-соціальными чертами личности явно стремятся задавить ея политически-правовыя черты. «Гражданинъ» — это стало звучать тускло въ ушахъ многихъ и многихъ теоретиковъ и

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

практиковъ общественной борьбы. «Позорить гражданина санъ» — это стало не только широко распространеннымъ способомъ личнаго поведенія, но и идеологическимъ заданіемъ нѣкоторыхъ теченій соціалистической мысли. Характеризуя въ самомъ общемъ видѣ этотъ уклонъ мысли, можно сказать, что гражданина вышибаетъ съ его мѣста, завоеваннаго въ крови великихъ революцій, рабочій. «Рабочій» не въ смыслѣ носителя простого физическаго труда, а рабочій въ смыслѣ носителя опредѣленныхъ, экономически необходимыхъ функцій. Декларація правъ гражданина и человѣка замѣняется декларацією правъ рабочаго и производителя.

Не трудно убѣдиться, что эти сумерки гражданина только одна изъ формъ сумерекъ демократіи. Большевистскій опытъ, грандіозный пространственно и яркій по бѣшеной энергіи, съ какой онъ проводился, въ этихъ сумеркахъ демократіи сыгралъ огромную роль возбудителя. Ни въ одной области соблазны большевизма не оказались столь сильными для нѣкоторыхъ его противниковъ, какъ именно здѣсь, гдѣ во время истребительнаго похода противъ демократіи совершалось убійство гражданина. Я старался показать это на примѣрѣ русской соціалъ-демократіи, которая въ лицѣ ея руководящихъ верховъ одной ногой очутилась по ту сторону демократіи. Но и въ средѣ германской соціальдемократіи въ крылѣ независимыхъ идея «совѣтовъ» стала достояніемъ ихъ лейпцигской программы.

Но что такое идея совѣтовъ въ самомъ чистомъ ея видѣ, освобожденная отъ большевистской стамбуловщины, что такое «настоящіе совѣты», тѣ, которые воспламенили возставшихъ кронштадцевъ, которые мерещатся меньшевикамъ и которые, какъ это ни парадоксально, на короткое, правда, время соблазнили даже часть радикально-буржуазной эмиграціи? Это представительство «рабочаго» въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это обрисовано было выше, и отрицаніе гражданина. Это не право личности, а право функціи. Здѣсь право принадлежитъ не человѣку, а его профессіи. Но если оно принадлежитъ профессіи, то профессія эта должна быть полезной. А если она должна быть полезной, то гдѣ-нибудь кто-нибудь долженъ ея полезность удостовѣрить и санкціонировать. Та инстанція и тѣ люди, которые стоятъ во главѣ этой инстанціи при этихъ условіяхъ должны превратиться въ Верховнаго Судью, который отдѣляетъ добро отъ зла, пользу отъ вреда, святыхъ отъ грѣшниковъ и «своихъ» отъ «чужихъ». Логически и идеологически это приводитъ къ невыносимой тираніи и къ рабству. Въ началѣ этого пути стоитъ умаленіе принципа гражданина и возвеличеніе принципа рабочаго. Какъ только исчезаетъ критерій гражданина исчезаетъ и критерій свободы. Наоборотъ, нѣтъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

никакой надобности въ верховныхъ санкціяхъ и въ авторитарномъ отборѣ полезныхъ, добрыхъ, святыхъ, «своихъ» тамъ, гдѣ право принадлежитъ личности, гражданину внѣ и независимо отъ тѣхъ или иныхъ его прилагательныхъ профессіонально-матеріальнаго содержанія. Право здѣсь откликается на простой и ясный вопросъ: что? а не на вопросы: «кто», «какой».

Сумерки гражданина въ этихъ совѣтскихъ формахъ политическаго мышленія достаточно очевидны. Но эти сумерки обнаруживаются и инымъ образомъ. Глубокое разочарованіе въ идеяхъ демократіи вызвало возрожденіе синдикалистскихъ идей, являющихся къ намъ сейчасъ, въ отличіе отъ перваго ихъ появленія, не въ пурпурной мантіи мистическаго революціонаризма, а въ тогѣ мирнаго реформизма.

Здѣсь потеряна вѣра въ гражданина, и въ политическое призваніе человѣка. Политическій Человѣкъ — это отвлеченный человѣкъ. Реальный человѣкъ — это человѣкъ, творящій блага. Реально въ человѣкѣ — его полезная для рода функція. Внѣ ея — онъ въ царство миражей. Всѣ политическія движенія, революціи, реакціи, перевороты, войны — все это царство «недѣйствительнаго», какъ выразился бы Бѣлинскій. Надо перевести человѣка на почву его полезной функціи и тогда вся жизнь, исковерканная миражами политики, выпрямится и пойдетъ впередъ органическимъ темпомъ. Отсюда и реальные планы организаціи государства на почвѣ профессіональныхъ раздѣленіи и профессіональныхъ сочетаній, составляющихъ міръ хозяйствованія, отсюда протягиваются нити къ теоріи, т. н. «гильдейскаго соціализма», который въ сущности является варіаціей теоріи франко-итальянскаго синдикализма, который въ свою очередь возвращаетъ насъ прямымъ путемъ къ Прудону.

Духъ декларацiи правъ гражданина умираетъ въ головахъ и въ сердцахъ многихъ пытливыхъ и еще болѣе многихъ нетерпѣливыхъ умахъ, уступая мѣсто болѣе или менѣе осознанной, хотя еще и не выраженной декларацiи правъ рабочаго. Образъ гражданина затуманивается. Образъ «рабочаго» или (чтобы не прибѣгать къ оговоркамъ относительно необходимости широкаго пониманія этого термина) р а б о т н и к а застилаетъ весь горизонтъ общественнаго мышленія.

Въ рядахъ соціализма революціоннаго, какъ это ни покажется страннымъ, этотъ процессъ питается какъ разъ реальными успѣхами демократіи. Происшедшія послѣ войны почти повсюду перемѣны въ сторону рѣшительной демократизаціи политическаго строя различныхъ государствъ только усилили въ рядахъ революціоннаго соціализма недовѣріе къ объективной цѣнности гражданина. Ибо почти повсюду на первыхъ порахъ (а болѣе продолжительнаго опыта пока

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

нѣтъ) на вѣсахъ демократіи, на вѣсахъ всеобщаго избирательнаго права значеніе соціализма и революціоннаго пролетаріата оказалось гораздо меньшимъ, чѣмъ это можно было ожидать или чѣмъ это могло казаться до уничтоженія всякаго рода правовыхъ ограниченій и побѣды революціонныхъ партій. Почти повсюду соціалисты получили гораздо меньше голосовъ на выборахъ, производившихся на новой, гораздо болѣе широкой основѣ, чѣмъ казалось это возможнымъ въ то время, когда шла борьба за эти новыя, широкія основы. Выступая какъ гражданинъ, растворяясь въ стихіи гражданства, рабочій какъ бы терялъ часть своего живого революціоннаго вѣса. Наоборотъ, на вѣсахъ прямого дѣйствія, когда онъ выступалъ какъ производитель, какъ единица экономическая, а не какъ единица политическая, роль и значеніе его проявлялись весьма внушительно, являясь большей частью рѣшающими факторами общественнаго развитія послѣднихъ лѣтъ. Становясь гражданиномъ, рабочій терялъ въ вѣсѣ, оставаясь рабочимъ — онъ въ вѣсѣ выигрывалъ.

Здѣсь соблазнъ большевизма былъ — и нынѣ еще остается — весьма значительнымъ не только для примитивнаго сознанія широкихъ массъ, но и для сознанія идеологовъ. Получается съ перваго взгляда такое впечатлѣніе, будто пути демократіи, пути, по которымъ рабочій идетъ со знаменемъ гражданина, гораздо длиннѣе и даютъ меньше непосредственно осязаемыхъ классовыхъ выгодъ и побѣдъ, чѣмъ тѣ пути, по которымъ рабочій идетъ со знаменемъ своей функціи. Есть и подтверждается повседневно истина рабочей пѣсни:

Всѣ машины не грохочутъ,
Коль твоя рука не хочетъ.

А когда не грохочутъ машины, общество падаетъ къ ногамъ производителя. Это и есть апологія функціи. Это — работникъ. А гражданинъ? Онъ — отвлеченность, среднее ариѳметическое, символъ, но не реальность.

Есть однако гораздо болѣе важное явленіе, чѣмъ эти политическіе итоги революціи, которое отогнало общественную мысль отъ образа гражданина и привлекло его къ образу работника. Я бы назвалъ это явленіе д и к т а т у р о й э к о н о м и к и. Сущность его заключается вотъ въ чемъ.

Война и ея ужасные результаты привели къ тому, что весь цивилизованный міръ за численно ничтожными исключеніями низринулся въ пучину нищеты, при которой элементарные вопросы элементарнаго пропитанія пріобрѣли такую трагическую остроту, что поневолѣ поглотили индивидуальные помыслы и общественную мысль. Про военно-продовольственное хозяйство Германіи гово-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

рили, что это есть «организованный голодъ». Этотъ организованный голодъ существовалъ не только въ Германіи. Его осуществляли всѣ страны и осуществляютъ его отчасти и теперь. Однако, въ этихъ двухъ словахъ кроется большое соціалистическое содержаніе. Исторія не знала организованнаго голода въ томъ смыслѣ, какъ онъ проявился въ нашу эпоху. Это новый принципъ, имѣющій важныя идеологическія послѣдствія. «Паекъ», раціонъ сталъ преобладающей формой раціонализаціи общественной жизни. Сюда въ этотъ паекъ ушла «сила вся души великая», преобладающая доля общественнаго и личнаго разума.

Ученіе о «раціонѣ», понимая этотъ терминъ въ широкомъ, далеко вышедшемъ за предѣлы продовольственнаго пайка, смыслѣ, стало преобладающей формой экономическаго раціонализма. Отсюда та колоссальная энергія, которую человѣческій интеллектъ и понынѣ еще вынужденъ вкладывать въ вопросы экономики. Всѣ виды интеллектуальной дѣятельности — искусство, литература, наука — какъ бы находятся въ летаргическомъ состояніи. Объ этомъ говорятъ и на это жалуются со всѣхъ сторонъ. Но это не относится къ области экономическихъ проблемъ. Здѣсь кипитъ огромная работа. Ибо здѣсь имѣется огромный спросъ на факты, цифры, планы, обобщенія. Ни одинъ, самый темный человѣкъ не можетъ и дня прожить безъ того, чтобы посильно не оріентироваться въ болѣе или менѣе широкомъ кругу экономическихъ данныхъ и предположеній. Экономическое мышленіе стало плѣномъ нашихъ дней. Можно ничего не знать, но не знать курса доллара — скажемъ — невозможно, если не хочешь погибнуть. Если прежде намъ говорили:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ! —

то теперь категорическій императивъ звучитъ нѣсколько иначе:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Экономистомъ же — обязанъ!

Это и есть диктатура экономики — диктатура, окрашивающая весь стиль общественнаго мышленія. Съ вершинъ всякихъ «надстроекъ», въ которыхъ главнымъ образомъ реализуется прогрессъ человѣчества, оно, вслѣдствіе катастрофическихъ толчковъ міровой войны, обрушилось внизъ къ «базису» элементарной борьбы за элементарныя потребности экономическаго характера. Здѣсь внизу, у «базиса», общественная мысль не могла не быть захваченной тѣми сторонами бытія, гдѣ прежде всего въ человѣкѣ выступаетъ его эконо-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

мическая функція. Диктатура экономики явилась только какъ результатъ неслыханнаго обнищанія человѣчества. Замѣщеніе гражданина работникомъ явилось только идеологическимъ выраженіемъ этого обнищанія. Философія нищеты — въ этомъ названіи труда Прудона, преодолѣнныя идеи котораго опять начинаютъ вставать изъ гроба, — кроется характеристика новѣйшаго поворота отъ гражданина къ «рабочему».

Но философія нищеты всегда обнаруживаетъ нищету философіи. Мы въ этомъ убѣдимся въ дальнѣйшемъ.

II

Научный соціализмъ затратилъ много цѣнныхъ и плодотворныхъ усилій для того, чтобы въ борьбѣ съ теологическимъ и идеалистическимъ пониманіемъ историческаго процесса утвердить опредѣляющую роль экономическаго производственнаго начала въ развитіи человѣческаго общества. Экономическое пониманіе исторіи одержало несомнѣнно рядъ серьезныхъ побѣдъ, выйдя далеко за предѣлы чисто соціалистической мысли.

Для соціализма борьба за т. н. «экономическій матеріализмъ» имѣла, однако, не только научное значеніе. Страсть и паѳосъ этой борьбы въ значительной мѣрѣ питались еще тѣмъ, что теорія экономическаго матеріализма какъ бы притягивала и подталкивала научное сознаніе внизъ къ базису, гдѣ изъ труда и тяжкой неволи однихъ вырастаетъ праздность и радости жизни другихъ. Помимо своей научной значимости, экономическій матеріализмъ имѣлъ для марксизма еще огромное идеологическое значеніе силы, приковывавшей взоръ сюда, гдѣ въ темныхъ галерахъ базиса развертывается трагическая и героическая симфонія милліоновъ рабочаго класса. Съ этой точки зрѣнія экономическое пониманіе исторіи явилось, если можно такъ выразиться, «рабочимъ» пониманіемъ исторіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ противопо. ложность этой тенденціи упорное сопротивленіе буржуазной мысли экономической концепціи соціализма диктовалось не только чисто научнымъ отталкиваніемъ отъ этой концепціи, но и психологическимъ отталкиваніемъ буржуазной мысли отъ тѣхъ сторонъ жизни, гдѣ люди, запряженные въ ярмо наемнаго рабства, являлись тяжелой, а временами и грозной укоризной всей возвышавшейся на ихъ спинахъ общественной пирамиды.

Этотъ соціально-психологическій разрѣзъ возгорѣвшейся борьбы имѣлъ тотъ побочный результатъ, что въ по-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

строеніяхъ, чтобы не сказать настроеніяхъ, научнаго соціализма экономическій факторъ въ особенности въ повседневной агитаціонно-пропагандистской работѣ сталъ обрастать какими-то надъ-историческими, субстанціональными наслоеніями. Экономическій человѣкъ, «рабочій» сталъ преимущественной формой представленія о человѣкѣ вообще. Человѣкъ «базиса» сталъ вытѣснять человѣка «надстройки». Эта полемическая утрировка экономическаго пониманія до-соціалистическаго періода исторіи привела къ непомѣрному преувеличенію значенія экономическаго фактора и въ будущей, соціалистической исторіи человѣчества. Соціалистическій строй сталъ рисоваться въ такомъ свѣтѣ, точно здѣсь именно экономика, производство, «производительныя силы» станутъ главнѣйшими реальностями человѣческаго бытія. Недаромъ полемическій арсеналъ и мотивировочная часть научнаго соціализма такъ перегружены были примѣрами изъ исторіи первобытной культуры и изъ жизни некультурныхъ племенъ. Вѣдь здѣсь именно на зарѣ исторіи и у преддверія цивилизаціи экономика, проще говоря — вопросы пропитанія племени, клана, рода играли трагически преобладающую или просто всепоглощающую роль въ развитіи этихъ общественныхъ примитивовъ. Въ сущности, по типу этихъ примитивовъ и строилась и строится еще и понынѣ схема соціализма. А т. к. цивилизованный міръ въ результатѣ войны впалъ въ варварство, скатился до такой нищеты, что и въ немъ въ началѣ XX столѣтія вопросы пропитанія стали играть ту же трагическую роль, то основа для общественныхъ концепцій, усматривающихъ въ личности прежде всего и больше всего экономическую единицу, «рабочаго», стала особо благопріятной. Гражданинъ, которому и раньше приходилось весьма худо въ этихъ концепціяхъ, оказался роковымъ образомъ оттиснутымъ на самый задній планъ. Homo oeconomicus побѣдилъ homo politicus. Рабочій побѣдилъ гражданина. Функція побѣдила личность.

Побѣда эта, однако, носитъ исключительно временный характеръ. Ибо развитіе общества и то, что называется историческимъ прогрессомъ является въ основѣ своей процессомъ освобожденія отъ власти экономики, отъ власти производства. Процессъ этотъ столь же несомнѣненъ, какъ освобожденіе человѣка отъ власти природы и оба эти процесса по существу своему однотипны.

Это положеніе требуетъ, однако, болѣе подробныхъ разъясненій.

Количество энергіи, затрачиваемой обществомъ въ борьбѣ за все болѣе совершенныя формы и все болѣе богатое содержаніе существованія, колоссально возростаетъ. Въ этой абсолютно растущей массѣ энергіи абсолютно возрастаетъ и

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

та ея часть, которая поглощается экономикой, «производствомъ». Но, возрастая абсолютно, эта часть относительно цѣлаго все болѣе и болѣе убываетъ. Живой трудъ, рабочій трудъ человѣческихъ массъ составляетъ все меньшую и меньшую часть, затрачиваемыхъ человѣчествомъ усилій. Яснѣе это станетъ при расчетѣ затраты экономической энергіи человѣка на единицу продукта или всякаго иного блага. Что эта затрата на указанную единицу становится все меньшей, — это очевидно безъ всякаго доказательства. Въ этомъ видѣ выражается процессъ техники, въ этомъ ея душа и въ этомъ заключается и хозяйственный прогрессъ человѣчества. Частное отъ дѣленія суммы экономической энергіи на результатъ ея приложенія неуклонно движется по направленію къ нулю. Безостановочный прогрессъ раздѣленія труда — это только процессъ сбереженія труда, а стало быть и освобожденія отъ труда. При этомъ чрезвычайно важно то обстоятельство, что въ процессѣ раздѣленія труда при созданіи опредѣленнаго количества цѣнностей сильно возрастаетъ роль интеллектуальныхъ, организаціонныхъ и научно-техническихъ функцій за счетъ функцій чисто физическихъ, мускульныхъ. Въ высоко развитомъ индустріальномъ предпріятіи, научно организованномъ, «бюро», «кабинетъ», лабораторія, контора имѣютъ тенденцію развиваться за счетъ мастерской. Это явленіе неоднократно отмѣчалось въ экономической наукѣ. Иначе говоря, даже въ предѣлахъ самой экономики интеллектуальныя функціи относительно возрастаютъ за счетъ функцій рабочихъ, физическихъ.

Съ другой стороны, что такое эта неистребимая тенденція къ сокращенію рабочаго дня, какъ не объективное свидѣтельство того, что человѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ «производства» вообще, а не только отъ тѣхъ или иныхъ его болѣе или менѣе мучительныхъ способовъ? Здѣсь въ этомъ процессѣ сокращенія рабочаго времени сказывается ростъ силы рабочаго движенія. Но ростъ этотъ возможенъ только потому, что общество въ цѣломъ можетъ отходить, все больше высвобождаться изъ-подъ ярма экономики, изъ-подъ ярма принудительнаго труда. Классовый процессъ возможенъ только потому и только въ той мѣрѣ, въ какой онъ идетъ по линіи тенденцій общественнаго развитія.

Освобождаясь отъ власти природы, овладѣвая и подчиняя себѣ ея тайны, человѣкъ пріобрѣтаетъ по отношенію къ ней отрадное чувство независимости, свободы, которое неизгладимыми чертами отдѣляетъ его отъ первобытныхъ предковъ, бывшихъ рабами природныхъ стихій. Но то же самое происходитъ и съ властью надъ человѣкомъ искусственной среды современной экономики. Онъ отъ этой власти, порою столь же суровой и чаще всего еще болѣе стихійной, чѣмъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

власть природы, постепенно освобождается. Онъ также овладѣваетъ тайнами экономики, какъ овладѣваетъ тайнами природы, также подчиняетъ ихъ себѣ. Прежній человѣкъ, природный человѣкъ, природой владѣемый, превратился въ человѣка, природой владѣющаго, природу укрощающаго. То же самое и экономическій человѣкъ, экономикой владѣемый, превратится въ человѣка, экономикой владѣющаго и экономику укрощающаго. Человѣкъ овладѣетъ тайнами общества, какъ онъ овладѣлъ тайнами природы и въ этомъ заключается живая душа и движущая сила соціализма.

Это будетъ процессъ освобожденія человѣчества, которое будетъ опираться на рядъ вполнѣ реальныхъ соціальныхъ нормъ и институтовъ. Въ этомъ ряду необходимо выдѣлить одинъ весьма важный пунктъ.

Капитализмъ характеризуется какъ анархія производства. Эта анархія — его ахиллесова пята. Онъ, воистину, волшебникъ, который не можетъ справиться съ вызванными имъ духами. Въ работахъ Маркса эта анархическая стихія капитализма получила рядъ столь геніальныхъ характеристикъ и богатыхъ иллюстрацій, что намъ нечего останавливаться здѣсь не обрисовкѣ этого явленія. То, что создаетъ тягостное ощущеніе полнѣйшей порабощенности современнаго человѣка въ тискахъ экономическихъ стихій — это не столько нужда и бѣдность, сколько мучительная зависимость отъ «коньюктуры», взлеты и паденія которой для огромнаго большинства хозяйствующихъ субъектовъ выступаютъ въ видѣ анархической пляски слѣпого, буйствующаго фатума. Человѣкъ не господинъ, но рабъ «способа производства». Но это рабство тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ явленій рабства, что здѣсь рабъ не знаетъ господина своего, что господинъ этотъ слѣпой и безумный и самъ не знаетъ сегодня, что съ нимъ будетъ завтра. Этому хаосу подчинена не только бѣдность, но и богатство. Этотъ хаосъ — универсальный законъ общественнаго бытія.

Соціализмъ выступаетъ передъ нами въ планѣ гармоніи. Соціализмъ — это организованное хозяйство, организованная экономика. Въ этомъ историческій смыслъ и соціально-психологическая правда соціализма. Но если это такъ, то падаютъ цѣпи экономики, падаетъ ея гипнотизирующая сила. Человѣкъ поднимается. Человѣкъ, влачимый захватившимъ его, бѣшенно мчащимся черезъ бездны колесомъ, садится на козлы и беретъ въ руки возжи. Онъ ногами на «базисѣ», но головой въ широкомъ и вольномъ мірѣ «надстроекъ». «Базисъ» становится уже, хотя и глубже. «Надстройки» становятся и шире, и глубже. На двухъ плоскостныхъ измѣреніяхъ экономики въ жизнетвореніи человѣка высоко поднимается третье измѣреніе культуры. Чѣмъ прочнѣе владѣніе какой-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

нибудь цѣнностью, чѣмъ стабилизованнѣе ея «курсъ», тѣмъ меньше поглощаетъ она душевныя, умственныя и физическія силы ея владѣльца. Прочное владѣніе экономикой даетъ человѣку ту свободу отъ нея, которая сейчасъ невозмозможна и отсутствіе которой превращаетъ его въ Homo oeconomicus по преимуществу.

Было бы однако ошибочно, постулируя принципіально новый стиль соціалистической эпохи, класть между нею и нашей эпохой метафизическую грань, которую можно только перепрыгнуть подъ волшебнымъ наитіемъ потусторонней энергіи. Освобожденіе отъ власти экономики — это историческій процессъ, который знаетъ и до-соціалистическая исторія человѣчества и который логически и соціально не можетъ имѣть конца, какъ не можетъ имѣть конца и процессъ освобожденія отъ власти природы, зашедшій гораздо дальше процесса освобожденія отъ власти экономики.

Нынѣшнее паденіе цивилизованнаго міра въ бездны экономики — только результатъ колоссальнаго разрушенія войны и разстройства того равновѣсія, которое, худо-ли хорошо-ли, кое-какъ поддерживалось до войны. Поэтому и нельзя образомъ человѣческаго общежитія послѣднихъ лѣтъ заслонить передъ собою общія тенденціи и ближніе горизонты всей эпохи, взятой въ цѣломъ. Ибо, если 19 вѣкъ правильно обозначаютъ вѣкомъ расцвѣта капитализма, то съ не меньшимъ правомъ его можно назвать и вѣкомъ расцвѣта демократіи. Капитализмъ, по сравненію съ предыдущей феодальной эпохой, самъ по себѣ явился серьезнымъ шагомъ къ освобожденію человѣчества отъ власти примитивныхъ формъ экономическаго тягла. Капитализмъ освободилъ значительныя массы отъ наиболѣе отупляющей формы этого тягла, отъ «власти земли» и, собравъ массы въ городахъ, сконцентрировавъ ихъ въ индустріи, онъ открылъ передъ ними новый міръ, далъ возможность поднять головы, бывшія прежде прикованными къ землѣ.

Здѣсь оправдывается положеніе, выдвинутое нами выше, а именно: по сравненію съ прежнимъ земледѣльческимъ періодомъ—нужды, нищеты и матеріальныхъ страданій стало больше. Но больше стало и свободы — свободы отъ власти надъ всѣмъ существомъ человѣка хозяйственно-экономическаго начала. Выросло въ своемъ значеніи въ формулѣ личности третье измѣреніе. Homo oeconomicus все болѣе становился Homo Sapiens и Homo Politicus. Въ работникѣ сталъ просыпаться гражданинъ. Человѣкъ сталъ выпрямляться, тянуться вверхъ отъ базиса къ надстройкамъ.

Здѣсь и обнаружилось, что капитализмъ явился огромнымъ стимуломъ демократіи. Не только капитализмъ для своего развитія нуждался въ демократіи, но и демократія для

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

своего развитія нуждалась въ капитализмѣ. Она нуждалась въ немъ, какъ въ эмансипирующей силѣ, вырывавшей человѣка изъ тисковъ примитивной экономики.

Демократія — это организація свободы. Но, чтобъ организовать свободу, надо ее имѣть. Капитализмъ мѣру этой свободы далъ, вырвавъ человѣка изъ тисковъ «власти земли». Демократія — это организація «политическаго человѣка». Но, чтобы его организовать, надо его имѣть. Капитализмъ его далъ. Homo politicus становился все болѣе возможнымъ въ той мѣрѣ, въ какой капитализмъ, организовавъ на болѣе раціональныхъ началахъ процессъ труда, привелъ къ сбереженію труда, а, слѣдовательно, и къ освобожденію отъ духовнаго и моральнаго рабства труда.

Съ этой точки зрѣнія всякая высшая форма экономической жизни создаетъ все болѣе широкія основы для процвѣтанія Homo politicus для расцвѣта гражданина, для увеличенія его роли въ общемъ потокѣ жизнетворенія въ сравненіи съ ролью работника. Сейчасъ соціализмъ представляется намъ наиболѣе широкой основой для расцвѣта гражданина. Но это не предѣлъ возможныхъ въ этомъ направленіи достиженій. Соціализмъ призванъ только преодолѣть анархію капиталистическаго общества, которое именно благодаря этой анархіи не имѣло и не имѣетъ возможности утилизировать въ цѣляхъ своей свободы тѣ огромныя достиженія науки, техники и организаціи, которыя уже теперь могли бы обезпечить все человѣчество максимумомъ необходимыхъ благъ. Но эти достиженія зажаты въ тиски частно-хозяйственнаго анархическаго режима. Поэтому столь недостаточенъ ихъ матеріальный результатъ. Поэтому такъ скудна мѣра, отпускаемой капитализмомъ свободы. Поэтому «гражданинъ» все еще не рѣшенная проблема.

III

Проблема гражданина остается нерѣшенной. Она остается нерѣшенной потому, что для этого отсутствуютъ соціальныя предпосылки въ видѣ экономическаго раскрѣпощенія личности. Для этого отсутствуютъ и культурныя предпосылки. Ибо званіе гражданина обязываетъ гораздо больше, чѣмъ званіе рабочаго. Натыкаясь на низкій культурный уровень массъ и ихъ связанность оковами экономики, общественно-политическая мысль, безпомощная въ разрѣшеніи проблемы, пытается ее просто устранить. Анархизмъ, синдикализмъ, большевизмъ, даже нѣкоторыя теченія буржуазной, государственно-правовой мысли, нѣкоторыя направленія въ соціалъ-демократіи — всѣ вмѣстѣ, вольно и невольно подкапываются подъ ореолъ, окружавшій нѣкогда политическую

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

акцію гражданина, когда этотъ гражданинъ былъ членомъ пышно расцвѣтавшаго буржуазнаго общества. Теперь «гражданинъ» стало кличкой вульгарной и безсодержательной. Что «гражданинъ», что просто «мусью» — все равно: безсодержательно и плоско. Кризисъ парламентаризма, запнувшагося въ своемъ развитіи о низкій культурный и политическій уровень развитія народныхъ массъ, погрязшаго въ коррупціи политическихъ кликъ и котерій, научившихся при помощи могущественнаго гипноза продажной прессы мобилизовать для своихъ нечистыхъ дѣлъ большія массы избирателей — все это, вмѣстѣ съ бунтарскими настроеніями, прошедшей мерзкую школу войны, голытьбы, убило былой паѳосъ гражданина. Убило наверху, убило и внизу.

Вотъ картина, выписанная рукою соціалъ-демократа, правда бывшаго очень лѣвымъ, побывавшаго и въ синдикалистахъ. «Собираются гражданинъ А. — сапожникъ, гражданинъ Б. — художникъ, гражданинъ В. — кафешантанный пѣвецъ, гражданинъ Г. — трактирщикъ, гражданинъ Д. — каменьщикъ, гражданинъ Е. — столяръ, и имъ, знающимъ только свою профессію, предстоитъ избрать человѣка, наиболѣе свѣдущаго въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ сами они ничего не понимаютъ».

Картина, надо согласиться, для принципа всеобщаго избирательнаго права, для политической цѣнности гражданина убійственная. Шесть знатоковъ своего дѣла превращаются на почвѣ демократіи въ одного коллективнаго дурака.

Надо, однако, не побояться нѣсколько расширить смыслъ этой картины. Собравшись вмѣстѣ для политическихъ выборовъ шесть почтенныхъ гражданъ оказались однимъ дуракомъ. Но скажите, собравшись вмѣстѣ для какого-нибудь другого дѣла кафешантанный пѣвецъ, каменьщикъ и сапожникъ — не окажутся ли они въ столь же дурацкомъ положеніи? Что является причиной ихъ дурацкаго положенія? Очевидно, что отсутствіе общихъ интересовъ и общей заинтересованности. Какъ люди своей профессіи, они несводимы другъ къ другу. Картина эта, если она написана съ соблюденіемъ законовъ перспективы, должна свидѣтельствовать въ такомъ случаѣ не только противъ политической акціи, но и противъ возможности какой бы то ни было общественности вообще. Она оставляетъ только узкую щель для профессіональнаго объединенія людей, атомизируя общество на рядъ несводимыхъ другъ къ другу функцій. Для того, чтобы объединить этихъ 6 несчастныхъ «спецовъ» надо вывести нѣчто изъ содержанія ихъ жизненнаго комплекса за скобку.

И это, оказывается, вовсе не такъ трудно. Надо только вдуматься въ детали этой картины. Мы тогда замѣчаемъ,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

что, несмотря на крайнее разнообразіе своихъ профессій, А. Б. В. Г. Д. и Е. обладаютъ однимъ и тѣмъ же качествомъ: всѣ они суть граждане. Весь вопросъ слѣдовательно сводится теперь къ тому, значительна ли эта величина, выведенная за скобки? Или, иначе говоря — какая часть этой формулы личности: гражданинъ — профессія, превалируетъ въ бытіи А. Б. В. Г. Д. и Е.?

Совершенно естественно, что если А. всю жизнь знаетъ только свои колодки, Е. никогда не вылѣзаетъ изъ опилокъ и стружекъ, то въ формулѣ ихъ личности «гражданинъ» не болѣе чѣмъ «мусью». Ихъ тогда не слѣдуетъ называть даже: гражданинъ-сапожникъ или гражданинъ-каменьщикъ, а правильнѣе было бы назвать такъ: человѣкосапогъ, человѣкокамень. Вообразите теперь, что наступаютъ такія общественныя отношенія, при которыхъ каменѣтъ каменьщику и деревенѣтъ столяру придется не болѣе 4-5 часовъ въ сутки и не съ ранняго возраста до могилы, а въ теченіе опредѣленнаго періода трудовой зрѣлости. Тогда колоссально вырастетъ въ своемъ значеніи первая часть формулы личности. «Гражданинъ», благодаря свободѣ и возможности умственнаго и духовнаго роста для личности, будетъ въ ея формулѣ обозначать во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ столяръ и каменьщикъ. Во всякомъ случаѣ, собравшись тогда вмѣстѣ, А. Б. В. Г. Д. и Е. не очутятся уже въ столь дурацкомъ положеніи, какое изображено было выше. Связь между ними будетъ связью гражданства. Коллективистами они станутъ благодаря именно тому, что въ каждомъ изъ нихъ будетъ бодрствовать гражданинъ, Homo Politicus. Не обращенная во внутрь функція, а обращенная во внѣ личность станутъ связью общественнаго цѣлаго.

Тогда, видоизмѣняя стихи поэта, можно будетъ сказать:

Рабочимъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.

Теперь объ этой обязанности человѣку напоминаютъ главнымъ образомъ по случаю того, что нужно имѣть большой запасъ людей, умѣющихъ толково и «научно» убивать себѣ подобныхъ. Въ современную эпоху милитаризма гражданскій долгъ это преимущественно... военная служба. Обязанность быть гражданиномъ наступаетъ тогда, когда нужно взять въ руки дубину и разбивать ею черепа тѣхъ изъ ближнихъ, кои сегодня именуются «врагами», хотя завтра они могутъ именоваться «друзьями». Надо думать, что возможны такія соціальныя отношенія, при которыхъ объ этой обязанности будутъ напоминать не приказы по мобилизаціи, а сами эти отношенія своимъ все повышающимся, все болѣе интен-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

сивнымъ спросомъ на организаціонно-политическую самодѣятельность свободной личности.

Тутъ, однако, выдвигается одно очень распространенное недоразумѣніе, которое какъ будто опрокидываетъ всю эту оптимистическую для будущаго гражданина концепцію. Считается твердо установленнымъ, что будущее общество планомѣрно организованнаго въ общественныхъ интересахъ производства явится механизмомъ столь сложнымъ и труднымъ, что оріентироваться въ немъ, управлять имъ, знать всѣ входы и выходы сумѣютъ относительно немногіе. Тутъ потребуется спеціалистъ, не избранный въ свалку навалку всеобщаго голосованія всякаго рода обыденныхъ, равныхъ гражданъ, а отобранный очевидно тѣми людьми и органами, спеціальность которыхъ... спеціальности. Мы находимъ удачное выраженіе этой очень распространенной, какъ среди противниковъ демократіи справа, такъ и среди противниковъ ея слѣва мысли, у прежде цитированнаго нами автора: «Если всеобщее избирательное право оказывается неудовлетворительнымъ даже для современнаго, далеко еще не развившагося государства, то тѣмъ менѣе оно будетъ умѣстно въ соціалистическомъ строѣ съ его колоссальнымъ раздѣленіемъ труда, съ подавляющей сложностью его задачъ». Поэтому по мысли автора здѣсь должно господствовать «вмѣсто избранія — подборъ, вмѣсто популярности — техническая пригодность, вмѣсто демократическаго принципа: «я также хорошъ, какъ и онъ» — дѣловой принципъ: каждый на своемъ мѣстѣ. «Равенству здѣсь рѣшительно нечего дѣлать». Путь соціальнаго развитія рисуется автору въ слѣдующихъ выпуклыхъ чертахъ. «Отъ отвлеченныхъ правовыхъ нормъ къ производственной цѣлесообразности, отъ абстрактнаго «гражданина» къ конкретному «производителю», отъ призрачнаго всевластія массы къ дѣйствительной власти работоспособнаго меньшинства, словомъ, отъ д е м о к р а т і и къ с о ц і а л и з м у», или какъ въ другомъ мѣстѣ сказано и сказано мѣтко: «отъ соціальной демократіи къ соціальной аристократіи».*)

Весь этотъ разгромъ демократическихъ началъ производится главнымъ образомъ потому, что будущая соціалистическая общественность и будущая экономика представятъ «подавляющей» сложности организмъ. Здѣсь несомнѣнно имѣется значительная доля правды. Общественно-организованное хозяйство — организмъ дѣйствительно очень сложный. Но тутъ то и начинается недоразумѣніе.

Въ огромныхъ, выросшихъ за послѣднія полвѣка городахъ Америки и Европы, имѣющихъ десятки, а иногда и

*) Ст. Вольскій «Аристократія духа». «Объединеніе» 1919 г. № 2.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

сотни тысячъ жителей вы можете легче найти нужный вамъ домъ и нужнаго вамъ человѣка, чѣмъ въ старомъ русскомъ уѣздномъ городкѣ, имѣющемъ какихъ-нибудь 5—10 тыс. жителей. Передъ нами случай, когда болѣе сложное оказывается и болѣе простымъ. Причина этого лежитъ въ разработанномъ планѣ, въ организованномъ и гармоническомъ сочетаніи отдѣльныхъ элементовъ болѣе сложнаго явленія, какимъ въ данномъ случаѣ является европейскій или американскій городъ новаго стиля по сравненію со старыми мелкими городками, выстроившимися какъ попало, безъ плана и смысла. Другой примѣръ изъ области музыкальной. Чрезвычайно сложное, но гармоническое сплетеніе и созвучіе тоновъ гораздо легче воспринимается ухомъ и остается въ памяти, чѣмъ диссонансъ, состоящій всего изъ 3—4 тоновъ. Здѣсь опять таки болѣе сложное, благодаря организованному и планомѣрному сочетанію его элементовъ, является одновременно и болѣе простымъ. Отсюда всего одинъ шагъ до «сложности» соціалистическаго режима. Онъ несомнѣнно будетъ болѣе сложнымъ, чѣмъ капитализмъ. Но именно потому, что элементы его будутъ въ гармоническомъ сочетаніи, что это будетъ обществомъ о р г а н и з о в а н н ы м ъ и производствомъ тоже организованнымъ — именно потому этотъ режимъ будетъ болѣе простымъ и оріентироваться въ немъ будетъ гораздо легче, чѣмъ въ дикой свалкѣ интересовъ и тенденцій капиталистическаго общества.

Нужно имѣть въ виду слѣдующее. Капитализмъ — это анархія не только производства, но и всѣхъ остальныхъ элементовъ развитія общества. Здѣсь цѣлевыя устремленія творческаго сознанія и творческой воли безпощадно разбиваются въ хаосѣ противоборствующихъ, стихійно развивающихся тенденцій. Общественному творчеству поставлены предѣлы капризной неподатливостью соціальнаго тѣла, общественной матеріи. Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben— это законъ всякаго творчества въ неорганизованномъ, анархизированномъ обществѣ. Здѣсь счастливъ не тотъ, кто достигъ того, что хотѣлъ, а тотъ, кто хочетъ того, что достигъ. Потому что здѣсь, идя въ одну дверь, часто попадаешь въ другую и счастье — если, войдя въ другую не погибнешь. Счастье, если, войдя въ другую, будешь точно знать и помнить, что ты попалъ въ другую, а не въ ту, въ которую шелъ. Такъ капитализмъ — примитивъ, простота по сравненію съ міромъ соціализма — встаетъ въ сознаніи индивидуума и общества, какъ явленіе дѣйствительно «подавляюще» сложное. Сложное и мучительно загадочное.

Въ этой грохочущей неразберихѣ, аналогично первобытному религіозному жречеству, возникаетъ жречество: политическое и экономическое. Подобно жречеству первобытному

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

жречество современное пытается сакраментальными формулами и заклинаніями, (принимающими часто форму программъ, передовыхъ статей и избирательныхъ рѣчей), умилостивить жестокихъ боговъ общественнаго міроздапія. Въ этой обстановкѣ безнадежной соціально-экономической распутицы легко возникаетъ паническое уваженіе къ «спецамъ», «отобраннымъ», «лидерамъ», «вождямъ», «героямъ», ко всякаго рода Übermensch'амъ, и Wundermensch'амъ, которые благодаря распространенной вокругъ нихъ пустотѣ въ атмосферѣ довѣрчиваго невѣжества имѣютъ возможность также злоупотреблять своими жреческими функціями, какъ злоупотребляли ими жрецы религіозные прежнихъ временъ. Здѣсь понятно тускнѣетъ обликъ «рядового», «равнаго», «свободнаго» гражданина и каста профессіоналовъ политиковъ, богосапожниковъ, богостоляровъ, каста «организаторовъ» и «спецовъ» становится авторитарной силой крайне губительнаго для раскрѣпощенія массъ характера.

И когда эти касты выдвигаются какъ деміурги исторіи и соціализма, какъ соль соціалистической земли, то въ этихъ все учащающихся концепціяхъ не трудно увидѣть идеологическое отображеніе не столько космоса соціализма, сколько хаоса капитализма. Въ этихъ концепціяхъ живетъ и дрожитъ психологія соціально-мистическаго перепуга, охватившаго сознаніе въ темномъ, дремучемъ, полномъ проваловъ и западней лѣсу современной мучительной «простоты».

Такимъ образомъ можно, признавъ за соціализмомъ гораздо болѣе сложную структуру, все же признать, что онъ, преодолѣвъ анархію общественныхъ и экономическихъ отношеній, будетъ во всякомъ случаѣ прозрачнѣе капитализма. Болѣе сложная и болѣе тонкая машина, она во всякомъ случаѣ будетъ работать болѣе ритмично, болѣе правильно и менѣе шумно и порывисто.

Этотъ ритмъ и эта гармонія, эта прозрачность и усвояемость общественно-экономическихъ процессовъ расколдуютъ ихъ въ сознаніи личности, освободивъ ее отъ гнета авторитетныхъ тенденцій, пристрастій и отъ паническаго уваженія къ соціально-политическому жречеству. И если трудно быть гражданиномъ при капитализмѣ, то имъ нельзя будетъ не быть при соціализмѣ.

Съ этой точки зрѣнія будущее общество рисуется намъ мыслимо полнымъ осуществленіемъ идеаловъ демократіи и народовластія. Соціализмъ, какъ форма организаціи хозяйства вмѣстѣ съ возможностью для массъ подняться на болѣе высокій культурный уровень дастъ массамъ максимальный просторъ для ихъ сознательнаго и активнаго общественно-политическаго творчества. Общество, освободившееся отъ необходимости въ борьбѣ за хлѣбъ насущный поливать каж-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

дую пядь земли потомъ своимъ и кровью, сумѣетъ развернуть такую богатую, сложную и одновременно простую общественно-политическую и культурную жизнь, какую намъ — рабамъ, а не повелителямъ «способа производства» — трудно себѣ даже представить. Гражданинъ возьметъ реваншъ у рабочаго. Трудъ станетъ внутреннимъ органическимъ процессомъ, очень дѣятельнымъ и сложнымъ, очень интенсивнымъ и плодотворнымъ, но столь же мало обременяющимъ субъективно организмъ общества, какъ мало организмъ человѣка обременяютъ нормальные процессы дыханія, кровообращенія, пищеваренія, образованія и разрушенія тканей и т. п. На равномѣрно разлитой стихіи труда будутъ все выше и выше подниматься надстройки, строителями которыхъ будутъ свободные граждане, сознающіе себя таковыми, чувствующіе въ себѣ свою гражданственность не какъ подчиненную подробность въ формулѣ своей личности, а какъ центральный нервъ въ процессѣ утвержденія и становленія человѣка.

Соціализмъ придетъ не за тѣмъ, чтобы отвергнуть и проклясть законъ демократіи, а за тѣмъ, чтобы законъ исполнить и благословить.

IV

Законъ демократіи — это законъ свободы. Но это и законъ равенства. Тѣмъ не менѣе между этими двумя основами демократіи существуетъ, если не противорѣчіе, то тенденція къ расхожденію.

Уничтоженіе наемнаго рабства, классовыхъ привиллегій — это совершенно очевидный путь къ равенству. Но это путь къ равенству соціальному. Наряду, однако, съ равенствомъ или неравенствомъ соціальнаго типа существуетъ и имѣетъ огромное вліяніе на общественное развитіе равенство или неравенство индивидуальнаго типа. Между этими обоими типами равенства можетъ существовать обратно-пропорціональная зависимость. Чѣмъ личность менѣе стѣснена колодками соціальныхъ привиллегій и политическаго неравенства, тѣмъ богаче ея расцвѣтъ, а чѣмъ богаче ея расцвѣтъ, тѣмъ легче и выпуклѣе можетъ проявиться ея особность, ея отличіе, словомъ, — ея неравенство съ другой личностью. Съ этой точки зрѣнія и въ этихъ предѣлахъ максимумъ свободы ведетъ какъ бы къ максимуму неравенства. Оставаясь въ предѣлахъ индивидуальныхъ оцѣнокъ, мы легко можемъ понять почему подданные абсолютной монархіи въ гораздо большей мѣрѣ равны другъ другу, чѣмъ граждане конституціоннаго государства, а эти послѣдніе нынѣ болѣе равны между собою, чѣмъ члены будущаго соціалистическаго общества. Иначе говоря, ослабленіе горизонтальнаго неравен-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ства соціальнаго типа ведетъ къ усиленію вертикальнаго неравенства индивидуальнаго типа.

Этому явленію Э. Дюркгеймъ въ своей работѣ «о раздѣленіи труда» придалъ гораздо болѣе универсальное значеніе. Его можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: коллективныя неравенства падаютъ, индивидуальныя — усиливаются. Э. Дюркгеймъ проанализировалъ этотъ двусторонній процессъ на примѣрѣ національныхъ различій. Пропасть, отдѣлявшая нѣкогда культурный и психологическій типъ француза отъ типа нѣмца, становится безусловно все меньшей и меньшей. Образуется средній типъ европейца вообще. Коллективныя неравенства падаютъ. Между тѣмъ среди французовъ и среди нѣмцевъ отличіе одного человѣка отъ другого, разнообразіе индивидуальныхъ типовъ становится все большимъ. Личность растетъ. Индивидуальныя неравенства усиливаются. Мало того, можно смѣло сказать, что чѣмъ разнообразнѣе индивидуальные элементы, составляющіе каждую изъ двухъ сравниваемыхъ группъ, тѣмъ больше вѣроятности, что эти двѣ группы потеряютъ раздѣлявшія ихъ прежде коллективныя черты различія. Въ этомъ видѣ положеніе принимаетъ математически доказательный характеръ. Чѣмъ больше сортовъ входитъ въ каждую смѣсь, тѣмъ вѣроятнѣе, что эти двѣ смѣси будутъ походить другъ на друга. Отсюда слѣдуетъ, что ростъ, расцвѣтъ личности есть одно изъ важнѣйшихъ условій, способствующихъ сближенію и объединенію національныхъ, соціальныхъ и профессіональныхъ группъ. Отсюда и болѣе частный выводъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ нашей темѣ: для созданія здороваго соціально-политическаго организма, въ которомъ шла бы согласная работа всѣхъ его частей требуется высокое развитіе личности. Свободная, развитая личность — это необходимое условіе свободнаго, развитого государства. Неравенство индивидуальнаго типа есть въ конечномъ счетѣ одно изъ условій равенства соціально-политическаго типа, какъ и наоборотъ: равенство соціально-политическое является одной изъ предпосылокъ неравенства индивидуально-психологическаго. Расходясь въ разныя стороны, двѣ тенденціи приводятъ насъ къ одному и тому же мѣсту.

Съ этой точки зрѣнія идеологія «спеца», «работоспособнаго меньшинства», держащихъ въ рукахъ бразды правленія всѣми проявленіями экономической гражданской и культурной дѣятельности, находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ тенденціями культурно-историческаго развитія. Эта идеологія базируется на очевидномъ явленіи усиленія личныхъ неравенствъ, но она не замѣчаетъ какъ именно эти неравенства ведутъ къ уничтоженію всякаго рода кастовыхъ, аристократическихъ началъ, какъ они вытѣсняютъ авторитарныя

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

начала, очищая дорогу демократіи и ея основной клѣточкѣ — гражданину.

Для нормальнаго безболѣзненнаго развитія общества важно только одно: чтобы превосходство одного человѣка надъ другимъ проистекало не изъ соціальныхъ или политическихъ началъ, а изъ началъ, заложенныхъ въ природѣ самой личности. Дорога должна быть всѣмъ равно открыта. И если на ней одинъ будетъ обгонять другого, то это произойдетъ исключительно въ силу причинъ, надъ которыми пока человѣчество не властно. Ибо «люди рождаются свободными и неравными», какъ говоритъ Грантъ-Аллэнъ и только общество дѣлаетъ ихъ кромѣ того еще и несвободными, злоупотребляя какъ разъ этимъ природнымъ ихъ неравенствомъ. Между тѣмъ, если разсматривать соціализмъ, не какъ равенство людей, а какъ равенство условій ихъ развитія, то именно это равенство условій вырываетъ изъ природнаго равенства людей ядовитое жало соціально-психологической обиды и дѣлаетъ состязаніе неравныхъ индивидуумовъ формой культурно-творческаго содружества свободныхъ людей. Здѣсь превосходство человѣка надъ своимъ ближнимъ не можетъ привести къ отношеніямъ власти и подчиненія, а лишь къ стремленію личности, стоящей ниже другой въ одномъ отношеніи, стать выше въ другомъ, имѣющемъ такое же или приблизительно равное значеніе въ оборотѣ человѣческой культуры.

Ибо, въ концѣ концовъ, человѣку, если онъ не защемленъ тисками соціально-политическихъ привиллегій и психологически не ущемленъ ими, важно не столько сравняться съ другими, сколько прежде всего быть равнымъ самому себѣ. Это значитъ, что для личности важна полнота проявленій ея потенцій, полнота ея развитія. Мнѣ важно имѣть неограниченную ничѣмъ возможность проявить и утилизировать всѣ 100% моей личности, а что мои 100% абсолютно меньше 100% личности другого — это можетъ быть иногда и огорчительно, но не опорачиваетъ меня, какъ личность и какъ общественную цѣнность, какъ не опорачиваетъ меня, скажемъ, мой меньшій въ сравненіи съ сосѣдомъ ростъ.

Въ изумительномъ разсказѣ А. Франса «Жонглеръ Святой Богоматери» кроется, если хотите, рѣшеніе занимающей насъ соціально психологической проблемы. Бѣдный, измученный голодомъ и лишеніями жонглеръ попалъ съ уличной площади въ богатый и славный монастырь. Въ звукѣ, словѣ, кистью и рѣзцомъ славили Мадонну и служили ей высокопросвѣщенные монахи. Философія, теологія, поэтика, экзегетика, музыка, живопись, скульптура — все складывалось у

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ногъ Св. Дѣвы, а бѣдный жонглеръ слонялся среди торжественной готики монастыря и тоскливо взиралъ на эти богатые дары высокаго духа, приносимые Богинѣ. Что дастъ Ей онъ, бѣдный, скромный, нищій духомъ жонглеръ?

Однажды ночью дежурный монахъ услышалъ за дверью у алтаря странный шорохъ. Припавъ къ замочной скважинѣ, онъ увидѣлъ, какъ въ чуткой тишинѣ ночи бѣдный жонглеръ стоялъ передъ ликомъ Св. Дѣвы на рукахъ, а ногами и тѣломъ выдѣлывалъ всякія штуки, молитвенно и благоговѣйно поднося всю полноту с в о е г о духа, с в о е г о искусства къ стопамъ Непорочной... Она, несомнѣнно, благословила его святой трудъ. Въ этотъ моментъ бѣдный жонглеръ передъ ликомъ Дѣвы былъ равенъ духовной знати профессіональныхъ Ея служителей.

Исполненіе личности — это главное условіе исполненія закона равенства. Излученіе личности въ общественную сферу должно оцѣниваться соотносительно собственному объему этой личности, а не объему другой личности.

Важно, чтобы между людьми не было раздѣляющей ихъ соціальной пустоты, провала — тогда даже законный пафосъ дистанціи мало будетъ задѣвать нравственную самооцѣнку личности и исчезнетъ то губительное чувство собственнаго ничтожества, какое неразрывно связано съ организаціей общества, гдѣ всякаго рода богосапожники, богоорганизаторы и богоспецы образуютъ касты не столько избранныхъ, сколько отобранныхъ, управляющихъ не волею народа, а волей обоготворенной и обоготворяемой функціи, обоготворенной и обоготворяемой экономики.

Это обоготвореніе исходитъ изъ молчаливаго, но очень спорнаго допущенія объ однозначности человѣка, однозначности профессіональной или духовной, — существо ошибки отъ этого нисколько не мѣняется. Человѣкъ — это и л и сапожникъ, и л и математикъ, и л и столяръ, и л и пѣвецъ, и л и трактирщикъ, и л и художникъ. Поэтому то соціализмъ въ этой концепціи часто принимаетъ характеръ «спеціализма». Поэтому «надлежащій человѣкъ на надлежащемъ мѣстѣ» становится символомъ соціальной вѣры. «Человѣкъ» и «мѣсто» становятся неподвижными, отъ вѣка данными, китами, на которыхъ держится міръ. Поэтому прикрѣпленіе человѣка къ мѣсту, и мѣста къ человѣку, даннаго человѣка къ данному мѣсту, рисуется единственной гарантіей прочности общественнаго мірозданія.

Большевизмъ пытался осуществить эту концепцію на практикѣ учетомъ всякаго рода спецовъ и прикрѣпленіемъ ихъ къ опредѣленному мѣсту. Этимъ соціальнымъ магамъ казалось, что вотъ именно они найдутъ самаго надлежащаго человѣка для самаго надлежащаго мѣста и пригонятъ ихъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

другъ къ другу такъ плотно и такъ раціонально, какъ это осуществляется при сборкѣ частей какого-нибудь тонкаго физическаго или оптическаго прибора. Маги потерпѣли жестокую неудачу не только вслѣдствіе своей культурной косолапости, но и вслѣдствіе глубоко утопическаго характера самаго заданія. Они натолкнулись на катастрофическую чрезполосицу призваній, знаній и склонностей мобилизуемыхъ спецовъ. Одного и того же человѣка тащили по пяти и болѣе мобилизаціямъ. Сначала его тащили какъ бывшаго «военслужащаго», затѣмъ какъ «финансоваго работника», затѣмъ какъ юриста, затѣмъ какъ кооператора, затѣмъ какъ статистика, затѣмъ какъ литератора. Кругъ этотъ кончался тѣмъ, что приходила Чека и тащила его въ узилище какъ «контръреволюціонера», уклонявшагося отъ безчисленныхъ мобилизацій. Надлежащее мѣсто для надлежащаго человѣка было найдено. Такихъ случаевъ было много. Отвлекаясь отъ ихъ трагикомической стороны, можно сказать, что порокъ всей этой системы заключался въ томъ, что командой «по мѣстамъ»! хотѣли преодолѣть сложное сплетеніе призваній, умѣній, знаній и стремленій, заложенныхъ въ интеллектѣ современнаго человѣка. Большевизмъ сдѣлалъ изъ этого принципа «спеціализма» каррикатуру. Но каррикатура иногда болѣе правдиво и болѣе поучительно для зрителя отображаетъ недостатки изображаемаго явленія, чѣмъ мертвая, хотя и точная фотографія. Въ этомъ смыслѣ каррикатура бываетъ болѣе поучительной иногда, чѣмъ абстрактныя схемы чисто логическаго, только логическаго мышленія.

Въ живой дѣйствительности «наиболѣе подходящей» для личности работы существуетъ не одна, а нѣсколько, въ особенности при прогрессирующемъ раздѣленіи труда и дробленіи функцій жизни. Дѣло тутъ не столько въ томъ, что не существуетъ и не можетъ быть точныхъ вѣсовъ, на которыхъ взвѣшивалась бы специфическая годность даннаго человѣка. Дѣло даже не столько въ томъ, насколько объективны, точны и компетентны въ своихъ манипуляціяхъ тѣ, стоящіе внѣ личности и надъ обществомъ, вѣсовщики, которые «отобрались» на вершинѣ этой новѣйшей «Утопіи». Гораздо важнѣе всего этого то обстоятельство, что личность — это задача со многими рѣшеніями. Изъ всѣхъ этихъ рѣшеній наиболѣе выгоднымъ для интересовъ цѣлаго явится то, которое приметъ сама личность, а не внѣ ея стоящая сила, которое получится въ результатѣ широкой возможности свободнаго выбора и которое въ случаѣ надобности можно будетъ свободно же перемѣнить.

Въ старину родители созрѣвшей для замужества барышни полагали, что самаго лучшаго, наиболѣе подходящаго жениха для своей дочери они найдутъ сами и что этотъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

женихъ и будетъ тотъ, который посланъ ей «судьбой». Теперь невѣсты и женихи поняли, что богоизбранность ихъ другъ для друга — миѳъ, теперь женихи и невѣсты тоже стали задачами со многими рѣшеніями и изъ этихъ рѣшеній наилучшимъ является то, которое подсказано любовью. Попечительныя матушки и батюшки узнаютъ объ этомъ наиболѣе подходящемъ рѣшеніи послѣдними, а свахи дѣлаются совершенными ненужностями. Пусть идеологи «спеціализма» объ этомъ подумаютъ...

Въ сущности по типу этой старинной манеры бракосочетаній идеологи «спеціализма» сочетаютъ личность съ профессіей. Они тоже сочетаютъ ихъ «на вѣки» «до гроба», также мало считаются съ свободой избранія и перемѣны функціи и также убѣждены въ томъ, что стоящіе на верху органы попеченія изберутъ самаго лучшаго «надлежащаго человѣка для надлежащаго мѣста». Это какой-то соціалистическій «Домострой», усвоившій однако кой-какія черты чисто капиталистическаго міросозерцанія.

Здѣсь при капитализмѣ утилизація какого-нибудь дарованія или склонности до полнаго ея истощенія не представляется большой опасностью въ виду наличности постояннаго резерва безработныхъ, изъ которыхъ можно выбирать «наилучшихъ». Здѣсь надлежащій человѣкъ на надлежащемъ мѣстѣ можетъ быть исчерпанъ до конца... до конца этого надлежащаго человѣка. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи момента, когда его снесутъ на свалку истощенныхъ дарованій, стоитъ шеренга его конкурентовъ. Въ соціалистическомъ обществѣ этого быть не можетъ не только вслѣдствіе болѣе высокой самооцѣнки личности и экономической возможности «попридержать» т. с. свой «товаръ». Этого не можетъ быть вслѣдствіе огромнаго выбора все умножающихся функцій и вслѣдствіе все возростающей пригодности человѣка для все большаго ихъ числа. При этихъ условіяхъ наиболѣе раціональной, выгодной не только для личности, но и для общества системой утилизаціи человѣка — будетъ система «плодоперемѣнная» съ періодическимъ пребываніемъ его «подъ паромъ».

Основой этого участія человѣка въ процессѣ общественнаго бытія будетъ свобода, свобода самоопредѣленія, свобода выбора. Въ общественномъ механизмѣ на первомъ планѣ будетъ человѣкъ, а не профессія, гражданинъ, а не рабочій. Сквозь призму свободы будутъ восприниматься всѣ явленія жизни. И какъ бы не раціонизировалась жизнь — благо свободы все же будетъ обладать субстанціональной, религіозной окраской, присущей всякому явленію человѣческаго духа, въ которомъ окристализовалась родовая память о тита-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ническихъ усиліяхъ и безконечныхъ мукахъ, выстраданныхъ поколѣніями въ борьбѣ за тотъ или иной принципъ. Поэтому намъ думается, что демократія явится не только строемъ отношеній, не только конструктивнымъ элементомъ общежитія, но и широко разлитымъ настроеніемъ, ярко выраженнымъ міроощущеніемъ.

Гражданинъ подчинитъ себѣ рабочаго. Свергнувъ боговластителей онъ свергнетъ и богоспецовъ и богоорганизаторовъ. Онъ населитъ міръ множествомъ новыхъ боговъ, и боги эти будутъ люди — свободные и равные.

Ст. Ивановичъ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

К. Р. КАЧОРОВСКІЙ

ТРУДОВАЯ ДЕМОКРАТІЯ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТРУДОВАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

1. Запросъ времени.

Мы переживаемъ великое и страшное время. Великое — ибо вихрь Міровой Войны обозначилъ величайшій историческій переломъ, открылъ пути величайшей соціальной революціи. Страшное — ибо совершилось это нецѣлесознательно, слѣпой, автоматической игрой механическихъ соціальныхъ силъ, и нѣтъ синтетической, интегральной доктрины, освѣщающей пути революціи, нѣтъ позитивныхъ соціально-архитектурныхъ плановъ ея строительства. И вотъ — въ войнѣ демократіи побѣдили, но не смогли организовать демократическій міръ. А въ открывшихся вратахъ Революціи началась дикая, слѣпая давка и разрушеніе — большевизмъ.

Этому есть двѣ причины: одна — общая, другая — частная.

Причина общая состоитъ въ томъ, что человѣкъ вообще позналъ очень много внѣ себя, — уловилъ закономѣрности природы, овладѣлъ ея силами, — но только начинаетъ «познавать самого себя», — осмысливать закономѣрности человѣческаго общества и исторіи и овладѣвать этими закономѣрностями. Точное «научное» изученіе конкретныхъ явленій чрезъ наблюденіе и опытъ достигло огромной высоты въ естествознаніи, обществовѣдѣніе же только теперь находитъ свой научный методъ въ расширенномъ и усовершенствованномъ примѣненіи статистики. Обобщающая мысль естествознанія построила въ каждой своей области общія теоріи закономѣрностей, которыя подтверждаются конкретнымъ изученіемъ явленій и служатъ основой и этого изученія, и всѣхъ гигантскихъ успѣховъ прикладныхъ наукъ, всего техническаго творчества. Обобщающая мысль обществовѣдѣнія не

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

только не имѣетъ подобной теоріи закономѣрностей исторіи, но, пропитанная старыми метафизическими абсолютами, споритъ еще лишь о самой ея возможности. А пока не установлены общія закономѣрности исторіи, конечно, невозможно ни точное пониманіе отдѣльныхъ ея событій, ни планомѣрное соціальное строительство.

Таковъ общій фактъ. Но именно въ нашу эпоху наступилъ особенный упадокъ позитивнаго соціальнаго синтеза, точнѣе — полу-угасли даже явившіеся раньше его зачатки. Начался 19 вѣкъ такимъ огромнымъ, такимъ интегральнымъ соціальнымъ переворотомъ, какъ Великая Французская Революція и рожденными этимъ мощнымъ творческимъ порывомъ великими синтезами и въ философіи, и въ естествознаніи, — какъ трансформизмъ, — и въ обществовѣдѣніи, — какъ цѣльная идея соціализма, какъ цѣльные позитивные планы соціализаціи. Но съ половины 19 вѣка этотъ интегрально-революціонный импульсъ угасаетъ и смѣняется своей противоположностью: эпохой «аналитической», узкоспеціализованной, элементарной, фрагментарной. Гегемономъ эпохи становится прикладное естествознаніе, затмившее своими матеріальными завоеваніями. Техника, индустрія, городъ, капитализмъ захватываетъ въ свои механическіе щупальцы соціальную жизнь, а затѣмъ и мысль, ихъ раздробляютъ и автоматизируютъ. Человѣкъ овладѣваетъ природой, но машина овладѣваетъ человѣкомъ. Техника выѣдаетъ идеологію. Цѣли поглощаются средствами. Въ процессѣ движенія теряется его направленіе. И чудовищные элементы-автоматы, — состязаніе имперіализмовъ съ наиболѣе автоматизованной и милитаризованной Германіей во главѣ, — рушатъ эту распыливающуюся, ослѣпшую культуру конца 19 вѣка въ пропасть Міровой Войны.

Какъ полная потеря соціальной интеграціи привела человѣчество въ эту пропасть, такъ оно не выйдетъ изъ тупика, не начнетъ планомѣрнаго строительства, пока не обрѣтетъ интегральной соціальной доктрины и позитивной программы. Предъ нами великая, — т. е. именно грандіозно сложная, интегральная, — соціальная реформація: столкновеніе и преобразованіе націй, государствъ, классовъ, культуръ. Предстоитъ найти единую нить, пронизывающую и развязывающую весь этотъ огромный историческій узелъ въ цѣломъ: такую закономѣрность, которая была бы въ каждомъ изъ этихъ явленій, которая бы связывала ихъ между собой и давала общій планъ всего великаго переустройства. Къ такому синтезу стремится по самому существу своему соціализмъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Но его нѣтъ и не можетъ быть въ томъ соціализмѣ, который — въ лицѣ марксизма — самъ сталъ порожденіемъ и вырожденіемъ элементно-автоматической эпохи. Родившись до утвержденія критицизма въ философіи и до трансформизма въ естествознаніи, онъ въ теоріи лишь «поставилъ на голову» гегелевскую метафизику, сводя всю соціальную жизнь къ одному элементу, — къ матеріи, къ экономикѣ, къ борьбѣ классовъ, къ капитализму и пролетаріату, — а на практикѣ послужилъ лишь для негативной цѣли, — для борьбы пролетаріата противъ капитализма внутри буржуазнаго общества, — но не имѣлъ, и не могъ имѣть, ни интегральной теоріи исторической эволюціи, ни позитивныхъ плановъ строенія соціализма. Въ результатѣ онъ послужилъ — въ Германіи — одной изъ причинъ Міровой Войны, а въ Россіи — основой большевизма и теперь, разбитый, отмираетъ вмѣстѣ съ эпохой, которой былъ идеологіей.

Интегральную соціальную доктрину и позитивную соціальную программу можно искать лишь въ первоначальномъ синтетическомъ соціализмѣ, рожденномъ Великою Французскою Революціей, и въ тѣхъ позднѣйшихъ теченіяхъ, которыя, — какъ Прудонъ и Луи Бланъ во Франціи, «соціальный идеализмъ» въ Англіи, мадзиніанство въ Италіи, народничество въ Россіи, — развивались въ томъ же направленіи, но были временно затерты лучше выражавшимъ эпоху марксизмомъ. Какъ развертывающаяся нынѣ Великая Соціальная Реформація есть преемница Великой Французской Революціи, такъ же преемственны и ея руководящія идеи, ея путеводный свѣтъ зажжется отъ того же великаго огня, точнѣе — будетъ новымъ его просіяніемъ.

Чтобы обрѣсти руководящія соціальныя идеи 20 вѣка, предстоитъ прежде всего отбросить разбитые элементы-автоматы соціальной метафизики 19 вѣка. Предстоитъ выйти совершенно изъ этой плоскости, изъ маятниковаго качанія между двумя абсолютами, — идеалистическимъ агностическимъ абсолютомъ «свободы» и матеріалистическимъ фаталистическимъ абсолютомъ «необходимости». Предстоитъ построить изъ зачатковъ критицизма въ обществовѣдѣніи (какъ статистическій методъ, какъ «пробабилизмъ») и изъ опыта и философіи естествознанія нѣкоторый реальный релятивистическій синтезъ «свободы» и «необходимости» въ «вѣроятность». Предстоитъ съ одной стороны принять исторію финалистически, т. е. какъ потокъ цѣлестремленій съ вѣроятностью, съ тенденціей цѣледостиженій и тѣмъ объяснить прогрессъ и оправдать наше собственное творчество. Предстоитъ съ другой стороны, установить нѣкоторый соціальный трансформизмъ, (подобно трансформизму біологическому): установить зако-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

номѣрности самыхъ этихъ человѣческихъ цѣлестремленій и основу этой вѣроятности цѣледостиженій въ видѣ нѣкоторой «борьбы за существованіе» среди соціальныхъ группъ и соціальныхъ формъ, въ видѣ нѣкотораго «соціальнаго цѣлевого отбора».

Ниже я и представляю опытъ такого рода: сначала — кратчайшіе тезисы общей историко-соціалистической доктринѣ о существѣ историческаго процесса и прогресса, о его путяхъ и силахъ, а затѣмъ — какъ бы «программу-перспективу», рисующую смыслъ переживаемаго историческаго перелома, существо надвинувшагося новаго строя — «трудовой демократіи» и той живой «трудовой демократіи», живыхъ народныхъ силъ, которыя призваны его создать.*)

2. Общество, историческій процессъ, прогрессъ.

Обществовѣдѣніе, не связывая себя ни съ какой опредѣленной системой философіи, должно утвердиться, и какъ наука, и какъ творчество, на общемъ критико-активномъ «міроотношеніи». Критицизмъ царитъ въ философіи, ища лишь все новыхъ опредѣленій и обоснованій, все болѣе мѣткихъ прилагательныхъ къ этому существительному. Критическая мысль дала и огромныя завоеванія естествознанія. Обществовѣдѣніе догонитъ естествознаніе, когда найдетъ нѣкоторый практическій, творческій критицизмъ, равно далекій какъ отъ некритическаго апріорнаго догматизма, такъ и отъ «ультра-критицизма», превращающагося въ скептицизмъ, въ агностицизмъ. Для перваго необходимъ экспериментально--статистическій методъ, который только и сдѣлаетъ обществовѣдѣніе точной наукой. Для второго нужно такое же смѣлое сознательное соціальное изобрѣтеніе, какимъ живетъ естествознаніе. Въ соотвѣтствіи съ этой задачей и въ согласіи съ философскими теченіями на рубежѣ 20-го вѣка, — «волюнтаризмомъ», «прагматизмомъ» — эта общая соціально-философская директива наилучше выражается въ терминѣ «критико-активизмъ».

Вторымъ руководящимъ принципомъ критико-активнаго обществовѣдѣнія является интегрализмъ, — какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ.**)

*) Мою общую историко-соціологическую схему читатель найдетъ въ значительно болѣе обстоятельномъ изложеніи въ очеркѣ подъ несовсѣмъ соотвѣтствовавшимъ содержанію заглавіемъ: «Народничество, какъ соціологическое направленіе». (См. журналъ «Завѣты», кн. 3, 4, 5 и 6, 1913 года.)

**) Я отказываюсь отъ ходячихъ терминовъ «монизмъ» и «плюрализмъ», ибо существо ихъ, контрастъ между ними (по крайней мѣрѣ въ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Соціальный интегрализмъ въ теоріи утверждаетъ связность, цѣльность всѣхъ элементовъ соціальной жизни — политическихъ, экономическихъ, культурныхъ, — въ человѣкѣ, въ индивидѣ и ихъ причинную взаимообусловленность и потому ищетъ въ исторіи такихъ закономѣрностей, которыя (хотя и съ частными варіаціями) общи всѣмъ элементамъ, составляютъ общіе признаки и общія тенденціи всего соціальнаго процесса въ цѣломъ. На практикѣ же соціальный интегрализмъ считаетъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго соціальнаго творчества) осознаніе интегральнаго, соціальнаго идеала и) построеніе цѣльнаго плана всего соціальнаго строительства.

Критико-активное интегралистическое воззрѣніе приводитъ къ третьему основному принципу обществовѣдѣнія — къ индивидуализму, какъ въ теоріи общества и историческаго процесса, такъ и въ практическомъ соціальномъ творчествѣ. Соціальная жизнь состоитъ въ жизни, дѣйствіи и взаимодѣйствіи людей. Внѣ личностей нѣтъ человѣческаго общества, нѣтъ человѣческой исторіи. Для соціальной науки личность есть первичная реальность. Для соціальнаго творчества личность есть послѣдній идеалъ.

Критико-активизмъ, интегрализмъ и индивидуализмъ (въ указанномъ смыслѣ) завершаются финализмомъ: цѣлевымъ воззрѣніемъ на общество и исторію. Жизнь личностей, ихъ дѣйствія, отношенія между ними опредѣляются ихъ по-

---

обществовѣдѣніи) вовсе не въ томъ. что одинъ ищетъ «единства», а другой «множественности»: оба одинаково ищутъ объединенія міра явленій. Существо контраста въ способѣ этого объединенія. Монизмъ пытается — въ томъ или иномъ смыслѣ — вывести цѣлое изъ части, изъ элемента, т. е. является въ сущности «элементизмомъ» — или, если это лучше звучитъ, «элементаризмомъ». Суть же плюрализма въ томъ, что онъ считаетъ выведеніе цѣлаго изъ части логически абсурднымъ (ибо цѣлое больше части и не можетъ заключать въ себѣ то, чего нѣтъ въ части) и практически безполезнымъ и вреднымъ (ибо, допустивъ «приматъ» даннаго соціальнаго элемента надъ другими, остается неизвѣстнымъ, ни въ чемъ состоитъ его собственная закономѣрность—почему, напр., сами «производительныя силы» развиваются? — ни въ чемъ состоитъ закономѣрность всего историческаго процесса въ цѣломъ). Слѣдовательно, плюризмъ (по крайней мѣрѣ, въ соціальной философіи), есть въ сущности интегрализмъ, т. е. выведеніе общихъ закономѣрностей изъ всего цѣлаго и для всего цѣлаго. Терминъ «интегрализмъ» легко пріемлемъ. Терминъ «элементаризмъ», «элементизмъ» и т. п. (предоставляю выбрать самому читателю, памятуя лишь, что «элементаризмъ не равнозначенъ съ элементарностью, а означаетъ «элементность», фрагментность и т. п.) непривычно звучитъ, но логически необходимъ, другого я лично не вижу. Термины „синтетизмъ“ — „аналитизмъ“ врядъ ли мыслимы въ соціологіи.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

требностями и ихъ способностями и выражаются въ ихъ цѣляхъ. Общество есть міръ человѣческихъ цѣлестремленій. Соціальными силами являются цѣлестремленія людей, сливающіяся въ соціальныхъ группахъ и кристаллизующіяся въ соціальныхъ формахъ. Цѣль есть такая-же основная, внутренняя ячейка энергіи соціальной, какъ сѣмя — энергіи органической. Соціальное творчество движется цѣлями-силами. Цѣли-силы опредѣляются условіями сферы, приспособляются къ нимъ и сами воздѣйствуютъ на среду, приспособляютъ ее къ себѣ. Соціальная жизнь закономѣрна, но ея закономѣрность — особая: она — въ закономѣрностяхъ цѣлей-силъ. Соціальныя причинозависимости суть цѣлезависимости.

Интегрально-финалистическое воззрѣніе на историческій процессъ ясно вскрываетъ, его основныя закономѣрности и устанавливаетъ, почему и въ какомъ именно смыслѣ онъ является прогрессомъ. Жизнь общества динамична и представляетъ собою процессы движенія, измѣненія, развитія, совершенствованія человѣческихъ цѣлестремленій.

Всякое устремленіе человѣка къ какой-либо цѣли есть движеніе (въ дѣйствіи или въ потенціи). Соціальная жизнь и состоитъ изъ миріадъ этихъ цѣлестремительныхъ движеній. Цѣлестремленія личностей частью совпадаютъ, частью скрещиваются, частью сталкиваются. Исторія человѣчества и представляетъ собою равнодѣйствующую этихъ потоковъ цѣлестремленій.

Индивидуальныя и соціальныя цѣлестремленія, подобно процессамъ жизни въ организмахъ (изъ которыхъ они проистекаютъ), вѣчно повторяются, но съ тѣми или иными варіаціями. И какъ накопленіе этихъ измѣненій обращаетъ органическую жизнь въ трансформацію, такъ и исторію человѣчества оно дѣлаетъ грандіозной соціальной трансформаціей. Въ ней перерождается самъ человѣкъ, перерабатывается окружающая его среда, глубоко преображаются соціальныя отношенія между людьми.

Въ измѣненіяхъ, составляющихъ соціальную трансформацію, есть закономѣрность, дѣлающая ее, подобно трансформаціи біологической, процессомъ развитія, эволюціи. И тамъ, и тутъ эта закономѣрность состоитъ въ усложненіи формъ и въ приспособленіи ихъ къ средѣ. Подобно размноженію и дифференціаціи организмовъ, цѣли людей, вмѣстѣ съ ихъ потребностями и способностями, варіируясь, усложняются, умножаются, усиливаются, разростаются, одухотворяются. И это происходитъ путемъ такого же соціальнаго цѣлевого отбора, такого же приспособленія цѣлестремленій къ средѣ, какъ это наблюдается

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ естественномъ отборѣ организмовъ. Разница — глубокая разница въ томъ, что въ человѣческомъ обществѣ сквозь рѣшето отбора проходятъ не только сами человѣческія особи, но и цѣлыя соціальныя группы и соціальныя формы и заключающіеся въ нихъ цѣлые узлы цѣлестремленій. Борьба за существованіе, выживаніе приспособленныхъ и отмираніе неприспособленныхъ идетъ въ исторіи и между цѣлыми племенами, націями, государствами, и между конкурирующими хозяйствами, и между приспособленіями техники, и произведеніями искусства, и между научными идеалами, и между моральными и религіозными ученіями, и между цѣлыми культурами.*)

Наконецъ, движеніе, измѣненіе, развитіе индивидуальныхъ и соціальныхъ цѣлестремленій является необходимо, по самому существу своему, ихъ совершенствованіемъ, т. е. тѣмъ, что мы называемъ прогрессомъ; цѣли людей все болѣе осуществляются, цѣлестремленія все въ большей мѣрѣ заканчиваются цѣледостиженіями. Историческій процессъ оказывается — въ основной своей закономѣрности — развитіемъ цѣлесообразности, т. е. приближеніемъ къ тому, чего желаетъ, къ чему пробивается само человѣчество. Эта закономѣрность, эта «историческая необходимость» прогресса лежитъ частью въ указанномъ «естественномъ отборѣ» цѣлестремленій, частью такъ сказать, въ «искусственномъ отборѣ», осуществляемомъ самими цѣлями-силами.

Объективная вѣроятность, въ предѣлѣ — необходимость развитія цѣлесообразностей состоитъ въ томъ, что именно онѣ даютъ лишній шансъ на выживаніе въ естественномъ соціальномъ отборѣ. Въ немъ либо прямо побѣждаютъ, либо выживаютъ на счетъ другихъ и индивиды болѣе сильные и даровитые, т. е. болѣе цѣлестремительные и болѣе цѣлесознательные, и такія же соціальныя группы (племена, націи, государства, классы и т. д.), накопившія въ себѣ больше цѣлесообразностей, и соціальныя формы (политическія, экономическія, культурныя), болѣе сообразныя, болѣе приспособленныя къ цѣлямъ и къ условіямъ среды. Естественный отборъ проноситъ, накопляетъ, развиваетъ цѣлесообразности именно потому, что онѣ — цѣлесообразности.

Внутренняя субъективная «необходимость» (вѣроятность) развитія цѣлесообраз-

---

*) Впрочемъ, уже и среди животныхъ кромѣ отбора особей есть отчасти и соціальный отборъ, охватывающій группы ихъ, ихъ общества, ихъ соціальныя формы и приспособленія.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ности, прогресса (представляющаяся намъ практически нашей «свободой») заключается въ цѣлестремительной волѣ самихъ людей. Цѣли достигаются именно потому, что мы къ нимъ стремимся. Мы постигаемъ законы природы и общества, потому что ихъ ищемъ, изобрѣтаемъ машины и покоряемъ природу, потому что этого хотимъ, нашъ организованный творческій трудъ завоевываетъ все для нашихъ потребностей и желаній, потому что мы обладаемъ творческой способностью и способностью развитія. И, такимъ образомъ, предъ нами не только пассивное приспособленіе человѣчества къ средѣ, но активное приспособленіе имъ среды къ своимъ цѣлямъ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, какой огромный путь уже пройденъ прогрессомъ. Цѣли, бывшія вначалѣ мелкими, случайными, матеріальными, разрослись, связались, одухотворились. Едва брезжущее на зарѣ исторіи цѣлесознаніе разгорѣлось въ свѣточи далекихъ, цѣльныхъ цѣлей — идеаловъ, живущихъ вѣками и тысячелѣтіями и озаряющихъ будущіе пути человѣчества. Цѣлесообразности, вначалѣ ничтожныя, зачаточныя постепенно разрослись въ чудеса цѣледостиженій, захватили природу въ руки человѣка. И впереди мы не видимъ предѣловъ этому прогрессу, этому цѣлестремительному творчеству. Законъ исторіи есть законъ прогресса. «Историческая необходимость» — въ совершеніи желаній человѣка, въ свободномъ творчествѣ человѣчества.

3. Автономизмъ.

Изложенное пониманіе общества и исторіи ясно устанавливаетъ высшій соціальный идеалъ, выражающій основную тенденцію историческаго процесса, составляющій вѣчно приближающуюся и вѣчно уходящую въ высь вершину прогресса, освѣщающій намъ пути и опредѣляющій всецѣло планы нашего соціальнаго творчества. Этотъ высшій идеалъ есть критико-активная интегральная личность и ея автономное творчество. Или — въ одномъ словѣ — это автономизмъ.*)

*) Эту позитивную формулу высшаго соціальнаго идеала я предпочитаю соотвѣтствующей ей негативной формулѣ: освобожденіе личности отъ всѣхъ формъ гнета. Меня не удовлетворяютъ термины соціализмъ, коллективизмъ, коммунизмъ, ибо, во-первыхъ, они говорятъ о внѣшнихъ формахъ общества, умалчивая о его существѣ и цѣли — объ автономной личности, — во-вторыхъ, они элементны, подразумѣваютъ преимущественно лишь экономическій строй, такъ что выражаютъ скорѣе ступени къ идеалу, а не самъ высшій интегральный идеалъ. Анархизмъ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ его пониманія стоитъ ближе всего къ автономизму, но по самому основному смыслу своему тоже элементенъ и негативенъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Прослѣживая въ необозримомъ потокѣ цѣлестремленій, называемомъ исторіей, п у т и а в т о н о м и з м а, приходимъ къ слѣдующимъ схемамъ процессовъ, силъ, тенденцій прогресса.

Съ точки зрѣнія финализма въ исторіи выдѣляются три типа процессовъ: а в т о м а т и ч е с к і е, а в т о р и т а р н ы е и а в т о н о м н ы е. В ъ а в т о н о м и ч е с к и х ъ п р о ц е с с а х ъ — м и н и м у м ъ в о л и и ц ѣ л и: это — воздѣйствіе физической среды на человѣка, это — естественный отборъ индивидовъ, соціальныхъ группъ и формъ, это — подражаніе, т. е. автоматическое повтореніе самаго себя. В ъ п р о ц е с с а х ъ а в т о р и т а р н ы х ъ есть воля, есть цѣль, — и очень сильная и нерѣдко въ извѣстномъ смыслѣ прогрессивная, — но, такъ сказать, ч у ж а я в о л я, ч у ж а я ц ѣ л ь: въ государствѣ, въ рабствѣ, крѣпостничествѣ и саларіатѣ, въ церковныхъ, теократическихъ религіяхъ автономна лишь воля и цѣль повелѣвающаго меньшинства, повинующееся же большинство лишено воли, творитъ чужія цѣли. Наконецъ, въ процессахъ а в т о н о м н ы х ъ, — въ подлинной демократіи, въ трудовомъ хозяйствѣ (и особенно въ кооперації), въ свободномъ научномъ, эстетическомъ, этическомъ творчествѣ — м а к с и м у м ъ в о л и и ц ѣ л и и м а к с и м у м ъ с в о е й ц ѣ л и, с в о е й в о л и, здѣсь — прямой потокъ къ высшему идеалу, здѣсь — истокъ а в т о н о м и з м а.

Въ началѣ историческаго процесса человѣчество еле двигалось въ тискахъ процессовъ автоматическихъ, и сѣмена автономнаго творчества проростали лишь сквозь тысячелѣтніе извивы соціальнаго отбора. Затѣмъ наступила долгая полоса болѣе мощныхъ и быстрыхъ, но болѣзненныхъ и жестокихъ поворотовъ прогресса первыми накопленіями и взрывами процессовъ автономныхъ и натисками силъ авторитарныхъ. Наконецъ, въ послѣднія тысячелѣтія сложились великія силы автономнаго прямого соціальнаго творчества, и съ ихъ побѣдой колесо прогресса начинаетъ двигаться съ чудотворной силою и быстротою.

Съ точки зрѣнія интегрализма намѣчаются въ исторіи тоже три типа процессовъ, но нѣсколько въ иной группировкѣ соціальныхъ силъ: м е х а н и ч е с к і е, с п и р и т у а л ь н ы е, о р г а н и ч е с к і е. *)

---

*) Въ человѣкѣ даны вещество и духъ, — элементы матеріальный и духовный, а самъ человѣкъ есть существо, т. е. н ѣ ч т о о р г а н и ч е с к о е, н ѣ к і й с и н т е з ъ, н ѣ к і й и н т е г р а л ъ этихъ двухъ элементовъ. Поэтому, хотя въ каждомъ человѣкѣ и въ каждомъ соціальномъ явленіи имѣются оба эти элемента, но они встрѣчаются въ совершенно различныхъ по количеству и по качеству сочетаніяхъ. Иногда, — какъ въ творчествѣ ученаго или поэта, въ классѣ трудовой интеллигенціи, въ высшихъ религіяхъ и т. д., — господствуютъ духовные элементы, притомъ болѣе сильнаго, утонченнаго, творческаго характера, и комплексы такихъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Механическія силы, это — процессы автоматическіе, какъ привычка, подражаніе, или авторитарные, — государственное принужденіе, войны, порабощеніе и гипнозъ толпъ, — это, наконецъ, сама соціальная матерія, — то скопленіе овеществленныхъ цѣлестремленій, матеріальныхъ средствъ культуры (какъ пашни, дороги, дома, машины, запасы, техника всякаго рода), которое главнымъ образомъ составляетъ искусственную соціальную среду. Эти автоматическія, механизованныя, кристаллизовавшіяся, застывшія цѣлестремленія представляютъ по преимуществу какъ бы соціальную инерцію, какъ бы средства, отдѣлившіяся отъ цѣлей, отчасти становящіяся противъ нихъ. Пока надъ ними стоятъ, или управляютъ, ихъ организуютъ силы цѣлесознательныя, эти средства драгоцѣнны и даютъ великіе расцвѣты цивилизаціи. Но когда цѣлесознаніе ослабѣваетъ, когда переразвившіяся громады средствъ командуютъ цѣлями, тогда слѣпая механическая энергія, — какъ это было съ Римомъ, какъ это случилось въ нынѣшней міровой войнѣ, — обрушивается сама и рушитъ всю культуру.

Силы спиритуальныя — очаги духовнаго творчества — составляютъ другой полюсъ исторіи. Творчество геніевъ, съ ихъ свитой талантовъ и вообще критико-активныхъ личностей, открытія и изобрѣтенія науки, творенія искусства, морально-религіозное пророчество, соціально-политическое строительство — составляютъ какъ бы душу прогресса, осуществляя новое, вчера еще невозможное и непостижимое, свершая революціи, преображенія во всѣхъ областяхъ соціальной жизни. Но спиритуальныя силы, замкнутыя въ себѣ, — какъ въ Индіи, — лишь свѣтятъ, подобно звѣздамъ съ высотъ, но не согрѣваютъ, не двигаютъ соціальную жизнь. А сомкнувшись лишь со своей антитезой, съ силами механическими, — какъ напр., христіанство въ папской теократіи, — вырождаются въ роскошный культурный пиръ вершинъ соціальной пирамиды и ложатся въ низахъ ея могильною плитой надъ автономнымъ творчествомъ личностей и народовъ.

явленій логично назвать спиритуальными силами исторіи, онѣ — по преимуществу динамическія, революціонныя. Въ другихъ случаяхъ, — какъ въ физическомъ, автоматическомъ трудѣ рабовъ, а затѣмъ пролетаріевъ и т. п., — сосредоточиваются процессы матеріальные со слабыми и низшими проявленіями духа, и они представляютъ силы типа механическаго, характера статическаго, инертнаго. Часто, наконецъ, — какъ, напр., въ трудѣ и въ бытѣ крестьянства, — получается сравнительное равновѣсіе, извѣстная гармонія между духовными и матеріальными элементами: это — соціальныя силы органическаго типа, — медленно трансформаціонныя, эволюціонныя. Кристаллизуясь вѣками, гигантскіе узлы спеціализованныхъ цѣлестремленій, силы спиритуальныя, механическія и органическія раздѣляются между собой, находятся во взаимодѣйствіи, противопоставляются одна другой и сталкиваются, окрашивая собой цѣлыя культуры и эпохи.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Наконецъ, силы органическія представляютъ тоже автономные, творческіе процессы, но такъ сказать, не «въ чистомъ видѣ», а въ нѣкоторомъ растворенiи съ процессами автоматическими (какъ привычка и т. д.) и отчасти авторитарными (въ видѣ догматическихъ религій и т. п.), — представляютъ процессы активнаго приспособленія къ себѣ среды въ смѣшеніи съ пассивнымъ приспособленіемъ къ средѣ. Это — творчество народа, позитивное, эмпирическое, молекулярное: созданіе языковъ, народной пѣсни и поэзіи, трудовой техники, свободнаго хозяйства, народнаго обычнаго права, вообще жизненный, бытовой экспериментъ, въ которомъ складывается національное и трудовое самосознаніе. Сила и слабость процессовъ органическихъ — въ ихъ интегральности. Она обычно означала слабую спеціализацію, обусловливала медленность накопленія цѣлесообразностей, иногда застой ихъ и дѣлала органическія соціальныя группы и формы по степени развитія «послѣдней спицей» въ колесѣ прогресса. Но за то развитіе это идетъ изъ глубокихъ, неиссякаемыхъ источниковъ и представляетъ высшій соціальный типъ, всего нагляднѣе выражающійся, напр., въ кооперацiи: жизненность, реальность цѣлестремленій, полноту, цѣльность цѣлей и самодѣятельность, автономное творчество уже не узкаго иниціативнаго меньшинства, а всѣхъ личностей, всего народа.

Всѣ три соціальныхъ пути, — и механическій, и спиритуальный, и органическій, — хотя и разными, и далекими извивами, ведутъ къ вершинѣ прогресса, къ автономизму. Невозможно и гибельно выбирать между ними. Ихъ можно и должно только объединять, согласовать. И ясенъ принципъ этого согласованія: какъ вещество и духъ объединенія въ живомъ интегралѣ, — въ человѣческомъ существѣ, такъ въ исторіи силы механическія и спиритуальныя, высоко взлетающія, но легко падающія и разбивающіяся, должны прирости, какъ крылья къ тѣлу, къ силамъ органическимъ, являющимъ собою живой историческій интегралъ и реальное внутреннее равновѣсіе.

Это обрѣтеніе единства и равновѣсія всѣхъ соціальныхъ цѣлестремленій и является въ переживаемый историческій моментъ основной задачей автономизма, какъ свободной творческой воли человѣчества. Строительный матеріалъ соціальныхъ цѣлесообразностей накопленъ огромный, его не выдерживаютъ рамки современнаго строя, и въ пережитой Міровой Войнѣ мы и видѣли взрывъ и обвалъ этихъ грудъ, самоуничтоженіе культурныхъ цѣнностей ихъ хаотичностью. Человѣчеству нечего дѣлать, некуда двинуться, пока не придетъ строитель и строительный

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

планъ. Человѣкъ позналъ, покорилъ, организовалъ природу, теперь ему нѣтъ иныхъ путей, какъ познать самаго себя, покорить и организовать свою собственную творческую волю.

И всѣ элементы для этого уже подготовлены исторіей.

Человѣчество уже пришло къ высшимъ ступенямъ интеграціи соціальныхъ формъ и соціальныхъ функцій. Отъ простого соединенія труда, чрезъ его простое раздѣленіе, оно пришло къ сложному раздѣленію труда во всѣхъ областяхъ. Творческая дѣятельность человѣчества уже сложилась историческимъ естественнымъ образомъ въ грандіозныя хозяйственныя, политическія и культурныя системы. И задача теперь въ планомѣрномъ, цѣлесознательномъ завершеніи интеграціи всѣхъ соціальныхъ формъ и функцій въ одну цѣлесообразную гармоническую систему.

Вмѣстѣ съ интеграціей соціальныхъ формъ человѣчество подошло къ высшимъ ступенямъ соціализаціи, т. е. организаціи цѣлесообразныхъ соціальныхъ группъ. Историческій отборъ уже выростилъ изъ слабыхъ мелкихъ коллективовъ, — семей, родовъ, племенъ, — огромные, высшіе коллективы, — націй, гигантскихъ государствъ, могучихъ классовъ, — и подошелъ къ міровымъ общечеловѣческимъ общеніямъ. Теперь автономизму предстоитъ подняться на слѣдующія ступени соціализаціи: завершить организацію этихъ коллективовъ, объединить, интегрировать ихъ между собой, сливъ и раздѣливъ ихъ сталкивающіяся цѣлестремленія и, наконецъ, завершить полноту ихъ воли, ихъ творчества. Въ демократіи мы уже имѣемъ соціализацію политическую, соціализацію государства, предстоитъ вмѣстѣ съ ея завершеніемъ демократія экономическая—соціализація хозяйства, и демократія культурная-соціализація культуры. Предъ нами соціалистическое строительство, какъ ступень къ идеалу автономнаго творчества.

Наконецъ, человѣчество вплотную приведено и къ задачѣ, такъ сказать, субъективизаціи, гуманизаціи цѣлестремленій, т. е. осознанія центромъ и цѣлью общества личности, каждой личности. Это сознаніе, живое и активное въ примитивныхъ обществахъ, затѣмъ въ огромныхъ объективирующихся и элементизирующихся соціальныхъ организаціяхъ все болѣе угасаетъ, эти организаціи царятъ и какъ кровожадные боги истребляютъ людей, обращаютъ личность изъ цѣли въ средство, становятся преградами прогресса и людямъ приходится разбивать эти собственныя свои творенія. Теперь наступаетъ рѣшительная борьба за освобож-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

деніе личности. Уже христіанство провозгасило моральную автономію личности, моральную равноцѣнность и равноправность всѣхъ людей. Великая французская революція въ правахъ человѣка и гражданина провозгласила политическую автономію личности. Задачей великаго переживаемаго нами вѣка является осуществленіе экономической и культурной автономіи личности.

4. Творчество народа.

Высшій соціальный идеалъ автономизма, — когда всѣ личности будутъ свободными, цѣльными, счастливыми, творческими, — очень далекъ отъ насъ. Ступенью къ нему будетъ строй, который понимается подъ названіемъ соціализма (коллективизма, коммунизма) и который будетъ устанавливаться постепенно въ 20 вѣкѣ (подобно тому, какъ въ 19 вѣкѣ устанавливалась первая ступень его — демократія). Этотъ процессъ соціализаціи государства, хозяйства, культуры представитъ собою великую соціальную реформацію, постепенную, но быструю, и будетъ нѣкоторымъ переходнымъ режимомъ между законченнымъ соціалистическимъ строемъ и нынѣшнимъ буржуазно-демократическимъ. Логично будетъ назвать этотъ режимъ развертывающейся соціализаціи трудовой демократіей.

Но всѣ шаги наши къ высшему идеалу автономизма, все построеніе трудовой демократіи, какъ первой ступени къ нему, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ завоеваніемъ именно началъ автономизма, — свободной, творческой самодѣятельности личности. Для соціализма матеріалистическаго логично бороться противъ буржуазнаго строя «его же оружіемъ», — механическими, автоматическими, авторитарными силами, — въ упованіи, что уже потомъ какъ-то совершится «скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Для интегралистическаго финализма это — реакціонная, преступная утопія. Для него весь историческій процессъ есть движеніе отъ необходимости къ свободѣ, но именно потому онъ видитъ необходимость свободы уже сейчасъ, онъ видитъ, что эта свобода, эти цѣлесознанія и цѣлесообразности развиваются и могутъ развиваться лишь изъ себя, изъ процессовъ автономныхъ, спиритуальныхъ, органическихъ, но никакъ не изъ задерживающихъ и удушающихъ ихъ силъ. И вся мерзость рабства и разрушенія боль-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

шевистской автомато-авторитарной попытки со страшной силой подтверждаютъ аксіому финализма, который, по существу своему, всегда борется не чужимъ, а своимъ оружіемъ: къ автономіи чрезъ автономію, (все для народа и все чрезъ народъ), все — отъ личности, для личности и чрезъ личность.

Соціалистическое строительство, строеніе трудовой демократіи представляетъ собою собственно не что иное, какъ радикальную съ могущественными никогда ранѣе небывалыми средствами попытку разрѣшенія коренной соціальной проблемы — общества и личности, и тутъ умѣстнѣе былъ бы не механическій терминъ строенія новаго общества, а органическій образъ: выращиванія новой, свободной, самодѣятельной личности. До сихъ поръ рѣшенія этой проблемы были абсолютными: либо личность для общества, либо общество для личности. Старыя авторитарныя общества, въ погонѣ за частичными цѣлесообразностями, жертвовали личностью. Христіанство осталось въ неразрѣшимомъ противорѣчіи между двумя абсолютами: въ духѣ признало личности свободными и равноправными, въ жизни же оставило ихъ въ жертву обществу. Великая Французская Революція провозгласила абсолютный примать личности надъ обществомъ, формулировавъ только ея права и умолчавъ объ обязанностяхъ. Начинающая интегральную соціализацію трудовая демократія примиритъ общество и личность: не только дополнитъ хартію правъ личности, — добавивъ къ политическимъ правамъ права экономическія и культурныя, — но и противопоставитъ ей хартію обязанностей личности, составляющихъ оборотную сторону этихъ всеобщихъ равныхъ правъ. Трудовая демократія будетъ имѣть своимъ правовымъ скелетомъ систему правообязанностей личности.

Соціализація фактически впервые осуществитъ тотъ «индивидуализмъ», «свободную конкуренцію», которыя провозгласилъ, но надъ которыми на дѣлѣ насмѣялся либерализмъ. Въ либерально-буржуазномъ обществѣ «борьба за существованіе» и «свободное состязаніе» происходитъ между индивидами, одни изъ которыхъ вступаютъ въ него съ вершинъ соціальной пирамиды съ богатствами и высшими знаніями, другіе же протискиваются изъ низовъ ея съ голыми руками и безъ образованія: «свободное состязаніе» тутъ подобно тому, какъ если-бы въ спортивныхъ бѣгахъ одного налегкѣ пустили бы бѣжать по гладкой дорожкѣ, а на другого навалили бы два пуда, направивъ его по пескамъ и оврагамъ. Задача соціализма — такъ же точно и уравнительно осуществить свободное состязаніе между личностями,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

какъ его обезпечиваютъ въ спортѣ: гарантировать всѣмъ равныя условія и дать премію одерживающимъ побѣду. Тогда эта побѣда, эта премія обусловится лишь либо природными силами и талантами, либо усердіемъ, и это свободное состязаніе поведетъ къ могучему развитію личностей и ихъ творчества.

Система правообязанностей личностей, какъ основа соціализаціи, сводится приблизительно къ слѣдующему. Устанавливаются равныя права всѣхъ личностей не только на гражданскую свободу и на политическую власть, но и на жизнь, и на трудъ, на пользованіе всѣми потребительными благами и всѣми средствами для производительнаго труда, а также — на охрану здоровья, на физическое и духовное развитіе, т. е. на всеобщее сначала среднее, а затѣмъ и высшее образованіе, на пользованіе всѣми средствами для культурнаго творчества. Неизбѣжной оборотной стороной этихъ правъ являются обязанности каждой личности: не нарушать эти права другихъ личностей, исполнять всевозможныя гражданскія функціи, отбывать въ случаѣ необходимости особыя трудовыя повинности, осуществлять въ своемъ трудѣ, въ своемъ творчествѣ возможно болѣе высокую производительность, причемъ наилучшее выполненіе этихъ обязанностей вознаграждается обществомъ матеріально и морально. Этотъ режимъ преміо-гарантизма — съ одной стороны обезпечитъ всѣмъ личностямъ достойное, человѣческое существованіе и развитіе, а съ другой — поощритъ всеобщую самодѣятельность и выдвинетъ впередъ лучшихъ и способнѣйшихъ.

Но этотъ строй соціалистическаго индивидуализма оживетъ и одѣнетъ плотью и кровью этотъ правовой скелетъ лишь тогда, когда личности не останутся изолированной, сухой людской пылью, а когда онѣ сростутся и одуховторятся, вдохновятся въ живыхъ общеніяхъ. Соціализмъ наслѣдуетъ христіанству и буржуазной демократіи въ дѣлѣ возрожденія личности, но дѣлаетъ это по иному. Христіанство пыталось ее возродить лишь спиритуально, и его порывъ при всей силѣ самъ по себѣ оказывался недостаточенъ предъ силами механическими и органическими. Французская Революція строила демократію механически, т. е. внѣшне и формально, какъ систему правъ изолированныхъ ничѣмъ не связанныхъ индивидовъ,— строила ее какъ бы изъ сыпучаго песка. Начинающая соціалистическая реформація можетъ строиться лишь органически: она возьметъ личность не абстрактно въ отдѣльныхъ ея элементахъ, не спиритуально только и не механически, а реально и интегрально во всей ея живой цѣльности и цѣле-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

стремительности, со всѣми ея корнями, со всѣмъ ея расцвѣтомъ въ конкретныхъ историческихъ данныхъ коллективахъ.

Это органическое выявленіе личности въ соціальныхъ группахъ синтезируется въ глубокомъ интегральномъ русскомъ словѣ народъ. Оно означаетъ три общенія: народъ-народонаселеніе, т. е. государство, народъ-народность, т. е. націю и народъ-трудовой народъ, т. е. классъ. Оно символически указываетъ на единство этихъ общеній, выражающихъ лишь по разному тѣ же личности: личность вообще, національно-культурные варіанты личности, ея активно-творческое трудовое существо. Въ народѣ логически и фактически объединяются три основныхъ историческихъ силы нашего времени: демократическое государство, національная культура и трудовой классъ. И нынѣ созрѣвшая Великая Соціальная Реформація двинется впередъ только тогда, когда мы выйдемъ изъ слѣпого раздѣленія и столкновенія этихъ элементовъ, — государства, націи, класса, — обратившихся въ 19-омъ вѣкѣ въ абсолюты, когда они интегрируются въ единый органическій синтезъ въ творчествѣ народа, въ расцвѣтѣ національно-трудовой демократіи.

Національно-трудовая демократія выростетъ въ самостоятельности и самоопредѣленіи народности и труда вокругъ самодѣятельности и самоопредѣленія личности.

Предстоитъ дѣйствительная соціализація государства, построеніе подлинной демократіи. Буржуазная демократія 19 вѣка, въ которой населеніе формально царствуетъ, но фактически не управляетъ, въ которой народъ является вотирующимъ автоматомъ, отдающимъ всю власть партіямъ, депутатамъ, въ которой всецѣло властвуютъ, какъ диктаторы, парламентъ, министерство и бюрократія, — представляетъ лишь внѣшній формальный, косвенный, механическій суррогатъ демократіи, весь еще переплетенный пережитками автократіи. На ея мѣсто станетъ демократія подлинная, углубленная, прямая, органическая: въ ней диктаторствующія министерства исчезнутъ, бюрократія сократится въ нѣсколько разъ и войдетъ въ жизнь, парламентъ будетъ лишь оформлять законодательную волю народа, а твориться она будетъ на народныхъ вѣчахъ, — общинныхъ или подобныхъ — которыя будутъ прямо проектировать, обсуждать и вотировать основы всѣхъ законовъ. Только такъ будетъ отсѣченъ окончательно весь аппаратъ стараго автоматическаго, автократическаго государства,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

авторитарность смѣнится автономіей, народъ вступитъ самъ во владѣніе государствомъ, станетъ его хозяиномъ и творцомъ, сможетъ воистину сказать: государство это — я.

Рядомъ съ законодательной самодѣятельностью всего населенія въ сосѣдскихъ, территоріальныхъ ячейкахъ и со служащей ихъ органомъ центральной законодательной палатой образуются національныя, областныя, земскія, «земляческія» организаціи и центральная ихъ палата, которыя возьмутъ на себя функціи законоисполненія. Въ нынѣшней централистической демократіи законодательная палата издаетъ подробные законы, одинаковые для десятковъ милліоновъ, а законоисполненіе автоматически регулируется министерствами или иной бюрократіей (гос. совѣтомъ, префектами и т. д.). Въ національно-трудовой демократіи законы будутъ представлять общія нормы, въ частностяхъ же будутъ разрабатываться націями, областями, землячествами на мѣстахъ и согласовываться между собой центральной палатой изъ ихъ же представителей. Только въ этомъ свободномъ приспособленіи и усвоеніи общихъ соціальныхъ нормъ органическими интимными единеніями личностей, родственныхъ расой, духомъ, общностью переживаній, и достигается національное (и подъ-національное — областное) самоопредѣленіе. Только такъ государство перестанетъ парить надъ народами, какъ грозное авторитарное чудовище и обратится въ автономное культурное творчество живыхъ людей подъ девизомъ «мы сами!»

Третій видъ творчества народа выльется въ трудовыхъ организаціяхъ, въ руки которыхъ поступитъ все хозяйство — производство, обмѣнъ, распредѣленіе. Всякая собственность на средства производства будетъ отмѣнена (она останется лишь для предметовъ потребленія) и они поступятъ, какъ неочуждаемое достояніе всего населенія, въ распоряженіе государства для непосредственнаго пользованія самихъ трудящихся, на началахъ уравнительности и производительности. Нынѣшняя капиталистическая анархія съ примѣсью бюрократической автократіи смѣнится въ хозяйствѣ мощной, всеобъемлющей интегральной системой коопераціи, т. е. полной автономіей труда. Трудовая самодѣятельность объединится въ спеціальныхъ представительныхъ организаціяхъ, охватывающихъ всѣ отрасли хозяйства и поднимающихся ступенями отъ мелкихъ ячеекъ къ центральному государственному органу. Этому органу, который представитъ съ одной стороны производство, а съ другой — потребленіе, который выразитъ всю

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

активность человѣческую, какъ физическую, такъ духовную, логично будетъ спеціализоваться на функціи законосовѣщательной, на иниціативѣ и подготовкѣ законопроектовъ для органовъ законодательныхъ. Только въ этомъ свободномъ самоопредѣленіи трудового класса, въ который постепенно, но быстро вольется все человѣчество, расцвѣтетъ не только радость жизни, но и радость труда и творческое вдохновеніе.

Въ этой развивающейся автономіи государства, націи и труда найдетъ свое органическое единство все творчество народа. Національно-областныя сбщенія личностей въ ихъ культурныхъ переживаніяхъ, въ бытѣ, классово-трудовыя общенія личностей въ ихъ дѣйствіи, въ ихъ творчествѣ, территоріальныя, государственныя общенія личностей вообще, взятыхъ въ цѣломъ, — почти совпадаютъ въ однихъ и тѣхъ же живыхъ людяхъ, и когда вся соціальная жизнь станетъ ихъ самодѣятельностью, то въ нихъ и найдутъ свой гармоническій синтезъ три лика единаго народа. Первымъ шагомъ къ обрѣтенію этого живого органическаго единства является обрѣтеніе единства всего трудового народа во всѣхъ трехъ его исторически данныхъ вѣтвяхъ — пролетаріата, крестьянства, интеллигенціи.

5. Пролетаріатъ.

Соціальная роль каждаго изъ трехъ основныхъ трудовыхъ классовъ опредѣляется его количествомъ и качествомъ. При этомъ съ точки зрѣнія автономизма количество играетъ рѣшающую роль не только какъ физическая сила, не только какъ механическій напоръ цѣлестремительной людской массы, но какъ морально-юридическая сила большинства, которое, при равноправіи всѣхъ личностей, составляетъ, пока не достигнуто единогласіе, высшій законъ демократіи. Трудовая демократія неизбѣжно приметъ окраску самаго многочисленнаго изъ трудовыхъ классовъ. Качественная же сила каждаго трудоваго класса опредѣляется съ одной стороны типомъ личности, вырабатываемыми условіями труда и быта, а съ другой — самымъ характеромъ и направленіемъ его цѣлестремленій. Отъ этихъ двухъ данныхъ зависитъ, насколько онъ способенъ къ самодѣятельности, къ позитивному соціальному творчеству вообще, и насколько попутны его цѣлестремленія идеаламъ соціализма, автономизма.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Подъ пролетаріатомъ нынѣ принято подразумѣвать всѣхъ людей физическаго труда, не имѣющихъ средствъ производства и работающихъ по найму на капиталистовъ. При этомъ аграрный пролетаріатъ сравнительно малочисленъ и не типиченъ, такъ что, вообще говоря, подъ пролетаріатомъ понимается собственно индустріальный пролетаріатъ. Размѣры пролетарскаго класса такъ понимаемаго, исходя изъ суммарныхъ данныхъ переписей населенія, можно опредѣлить для трехъ континентовъ, входящихъ въ современный культурный міръ, — Европы, Америки и Азіи,— максимумъ до 300 милліоновъ душъ (отъ 150 до 200 милліоновъ въ Западной Европѣ и Америкѣ и до 100 милліоновъ въ Россіи и Азіи). Иначе говоря, по отношенію къ общему числу полутора милліарда жителей этихъ странъ пролетаріатъ составляетъ не болѣе одной пятой всего населенія.

Однимъ этимъ количественнымъ соотношеніемъ роль пролетаріата въ начавшейся великой соціальной реформаціи вдвигается неумолимо въ сравительно сжатыя, узкія рамки. Три четверти вѣка назадъ Марксъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», предвидя быстрый процессъ капитализаціи и пролетаризаціи и базируясь только на передовыхъ по культурѣ и индустріи западныхъ странахъ, намѣчалъ «диктатуру пролетаріата», какъ завоеваніе власти огромнымъ большинствомъ, т. е. какъ актъ демократіи. Но на дѣлѣ произошло обратное. Капитализація и пролетаризація шла не такъ быстро въ индустріи и вовсе не шла въ земледѣліи, а между тѣмъ отсталые народы Востока быстро втягивались въ общій круговоротъ новой культуры. Такимъ образомъ, историческій переломъ Міровой Войны, окончательно открывшій эту новую міровую арену, началъ Великую Трудовую Революцію не какъ узкій пролетарскій переворотъ на вершинахъ новой культуры, а какъ всеобщую трудовую — и преимущественно крестьянскую — реформацію въ нѣдрахъ всѣхъ странъ и новой, и старой культуры. При такихъ условіяхъ, хотя пролетаріатъ можетъ сыграть видную и почетную роль, можетъ оказаться въ извѣстномъ смыслѣ авангардомъ революціи, но диктатура пролетаріата, — т. е. свершеніе переворота имъ самимъ въ его интересахъ и идеалахъ, — означала бы лишь смѣну одного паразитизма другимъ, — «третьяго сословія» «четвертымъ сословіемъ», — смѣну господства капитала надъ трудомъ, господствомъ индустріальнаго имперіализма Запада надъ земледѣльческимъ Востокомъ. Это было бы попыткой разбить демократію, т. е. по-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вернуть назадъ колесо прогресса въ моментъ самаго мощнаго его размаха.

Съ другой стороны роль пролетаріата предопредѣляется его реальными исторически данными качествами. Эти качества настолько ясны, что мнѣнія о нихъ, въ существѣ, почти единогласны. «Бѣдныя массы городовъ... изнурены, нервны, въ ихъ жилахъ больная кровь... міръ ихъ узокъ...» (Герценъ). Фабричные работники воспитаны въ узкомъ индивидуализмѣ, невѣжественны, чтобы подготовить ихъ къ коллективизму, «надобно путемъ разумнаго убѣжденія перевоспитать цѣлые народы» (Чернышевскій). Личность пролетарія бѣдна, односторонняя, онъ какъ бы лишь частица человѣка (Михайловскій). «Рабочій становится простой принадлежностью машины, отъ которой требуется выполненіе лишь самыхъ простыхъ, однообразныхъ, наиболѣе легко изучаемыхъ манипуляцій... Рабочія массы, стянутыя на фабрики, поступаютъ тамъ подъ солдатскій режимъ... онѣ ежедневно, ежечасно закрѣпощаются машинѣ, надсмотрщику... Работа современныхъ пролетаріевъ утратила всякую индивидуальность и... привлекательность... трудящійся зависимъ и лишенъ какой бы то ни было индивидуальности... вынужденное отсутствіе семьи у пролетарія... образованіе... оказывается для громаднаго большинства преобразованіемъ въ машину... стерта съ пролетарія національная окраска... Законы, мораль, религія являются въ его глазахъ лишь буржуазными предразсудками...» (Коммунистическій Манифестъ — Маркса). Итакъ, пролетаріатъ является, по преимуществу, классомъ механическимъ и негативнымъ.

Личность пролетарія узка и бѣдна, какъ ни у одного другого класса, ибо именно она наиболѣе пострадала отъ спеціализаціи, элементаризма буржуазнаго общества. Капиталъ, обративъ пролетарія какъ бы въ винтъ, какъ бы въ кнопку, которую надавливаетъ, чтобы пускать въ дѣйствіе свои машины, лишилъ его не только собственности, но и личности. Жизнь семейная, національная, культурная, моральная, религіозная сведены въ немъ къ минимуму. Пролетаріатъ обращенъ въ массу людской пыли, въ механическую безличную толпу, жертву разныхъ гипнозовъ: на фабрикѣ — автоматическаго труда, въ казармѣ — авторитарной дисциплины, на площади — догмы и демагогіи. Наименѣе обладая личностью и ея самодѣятельностью, пролетаріатъ наименѣе способенъ строить автономизмъ, стать основой гуманизаціи и соціализаціи общества.

Трудъ пролетарія лишенъ положительнаго творческаго начала. Крайняя спеціализація

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ индустріи перенесла все созиданіе, все творчество въ спиритуальный трудъ интеллигенціи, оставивъ пролетаріату почти одинъ лишь трудъ исполнительный, механическій. Онъ неспособенъ строить будущее трудовое общество, во-первыхъ, технически, — какъ неспособенъ, вслѣдствіе отсутствія знаній, изобрѣтать машины и вести фабрики, — и во-вторыхъ, психологически, — ибо онъ ненавидитъ свой постылый мертвый трудъ и не зная иного, не имѣетъ вообще любви къ труду, радости труда, трудового вдохновенія. Теперь исполняется прогнозъ Чернышевскаго: во всѣхъ странахъ приходится прежде соціализаціи начинать трудовое перевоспитаніе пролетаріата. Классъ труда автоматическаго наименѣе способенъ строить царство труда автономнаго.

Пролетаріатъ по своему соціальному положенію и по основнымъ цѣлестремленіямъ негативенъ. Живя въ порахъ капитализма, пропитываясь неизбѣжно его бытомъ, его правомъ, его духомъ, пролетаріатъ въ цѣлестремленіяхъ своихъ ориентируется всецѣло именно имъ: либо съ нимъ, либо противъ него, но никакъ не внѣ его. Какъ показалъ опытъ, какъ признано самимъ марксизмомъ, идея соціализма не рождается вовсе въ классѣ «мессіи», а вносится извнѣ интеллигенціей, и усваивается имъ узко и негативно, оставляя нетронутымъ практическій курсъ по капитализму и негативные его исходы. Курсъ на капитализмъ, — къ дѣлежу съ нимъ, къ компромиссамъ, къ улучшеніямъ, сбереженіямъ, пенсіямъ, къ участію въ прибыляхъ, — затягивалъ на мелко-буржуазную позицію, велъ къ союзу съ имперіализмомъ и привелъ къ Міровой Войнѣ. Курсъ противъ капитализма означаетъ только простое механическое его разрушеніе, а при неспособности строить свое новое общество ведетъ къ разрушенію всего хозяйства, всей культуры: это и получилось въ большевизмѣ. Пролетаріатъ есть только невыдѣлимый элементъ буржуазнаго строя и именно потому самъ по себѣ неспособенъ къ строенію соціализма.

Пролетаріатъ, быть можетъ, глубже всѣхъ страдаетъ отъ гнета паразитарнаго общества. Быть можетъ, нѣтъ грознѣе силы для его разрушенія, какъ возмущеніе пролетарскихъ толпъ, спаянныхъ товариществомъ по несчастью и сохранившихъ еще настолько личность, чтобы бороться за ея освобожденіе. Но святость дѣла пролетаріата и способность его къ разрушенію еще не даютъ ему способности къ созданію новаго общества. Капитализмъ высосалъ изъ него всѣ соки, въ томъ числѣ и силу соціальнаго плодородія. Пролетаріатъ есть

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

классъ труда, но труда страдательнаго, а не труда дѣйственнаго. И только скрещеніе съ силами труда дѣйственнаго, творческаго, — съ интеллигенціей и крестьянствомъ, — даетъ ему возрожденіе.

6. Интеллигенція.

Существуютъ собственно три различныхъ соціальныхъ группы, въ которымъ примѣнимо и къ которымъ дѣйствительно примѣняется названіе «интеллигенція»: двѣ, какъ культурныя группы, и одна, какъ группа экономическая, какъ классъ. Первая, — такъ сказать культурная интеллигенція, — охватываетъ все «образованное общество», въ томъ числѣ и не трудовые его элементы, въ противопоставленіи некультурной или мало культурной массѣ народа. Вторая, — которую можно назвать идеологической интеллигенціей и которая, состоя фактически преимущественно изъ культурной интеллигенціи, включаетъ нѣкоторыхъ лицъ и изъ некультурнаго слоя — представляетъ собою лицъ творческаго, иниціативнаго духовнаго труда (въ наукѣ, въ искусствѣ, въ религіи, въ соціальной борьбѣ) — какъ бы цвѣтъ духа человѣческаго, какъ бы дрожжи прогресса. Наконецъ, третья — трудовая интеллигенція — совпадаетъ отчасти и съ первой, и со второй и заключаетъ въ себѣ всѣхъ работниковъ умственнаго труда, живущихъ своимъ трудомъ. Эта послѣдняя и составляетъ одинъ изъ трехъ основныхъ элементовъ трудоваго народа.

Количественная и качественная характеристика трудовой интеллигенціи такова.

Она представляетъ гораздо болѣе широкое разслоеніе, чѣмъ пролетаріатъ и крестьянство. Верхи ея, — въ лицѣ изобрѣтателей, высшихъ администраторовъ, ученыхъ, «свѣтилъ» свободныхъ профессій, — обогащаются и въ замѣтной долѣ примыкаютъ къ нетрудовому капиталистическому слою. Ея низы, — какъ низшіе торгово-промышленные и общественные служащіе и т. п., — рядомъ переходнымъ ступеней сливаются съ пролетаріатомъ физическаго труда. Но если взять всю низшую, всю среднюю и часть высшей интеллигенціи, которыя въ послѣднія десятилѣтія сильно разрослись и матеріальное положеніе которыхъ отчасти уже передъ войной, а особенно послѣ войны приблизилось и нерѣдко сравнялось или даже понизилось по сравненію съ улучшившимся положеніемъ верхняго слоя пролетаріата, — то получится достаточно однородная и типичная трудовая классовая группа. Размѣры же ея въ настоящее время, когда она мѣстами растетъ быстрѣе пролетаріата и когда въ Россіи ивъ Азіи она

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

врядъ ли многимъ меньше его, могутъ опредѣляться примѣрно въ общемъ до половины размѣровъ пролетаріата, т. е. до 150 милліоновъ или до 1/10 всего населенія втянутыхъ въ современную культуру странъ.

Малый объемъ трудовой интеллигенціи исключаетъ физическое, матеріальное ея господство. О «диктатурѣ интеллигенціи» нѣтъ и рѣчи, ибо это было бы возвращеніемъ къ автократіи и аристократіи, котораго не допустятъ пролетаріатъ и крестьянство. Возможно лишь вліяніе духовное, возможна лишь «диктатура моральная», которая, если хватитъ силы убѣжденія, одна можетъ дать побѣду цѣлестремленіямъ интеллигенціи.

Самое существо трудовой интеллигенціи толкаетъ ее именно на этотъ путь, открываетъ его ей для великихъ побѣдъ. Въ трудовой интеллигенціи включены силы интеллигенціи культурной и идеологической, она — основной резервуаръ всего творчества человѣчества, его мозгъ, авторъ открытій и изобрѣтеній науки, твореній искусства, моральнаго, религіознаго, соціальнаго пророчества и строительства. Она есть сила спиритуальная, позитивная, творческая, основной органъ цѣлеосознанія и цѣлесообразности и значитъ всего прогресса человѣчества. Вся ея сила — въ осознаніи этой своей спиритуальной силы, въ ея развитіи и въ ея цѣлесознательномъ, цѣлесообразномъ сосредоточеніи: ей прежде всего надо познать самое себя.

Но сила спиритуальная имѣетъ оборотную отрицательную сторону именно въ самомъ своемъ существѣ, какъ силы духа, т. е. силы односторонней, элементной, а не интегральной. Личность трудового интеллигента въ среднемъ гораздо выше личности пролетарія, автомата физическаго труда, но она того же элементистскаго, не интегральнаго типа. Она сужена, спеціализована, раздроблена и замкнута во множествѣ профессіональныхъ скорлупокъ. Въ особенности нынѣшній интеллигентъ самою уже огромностью культуры, переполняющей чашу человѣческаго черепа, элементизованъ до крайности, обращенъ въ «человѣка въ футлярѣ», отрѣзаннаго отъ жизни въ ея цѣльности и активности.

И эта спиритуальная сила интеллигенціи съ трудомъ приходитъ къ интегральнымъ, органическимъ цѣлестремленіямъ, а легче всего устремляется къ двумъ элементизмамъ. Она либо доводитъ до абсолюта свое собственное спиритуальное существо и расплывается, обезсиливается въ абстракціяхъ, въ мистицизмѣ, въ идеализмѣ. Либо, наоборотъ, вырождается въ свою противоположность — въ технизмъ, въ органъ механическихъ, матеріальныхъ силъ и разбивается въ ихъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

слѣпыхъ столкновеніяхъ. Такую спиритуальную безплотность и безплодность явила лучшая часть русской интеллигенціи, когда въ мартѣ 1917 года получила отъ трудовыхъ массъ полную моральную диктатуру и когда, неподготовленная къ интегральному органическому строительству, ее не оправдала и не удержала. И механическую разрушительную антитезу явила худшая, бездарная ея часть, въ лицѣ большевизма, своей догмой и демагогіей марксистскаго матеріализма, своей партійно-полицейской диктатурой разгромившая всю Россію.

Дальнѣйшій путь какъ Россіи, такъ всего человѣчества будетъ зависѣть отъ пути трудовой интеллигенціи, отъ ея классового самоопредѣленія и идеологическаго самосознанія. Въ основныхъ задачахъ трудовой демократіи, — въ завершеніи интеграціи соціальныхъ механизмовъ, въ соціализаціи, т. е. въ организаціи самодѣятельныхъ коллективовъ, въ гуманизаціи, т. е. въ культивированіи автономной интегральной личности, — трудовая интеллигенція должна неизбѣжно играть первенствующую роль. Но она сыграетъ ее только тогда, когда выйдетъ изъ элементизма и найдетъ пути интегральнаго органическаго творчества и какъ классъ, и какъ культурная, и какъ идеологическая группа.

Какъ трудовой классъ, она найдетъ самоопредѣленіе прежде всего въ рѣшительномъ противопоставленіи себя не-трудовымъ, паразитарнымъ верхамъ соціальной пирамиды, которые эксплоатируютъ ее матеріально и которые обѣдняютъ, искажаютъ и порабощаютъ ее духовно. Съ другой стороны, это самоопредѣленіе выразится въ осознаніи себя трудовымъ классомъ, нераздѣльной частью всего трудового народа, впрочемъ, имѣющей свои глубокія особенности, свое особое лицо, а потому и дѣйствующей автономно и своеобразно. Только это свободное сліяніе съ міромъ труда дастъ здоровье, полноту и небывалую силу самой интеллигенціи и ея цѣлестремленіямъ. И только послѣ такого переселенія интеллигенціи со всѣмъ ея достояніемъ, со всѣмъ ея оружіемъ изъ паразитарныхъ верховъ въ трудовые низы соціальной пирамиды строеніе трудовой демократіи станетъ реальнымъ фактомъ.

Какъ культурная группа, какъ союзъ умственныхъ работниковъ сотенъ профессій, трудовая интеллигенція найдетъ свое самоопредѣленіе въ интеграціи, соціализаціи, гуманизаціи этого своего труда. Ей предстоитъ связать и гармонизовать тысячи спеціализацій, перестроить соціальную пирамиду изъ механической груды черепковъ элементизма въ интегральное органическое зданіе труда, гдѣ чѣмъ тѣснѣе сплотится общество,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тѣмъ больше будетъ простора личности. И каждая профессія должна сейчасъ же вылупиться изъ скорлупы самодовлѣющей спеціализаціи, изъ механической работы, какъ скучнаго или корыстнаго заработка, къ живому цѣлесознательному труду, безпрерывно и любовно обновляемому для новыхъ широкихъ задачъ, и всѣ профессіи должны выдѣлить свои лучшіе элементы для совмѣстной выработки плановъ новаго соціальнаго строительства, для подготовки матеріаловъ для него, для прямаго постояннаго соціальнаго творчества.

Наконецъ, все это будетъ достаточно или невозможно, пока трудовая интеллигенція не придетъ къ полному самоопредѣленію и самосознанію какъ группа идеологическая. Какъ мертва вѣра безъ дѣлъ, такъ мертвы дѣла безъ вѣры. Этою животворящею соціальной вѣрою интеллигенціи можетъ быть лишь критико-активная интегральная соціальная доктрина и интегральный соціальный идеалъ. Только такая цѣльная цѣль дастъ интеллигенціи какъ бы новую соціальную религію, дастъ наитіе и вдохновеніе, радость жить и силу творить въ наше великое и страшное время, сплотить ее въ идеалистическія братства, подобно началу христіанства, и вознесетъ цвѣтъ ея надъ человѣчествомъ, какъ путеводный факелъ Трудовой Демократіи.

7. Крестьянство.

Крестьянство не представляетъ вполнѣ однородной массы. Но разница между зажиточными и бѣдными крестьянами не превыситъ разницы между квалифицированными «унтеръ-офицерами» и чернорабочими рядовыми пролетаріата. Съ другой стороны, въ немъ не происходитъ и капиталистическаго разслоенія. Статистика всѣхъ странъ и особенно единственная въ мірѣ по полнотѣ и точности русская земская статистика въ послѣднія десятилѣтія установили, что въ крестьянствѣ происходитъ лишь процессъ отслоенія, т. е. ухода отъ земли и изъ деревни пролетарскихъ и капиталистическихъ элементовъ (подобно такому же выдѣленію и изъ пролетаріата вверхъ — капиталистовъ, внизъ — «люмпенпролетаріевъ»). Но это отпаденіе крайностей лишь именно поддерживаетъ однородность крестьянства: земля естественнымъ отборомъ хозяйствъ не только не ускользаетъ изъ его рукъ, но (какъ особенно въ Россіи) скорѣе перетекала въ его руки, и въ общемъ масса крестьянства сильно растетъ.

Эта постоянная, устойчивая, растущая сила — трудовое крестьянство — составляетъ значительное большинство человѣчества. Изъ 1½ съ лишкомъ милліардовъ населенія трехъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

главныхъ континентовъ современной культуры, — за вычетомъ 300 милліоновъ пролетаріата, 150 милліоновъ трудовой интеллигенціи, да еще — максимумъ — 100 милліоновъ нетрудового населенія, — около милліарда придется на крестьянство. Втянутое въ современную культуру человѣчество является на ²/₃ крестьянствомъ.

Уже самое это положеніе значительнаго большинства опредѣляетъ рѣшительно соціальную позицію крестьянства. Для него нѣтъ и рѣчи ни о какихъ диктатурахъ или вообще анти-демократическихъ формахъ, оно всецѣло заинтересовано въ демократіи, въ свободномъ всеобщемъ голосованіи и самоопредѣленіи, ибо въ режимѣ большинства будетъ торжествовать его воля, господствовать его духъ, его цѣлестремленія. Мірован демократія станетъ, — какъ только крестьянство найдетъ свое классовое самоопредѣленіе, въ общемъ и среднемъ — крестьянской демократіей. Трудовая демократія, разъ она строится при большомъ численномъ преобладаніи крестьянства, не можетъ въ основѣ своей не стать крестьянской трудовой демократіей.

И исторически выработанныя качества крестьянскаго трудоваго класса, типъ личности въ немъ и весь характеръ и направленіе его соціальныхъ цѣлестремленій ближе всѣхъ другихъ классовъ подготовили его къ стремленію трудовой демократіи, какъ — силу, по преимуществу, органическую, т. е. интегральную, автономную, позитивную.

Личность крестьянина автономна. Она остается болѣе подлинной, непосредственной, своеобразной, чѣмъ у пролетарія и интеллигента, онъ не обезличенъ, какъ они, современной автоматической, механической культурой. Это сказывается даже и въ отрицательныхъ проявленіяхъ, въ характерѣ его автоматизма: у горожанъ онъ — въ подражаніи (гипнозъ толпъ, моды и т. п.), т. е. въ повтореніи другихъ, а у сельчанъ это — привычка, традиціи, т. е. прочное, упорное самоподражаніе, повтореніе (всегда, впрочемъ, съ неизбѣжными варіаціями) самого себя. Въ результатѣ именно въ крестьянствѣ творится и хранится семья и нація, мораль, религія и эстетика (поэзія, музыка, танцы, художество), именно въ немъ — глубочайшій преемственный родникъ и кладезь тысячелѣтнихъ цивилизацій и матеріалъ, и силы для ихъ обновленія.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Личность крестьянина интегральна. Въ то время какъ власть города, его узкій, однообразный ритмъ сужаютъ, элементизуютъ личность, власть природы, ея широкій ритмъ, ея циклы, ея смѣны и контрасты даютъ личности всю возможную широту и полноту переживаній. И въ то время, какъ индустріальный трудъ расколотъ на двѣ половины, — спиритуальныя функціи интеллигента и механическія — пролетарія, — и каждая изъ нихъ раздроблена на мелкіе осколки спеціальностей, — трудъ земледѣльческій есть синтезъ десятковъ разнообразнѣйшихъ работъ, въ которыхъ участвуютъ и развиваются всѣ члены, всѣ мускулы, всѣ стороны психики, который есть какъ бы нѣкоторая гимнастика для выработки разносторонней интегральной личности. Наконецъ, самодѣятельность крестьянскаго труда и независимость, самодѣятельность его быта даютъ крестьянину широту и богатство соціальнаго опыта, невѣдомыя ни пролетарію, ни интеллигенту.

Личность крестьянина позитивна. Автоматизмъ и элементарность индустріально-городского труда и быта на даютъ пролетарію и интеллигенту воспріятія задачъ въ ихъ цѣльности и въ ихъ положительномъ существѣ. Автономность и интегрализмъ сельскаго труда и быта дѣлаетъ личность крестьянина позитивной: всѣ его задачи представляются ему въ ихъ связи, въ ихъ цѣльности, въ ихъ относительномъ взаимномъ значеніи и равновѣсіи и съ ихъ положительной стороны, и самъ онъ является типомъ практическимъ, волюнтарнымъ, прагматическимъ. Завися прямо отъ успѣховъ своего хозяйства, будучи въ немъ авторомъ, а не исполнителемъ, любя непосредственно здоровый наилучше приспособленный къ человѣческому организму земледѣльческій трудъ, крестьянинъ оказывается самымъ трудовымъ, самымъ трудолюбивымъ изъ людей труда и устроителемъ, организаторомъ, по преимуществу — хозяиномъ въ самомъ полномъ и положительномъ смыслѣ этого слова. А будучи хозяиномъ въ своемъ домѣ и дворѣ, на самомъ полѣ и на сельскомъ сходѣ среди другихъ такихъ же хозяевъ, онъ наилучше практически воспитанъ, чтобы быть и хозяиномъ государства.

Крестьянство уже теперь представляетъ царство труда. Въ городѣ нѣтъ особаго своеобразнаго трудового быта, ибо интеллигенція и пролетаріатъ стремятся переотражать буржуазію, почти нѣтъ и трудоваго хозяйства, такъ что позитивные зачатки трудового общества крайне слабы и, значитъ, настолько же трудно его строеніе. Только деревня являетъ огромныя массовыя

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

скопленія самопроизвольно, органически выросшаго автономнаго трудового хозяйства и своеобразнаго самостоятельнаго трудового быта, гдѣ каждый самъ себѣ «слуга и хозяинъ». Буржуазія лишь слабо вліяетъ на это трудовое деревенское общество, которое чувствуетъ къ ней глубочайшій антагонизмъ, какъ къ людямъ, которыхъ не понимаетъ и которые его эксплуатируютъ. И трудовой строй не родится, конечно, въ нѣдрахъ капитализма, а разростется изъ уже существующаго милліардnаго трудового крестьянскаго царства.

Внутри крестьянства уже теперь растетъ новая подлинная демократія. Въ то время, какъ западный буржуазный парламентарный режимъ есть только куполъ, только декорація демократіи, гдѣ интеллигенція и пролетаріатъ только и дѣлаютъ, что выбираютъ представителей и тѣмъ отрѣкаются отъ самодѣятельности, — въ это время на Востокѣ — въ Россіи, въ Индіи, въ Китаѣ — подъ автократическимъ куполомъ самодѣятельность народа нашла фактически могучій очагъ развитія въ сельскихъ общинныхъ автономіяхъ. И здѣсь на крестьянскихъ вѣчахъ, регулирующихъ всю жизнь крестьянства, заложены стѣны и фундаментъ глубокой прямой демократіи, подлиннаго народовластія.

Въ крестьянствѣ уже теперь совершается соціализація. Только развѣ въ одной десятой долѣ его (на Западѣ) земельная собственность вполнѣ индивидуализована. На Востокѣ же въ крестьянствѣ права на землю фактически раздѣлены между индивидомъ, семьей, общиной и государствомъ, а земледѣльческое хозяйство обильно во всѣхъ направленіяхъ проросло кооперацiей (въ общинѣ, въ большой семьѣ, въ супрягахъ, артеляхъ и т. д.). И для завершенія здѣсь аграрной соціализаціи остается лишь закрѣпить ее сверху въ правѣ, въ государствѣ, и связать снизу милліоны семей, общинъ, кооперацій въ единую кооперативную систему: это грандіозное зданіе уже и достраивалось Россіей наканунѣ большевизма.

Вообще именно въ крестьянствѣ совершались всѣ соціалистическіе опыты исторіи: множество проявленій «первобытнаго коммунизма», такія грандіозныя построенія государственной аграрной соціализаціи, какъ въ царствѣ Инковъ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ, само христіанство, уходящее корнями въ движеніе ессеевъ и расцвѣтшее такимъ яркимъ коммунизмомъ, какъ въ Таборитахъ и въ современныхъ русскихъ духоборахъ. Самые планы «утопіи» соціализма лишь повторяютъ — иногда буквально — эти реальные историческіе опыты крестьянскаго сельскаго, «руральнаго» коллективизма.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Именно въ органическомъ трудовомъ классѣ — въ миллiардномъ крестьянствѣ — выработалась интегральная автономная личность для гуманизацiи и сложилась могучая коллективистическая самодѣятельность для соцiализацiи. Правда, упорное, терпѣливое движенiе его по стезѣ прогресса слишкомъ медленно, а между тѣмъ наступившiй великiй историческiй переломъ требуетъ неотложнаго вступленiя этой основной армiи труда въ бой за трудовую демократiю. Но скопившiяся нынѣ дрожжи прогресса огромны. Какъ только съ органической силой крестьянства сомкнется механическая сила пролетарiата и спиритуальная сила интеллигенцiи, эта громада, — какъ это уже сдѣлалъ ея авангардъ — русское крестьянство, — двинется впередъ быстро, плавно и мощно, какъ приливъ океана. И наступитъ новый культурный перiодъ: «у р б а н и з м ъ», разсвѣтъ элементной автоматической культуры въ высоко поднявшихся островахъ городовъ, — смѣнится «р у р и з м о м ъ»—разливомъ интегральнаго и автономнаго соцiальнаго творчества по всему великому крестьянскому морю, которое оживетъ само и оживитъ, оздоровитъ распыленный, выдохшiйся городъ.

8. Пути открыты.

Страшный узелъ соцiальныхъ элементовъ-автоматовъ, скрутившiй культурное человѣчество на порогѣ 20 вѣка, не былъ развязанъ организованными силами автономизма, разумной революцiей, а слѣпо разорвался самъ — былъ механически разрубленъ мечомъ Войны. И потому исходъ катастрофы двойственный. Съ одной стороны, открыты лучезарные пути автономизму, трудовой демократiи, по которымъ она можетъ двинуться тотчасъ же, какъ увидитъ ихъ, какъ организуетъ свои растерянные силы. Но, съ другой стороны, разверзты войною новыя пропасти, въ которыя толкаетъ человѣчество все еще длящаяся инерцiя слѣпого элементнаго автоматизма.

Это прежде всего — пропасть б о л ь ш е в и з м а — п р о в е д е н н а г о д о к о н ц а м а р к с и з м а: т а к о й ж е э л е м е н т н о й, т а к о й ж е а в т о м а т и ч н о й р е в о л ю ц i и, к а к ъ с а м ъ с т а р ы й с т р о й. Пытаться бороться противъ этого строя его же оружiемъ, т. е. сохраняя въ себѣ его существо, — значило разрушать старый строй, не создавая новаго, т. е. просто только разрушать. Отъ этой въ существѣ своемъ н е г а т и в н о й, д е с т р у к т и в н о й р е в о л ю ц i и убереглась создавшая ее элементно-автоматическая Европа: ей дали иммунитетъ отъ нея частью здоровый воздухъ свободы въ сложившихся уже демократiяхъ, частью

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

просто нереволюціонность ея пролетаріата, ослабленнаго долгой выварκой въ капиталистическомъ котлѣ. Эта кровавая чаша досталась Россіи, наименѣе повинной въ элементно-автоматическомъ вырожденіи, благодаря отсутствію въ ней государственныхъ устоевъ демократіи, благодаря свѣжей, страстной революціонности ея массъ и особенно благодаря войнѣ, создавшей страшную слѣпую механическую силу въ видѣ милліоновъ деморализованной тыловой солдатчины. Гипнозъ догмы и демагогіи повелъ за большевистской партіей толпы бунтующихъ солдатъ и рабочихъ и отдалъ ей всю власть надъ огромнымъ крестьянскимъ большинствомъ, несмотря на его отчаянное, но почти безоружное сопротивленіе. И этотъ авторитарно-автоматическій паразитъ въ три года разрушилъ до тла всю Россію. Россія вымираетъ какъ бы заразившись чужой болѣзнью, не успѣвъ выработать отъ нея иммунитетъ: вымираетъ отъ привитой ей чужой революціи.

И теперь раскрыта другая пропасть — уже предъ самимъ западнымъ элементно-автоматическимъ пролетарско-капиталистическимъ міромъ. Миновавъ деструктивную большевистскую революцію, но не выйдя еще на путь революціи конструктивной, на путь автономизма, западный міръ влечется своей старой инерціей по наклонной плоскости къ новой — уже не все-европейской, а всемірной войнѣ. Не сумѣвъ установить миръ демократическій, — на основахъ самоопредѣленія націй и народовластія, — онъ установилъ лишь перемиріе побѣдителей, лишь новое временное неустойчивое равновѣсіе на основахъ автоматическихъ и авторитарныхъ, на началахъ дѣлежа добычи между сильнѣйшими. Этотъ дѣлежъ добычи состоитъ въ «зонахъ вліянія», т. е. въ районахъ эксплуатаціи — Россіи и Азіи. Европейскіе побѣдители, вмѣстѣ съ Америкой и Японіей, припустивъ къ добычѣ, какъ своего вассала и батрака, также и Германію, вновь устремляются по наклонной плоскости состязанія хищническихъ имперіализмовъ къ новой страшной пропасти: либо къ междуусобной войнѣ, либо къ столкновенію двухъ міровъ — западнаго индустріальнаго, имперіалистическаго съ восточнымъ крестьянско-трудовымъ. И эта борьба поведетъ къ культурному самоубійству, ибо въ ней примутъ участіе полтора милліарда людей и въ ней схватятся не на жизнь, а на смерть глубокіе антагонизмы сразу не только націй, но и расъ, и классовъ, и даже двухъ основныхъ цивилизацій человѣчества.

Однако это паденіе невѣроятно, невозможно. Ибо старая инерція буржуазнаго элементнаго автоматизма угасаетъ и упирается въ тупики, а всѣ остающіеся свободные выходы ведутъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

на одинъ торный путь: къ трудовой демократіи, къ автономизму.

Гигантская катастрофа Міровой Войны вообще непоправимо надорвала размахъ и разбѣгъ капитализма и въ частности отсѣкла его крайнюю злостную форму: то сростаніе его съ націей и съ государствомъ, которое даетъ воинствующій милитарный имперіализмъ. Онъ безсиленъ сейчасъ фактически, ибо и побѣдители изранены и экономически надолго не въ силахъ воевать. Онъ исключенъ логически, ибо опытъ Міровой Войны показалъ его огромную убыточность, его абсолютную безсмысленность даже и при высшихъ побѣдахъ. Онъ невозможенъ психологически, ибо кризисы-судороги, какъ бы эпилепсія слѣпого капиталистическаго чудовища, тоже неизбѣжно имѣютъ промежутки, а за этотъ промежутокъ не можетъ не начаться движеніе человѣчества по открытому уже пути трудовой демократіи.

И уже за три года, протекшихъ съ окончанія войны, съ освобожденія отъ германскаго милитарнаго имперіализма, вырисовывается ясно то огромное перемѣщеніе силъ отъ автоматизма-авторитаризма къ автономизму, — отъ буржуазной автократіи къ буржуазной демократіи и отъ буржуазной демократіи къ трудовой демократіи, — которое было частью вскрыто, частью мощно продвинуто Міровою Войной.

Въ международныхъ отношеніяхъ этотъ поворотъ ярко выявленъ и ознаменованъ заключившею это первое еще столь смутное трехлѣтіе Вашингтонскою Конференціей. Итоги его таковы. Современная цивилизація вышла окончательно изъ узкаго очага Европы и обращается отнынѣ въ активное взаимодѣйствіе — политическое, экономическое, культурное — Европы, Америки и Азіи. Вновь влившаяся въ цивилизацію милліардная масса человѣчества — Россія и вся Азія — уже на $^{9}/_{10}$ освободилась отъ автократіи и находится въ процессѣ строенія демократіи, которая въ силу соціальной структуры этихъ странъ сразу будетъ трудового, а не буржуазнаго типа. Въ самой Европѣ автократія почти искоренена и въ частности Британская Имперія обращается въ свободную федерацію демократій (съ послѣдующимъ полнымъ отдѣленіемъ Индіи). Міровая гегемонія переходитъ отъ германскаго автократическаго имперіализма къ молодой американской буржуазной демократіи, которая легко побѣждаетъ въ экономической конкуренціи однимъ своимъ колоссальнымъ экономическимъ развитіемъ, для которой разорительна и непріемлема милитаризація, которая поэтому прямо заинтересована въ уничтоженіи всякихъ милитарныхъ имперіализмовъ, во всемірной свободѣ торговли и въ независи-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

мости, въ развитіи и процвѣтаніи трудовой демократіи Россіи и Азіи, которая уже прямо становится на защиту послѣдней противъ всѣхъ имперіализмовъ. При такихъ условіяхъ окончательное утвержденіе демократіи повсюду обезпечено, а съ развитіемъ демократической формы въ нее неизбѣжно быстро вольется и новое углубленное трудовое содержаніе.

Съ другой стороны цѣлестремленіямъ труда нѣтъ отнынѣ иного пути, какъ автономизмъ, какъ демократія. Въ самомъ западномъ пролетаріатѣ, хотя и послѣ больныхъ, жестокихъ судорогъ, уже восторжествовалъ здравый трудовой разумъ и совѣсть надъ марксистской догмой и демагогіей: подлинная его масса въ лицѣ 35 милліоновъ членовъ рабочихъ союзовъ, повернувъ рѣшительнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, противъ капитализма и къ соціализму, столь же твердо устояла на демократіи, какъ единственномъ пути къ нему. Интеллигенція, глубже другихъ пострадавъ и осмысливъ войну (особенно въ лицѣ студенчества и офицерства въ Россіи) и затѣмъ оказавшись лицомъ къ лицу съ большевизмомъ, пережила и переживаетъ великое духовное перерожденіе и начинаетъ сплоченіе своихъ силъ, какъ особой трудовой группы. Крестьянство, использованное какъ основная масса пушечнаго мяса на войнѣ буржуазіей и видящее новаго господина въ большевизованномъ пролетаріатѣ, повсюду быстро организуется, и почти нѣтъ страны, гдѣ бы уже не выступили его авангарды, какъ особой классовой трудовой силы, а съ Востока оно вдвигается въ міровую демократію какъ непреоборимая органическая трудовая стихія. Холмъ-монументъ въ десять милліоновъ череповъ закрылъ трудовымъ массамъ навсегда путь буржуазіи съ ея ослѣпшими, разбившимися цѣлестремленіями. Такая же и все растущая гора труповъ, достраиваемая большевизмомъ, преграждаетъ путь авторитарно-автоматическаго междуусобія и разрушенія силъ труда и самой революціи. Открыта дорога только для сплоченія всего трудового народа, для завоеванія трудовой демократіи.

Первый шагъ по этому пути — самоопредѣленіе каждой изъ силъ труда. Переходъ (по формулѣ Маркса) интеллигенціи и крестьянства «на точку зрѣнія» пролетаріата и невозможенъ, — какъ невозможенъ, напр., переходъ одной націи на «точку зрѣнія» другой, — и былъ бы гибеленъ, ибо обезличилъ бы притомъ въ данномъ случаѣ — какъ разъ болѣе полныя и творческія классовыя индивидуальности. Каждый изъ трехъ братьевъ по труду долженъ осознать и развить до конца свои потребности и способности, выйти на соціальное творчество со своимъ лицомъ, со своей силой. Безъ этого нѣтъ и не будетъ автономизма. И уже вмѣстѣ съ этимъ самоопредѣленіемъ самостоятельныя организаціи пролетаріата, интеллигенціи и крестьянства, какъ въ каждой странѣ,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

такъ и въ интернаціоналѣ, объединятся на разныхъ правахъ въ единый тройственный союзъ труда, который станетъ всесильнымъ и въ отдѣльныхъ странахъ, и во всемъ мірѣ. Такъ опустѣютъ и отомрутъ паразитарные верхи соціальной пирамиды, вся жизнь и творчество перенесется въ ея трудовые низы, и всѣ трудящіеся, — по введеніи всеобщаго средняго, а затѣмъ и высшаго образованія, — сплавятся въ единую творчески-трудовую семью.

Но какъ ни велика, какъ ни прекрасна стихія труда, она — только часть жизни человѣчества, и будущее общество не можетъ застыть въ элементный автоматъ труда, а должно стать живой интеграціей труда и жизни. Согласно могучему велѣнію переживаемаго историческаго перелома проблема класса разрѣшается нынѣ не вмѣсто проблемъ націи и государства, а вмѣстѣ съ ними и рѣшеніе ея можетъ быть только въ гармоническомъ синтезѣ всѣхъ трехъ общеній — въ національно-трудовой демократіи и въ демократическомъ трудовомъ интернаціоналѣ. И новое общество оживетъ и одухотворится только великимъ духовнымъ просіяніемъ, только цѣльной цѣлью, которая, какъ земная, но прекрасная соціальная религія освѣтитъ и освятитъ — всѣ пути соціальнаго творчества. И, наконецъ, всѣ эти соціальныя интеграціи совершатся только тогда, когда пробудится самъ живой интегралъ-человѣческая личность, когда она осознаетъ сама себя свѣтомъ, устремится свободно къ цѣлямъ и найдетъ ихъ въ человѣчествѣ, когда умомъ и душой познаетъ, что въ единеніи не только сила, но и правда, что правда эта въ законѣ любви, что безъ него не живетъ общество, что только имъ оживетъ соціализмъ.

•

Исторія выдвинула впередъ Россію, какъ носительницу высшаго интегральнаго финализма. Интегральна — въ своей огромности — сама страна, соединяющая почти всѣ климаты и явленія природы, всѣ естественныя богатства, всѣ виды хозяйства и обусловливающая соотвѣтствующую разнородность и широту переживаній у населенія. Интегральна она по составу населенія: множество ея народностей являетъ нѣкоторый политическій и культурный интернаціоналъ. Готовъ въ ней и трудовой интегралъ: только въ ней рядомъ съ пролетаріатомъ уже борются какъ могучія революціонныя силы интеллигенція и крестьянство, и уже прямо провозглашенъ — возставшими противъ большевизма кронштадтцами — ихъ тройственный союзъ. Цѣльны цѣли русскаго народа и рус-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

скаго народничества. Наконецъ, и въ столкновеніи двухъ міровыхъ цивилизацій, — гдѣ не побѣдитъ ни Западъ, ни Востокъ, а побѣдитъ новая цивилизація, интеграція ихъ обоихъ, — и тутъ именно Россія уже являетъ скрещеніе Запада и Востока.

Когда дотлѣетъ гнойное пожарище большевизма, тогда міръ, видавшій до сихъ поръ лишь творчество геніевъ Россіи, увидитъ и воспримете творчество ея народа.

К. Качоровскій.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Н. М. МИНСКІЙ

МАНИФЕСТЪ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ РАБОТНИКОВЪ

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

МАНИФЕСТЪ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ РАБОТНИКОВЪ

Классификація общественныхъ группъ.

§ 1. Человѣческое общество — съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней — распадается на два основныхъ большихъ класса—классъ работниковъ, творцовъ цѣнностей матеріальныхъ и духовныхъ, и классъ властодержцевъ, силой или хитростью захватившихъ власть надъ трудомъ, живущихъ на счетъ чужого труда и пользующихся лучшими его продуктами.

§ 2. Классъ работниковъ въ свою очередь распадается на два большихъ подкласса—работниковъ ручнаго труда и работниковъ труда умственнаго, — или, употребляя современные термины — на пролетаріатъ и интеллигенцію. Ручной трудъ дѣлится на городской и на земледѣльческій.

§ 3. Власть надъ трудомъ въ исторической перспективѣ находилась сперва въ рукахъ церкви, оттуда перешла къ государству въ лицѣ королей, феодаловъ и помѣщиковъ, а въ настоящее время сосредоточена въ рукахъ политическихъ партій разныхъ оттѣнковъ — консервативной, демократической, соціалистической, коммунистической, — и капиталистовъ.

§ 4. Главное отличіе между трудомъ ручнымъ и умственнымъ заключается въ томъ, что мускульный трудъ совершается въ темнотѣ, исполняя чужое заданіе, чужой планъ, между тѣмъ, какъ трудъ умственный творитъ съ открытыми глазами, исполняетъ собственныя предначертанія и создаетъ новыя формы. Но оба вида труда неразрывно связаны между собою, какъ матерія и сила, какъ тѣло и душа. Они—и они одни—производятъ не только всѣ положительныя цѣнности, необходимыя для удовлетворенія нашихъ потребностей, но и цѣнности отрицательныя — оружіе, при помощи котораго государство и капиталъ властвуютъ надъ трудомъ. Трудъ самъ на себя куетъ цѣпи. Власть «кусаетъ вставными зубами».

§ 5. Нельзя смѣшивать интеллигента съ интеллигентнымъ работникомъ. Интеллигентъ это всякій человѣкъ, получившій

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

нѣкоторое образованіе, читающій книги и посѣщающій театръ. Интеллигентъ можетъ быть и политиканомъ, и жандармомъ, и банкиромъ, и ничего не дѣлающимъ рантье. Интеллигентный работникъ это творецъ цѣнностей, служитель техники, науки, искусства, философіи, религіозной мысли. Изъ среды интеллигентовъ набирается многочисленная группа полезныхъ работниковъ, занимающихъ переходную ступень между ручнымъ и умственнымъ трудомъ, каковы писцы, счетчики, телеграфисты, фельдшера, учителя начальныхъ школъ, словомъ, всѣ работники труда, требующаго спеціальныхъ теоретическихъ знаній, но не ведущаго къ творчеству. Симпатіи этихъ работниковъ крайне цѣнны въ интересахъ раскрѣпощенія труда, и наша пропаганда должна обращать на нихъ исключительное вниманіе.

§ 6. Общая черта всѣхъ господствующихъ классовъ — ихъ желаніе жить на счетъ чужого труда. Прежніе властодержцы — короли и феодалы — порабощавшіе трудъ силою оружія, имѣли еще за собою обаяніе героизма. Нынѣшніе-же хозяева жизни — политиканы и капиталисты — являютъ собою живой парадоксъ — власть слабыхъ надъ сильными. Парадоксъ, хотя и основанный на хитромъ сочетаніи силъ, не можетъ длиться вѣчно, и всемірная революція, неудержимо надвигающаяся на современное общество, имѣетъ цѣлью отнять власть у слабыхъ и передать ее сильнымъ. Въ этомъ послѣднемъ бою съ одной стороны барикады станутъ пролетарій и интеллигентъ, нынѣ, по наущенію общихъ враговъ, по недоразумѣнію, чуждающіеся другъ друга, а съ другой стороны — политиканы и капиталисты. Ибо борьба можетъ быть двухъ родовъ. Двое противниковъ могутъ бороться потому, что они желаютъ одного и того-же, или потому, что они желаютъ разнаго. Политическія партіи борятся между собою потому, что они желаютъ одного и того-же — власти надъ трудомъ. Мы-же, — умственные работники, вмѣстѣ съ пролетаріями должны бороться противъ всѣхъ господствующихъ классовъ и партій потому, что мы желаемъ, чтобы власть принадлежала не стоящимъ надъ трудомъ и внѣ труда профессіоналамъ власти, а самому труду.

Двоякій характеръ власти.

§ 7. Желая освободиться отъ посторонней надъ собою власти, двуединый трудъ — мышцъ и мысли — ничуть не стремится къ безвластію. Безвластіе — анархія — еще гибельнѣе для соціальной жизни, чѣмъ власть политикановъ и капиталистовъ. Ничто такъ не нуждается въ организаціи, въ дисциплинѣ, въ подчиненіи всѣхъ исполнителей одному общему плану, какъ современное сложное производство. Сво-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

боденъ отъ подчиненія власти только тотъ, кто уходитъ изъ общества: отшельники. Будучи-же частицей соціальнаго организма, каждый обязанъ — въ предѣлахъ своей общественной работы — повиноваться цѣлому, оставаясь свободнымъ въ своихъ досугахъ, насколько эта свобода не задѣваетъ свободу другихъ членовъ общества.

§ 8. Но власть бываетъ двухъ родовъ: проявляемая въ интересахъ труда и добровольно имъ пріемлемая, и проявляемая въ ущербъ труда, со стороны, силой или обманомъ ему навязанная.

§ 9. Примѣромъ первой формы необходимо-полезной власти можетъ служить власть капельмейстера надъ оркестромъ. Власть эта безусловная и мановеніе дирижерской палочки для каждаго музыканта законъ. Но подчиняются музыканты своему дирижеру не потому, что онъ избранъ большинствомъ голосовъ всѣхъ жителей города, не потому, что онъ обладаетъ ораторскимъ даромъ, не потому, что у него благородныя убѣжденія, а потому что онъ, прежде всего, опытный музыкантъ, знающій природу каждаго инструмента и хорошо понимающій стиль музыкальныхъ исполняемыхъ партитуръ. Разсказъ Руссо о томъ, какъ онъ, не имѣя опыта дирижера, захотѣлъ управлять оркестромъ и какъ онъ послѣ первыхъ безпорядочныхъ взмаховъ палочки, былъ позорно прогнанъ съ дирижерскаго мѣста, можетъ служить хорошей иллюстраціей къ нашему тезису.

§ 10. Слѣдующіе четыре признака характеризуютъ этого рода полезную власть. Во-первыхъ, она проистекаетъ изъ самого труда, а не поставлена надъ нимъ извнѣ. Во-вторыхъ, она необходима для успѣшнаго хода той отрасли труда, которая ей подчиняется. Въ-третьихъ, она находится въ рукахъ одного изъ работниковъ, наиболѣе опытнаго въ данной отрасли труда. Въ-четвертыхъ, она добровольно принята всѣми другими работниками, которые ей подчиняются въ своихъ собственныхъ интересахъ.

§ 11. Примѣромъ второго вида власти, живущей на счетъ труда, можетъ служить власть любаго государственнаго чиновника любого режима: полицмейстера, губернатора, члена парламента, министра, народнаго комиссара. Слѣдующіе четыре признака характеризуютъ эту внѣ-трудовую власть. Во-первыхъ, власть эта осуществляется не спеціалистомъ въ каждой данной области труда, а профессіоналами власти вообще. Политиканъ, который, по своему умѣнію, могъ-бы быть полезнымъ умственнымъ работникомъ, какъ юристъ, врачъ, инженеръ, вдругъ, забросивъ всѣ эти профессіи, избираетъ своей профессіей власть вообще, сегодня становится министромъ военнымъ, завтра министромъ финансовъ или земледѣлія, а

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

послѣ завтра главою правительства, — въ убѣжденіи, что партитура соціальнаго творчества всего лучше будетъ разыграна, если во главѣ оркестра будетъ стоять дирижеръ, не играющій ни на одномъ инструментѣ и не понимающій значенія ни одной музыкальной ноты, но изучившій искусство быть вообще дирижеромъ чего-бы то ни было. Во-вторыхъ, въ основѣ этой власти, кѣмъ-бы она ни осуществлялась, лежитъ убѣжденіе, что трудъ и творчество сами не въ состояніи съ собою управиться, что они подобно несовершеннолѣтнему или малоумному, нуждаются въ опекунѣ и попечителѣ. Автократія, опиравшаяся на оружіе, считала всѣхъ людей вообще неразумными дѣтьми, несозрѣвшими для веденія своихъ дѣлъ и нуждающимися въ надзорѣ и розгѣ. Демократія, опирающаяся на всеобщую подачу голосовъ, старается всѣмъ угодить, за всѣми ухаживаетъ, какъ добрая няня, въ той-же увѣренности, что общественныя группы — дѣти, нуждающіяся въ уходѣ. Коммунисты-комиссары, опирающіеся исключительно на пролетаріатъ, днемъ и ночью заботятся о своемъ питомцѣ, не спускаютъ съ него глазъ ни на минуту, ибо «рабочій классъ, предоставленный самому себѣ, угодитъ въ объятія буржуа», — какъ писалъ Ленинъ, еще будучи теоретикомъ власти. Да и какъ могло быть иначе? Чѣмъ другимъ могли бы властодержцы оправдать свое господство надъ трудомъ, какъ не увѣреніемъ, что это необходимо въ интересахъ труда? Такое увѣреніе имѣло еще нѣкоторое подобіе правды, когда трудъ ручной былъ искусственно разлученъ съ трудомъ умственнымъ. Но стоитъ обоимъ братьямъ подать другъ другу руки, чтобы господство властодержцевъ окончилось и плоды труда принадлежали только творцамъ ихъ. Въ третьихъ, профессіоналы власти господствуютъ не по желанію работниковъ, а вопреки ихъ желанію. Искусство политикановъ въ томъ и заключается, чтобы сложностью политическаго механизма отвести глаза народу и замести слѣды. О капиталистахъ и говорить нечего. Рабочіе имъ подчиняются съ ненавистью и возмущеніемъ въ душѣ, — только потому что за ихъ спиною стоитъ государство, стоятъ политиканы, гипнотизирующіе мысль и совѣсть народа. Въ-четвертыхъ, всѣ властодержцы, безъ исключенія, отъ царя до коммуниста, увѣрены въ томъ, что лучше, выгоднѣе, почетнѣе, легче, красивѣе властвовать, чѣмъ работать. Всѣ они — берутъ у труда самое цѣнное, что онъ производитъ, всѣ они между прочимъ и втихомолку загребаютъ къ себѣ «презрѣнныя» матеріальныя блага и вслухъ расплачиваются за нихъ возвышенными лозунгами, программами, идеалами. Въ этой стихіи — идей и лозунговъ — за ними не угонишься. Для того чтобы разглядѣть ихъ поближе, необходимо вытащить ихъ на сухой берегъ интересовъ — ихъ собственныхъ, такъ тщательно скрываемыхъ ими интересовъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Интересы и идеи.

§ 12. Всѣ люди, будь это отдѣльныя лица или общественныя группы, руководятся въ своей дѣятельности интересами. Но подобно тому какъ мы покрываемъ свою наготу одеждой, такъ большинство людей, стыдясь своихъ интересовъ, прячутъ ихъ подъ покровомъ болѣе или менѣе пышныхъ идей или идеаловъ.

§ 13. Интересы это та сила, та пружина, которая, будучи заведена нашими потребностями, сама въ свою очередь приводитъ въ движеніе нашу волю, опредѣляетъ собою наше поведеніе, образуетъ нашъ характеръ и такимъ образомъ всего вѣрнѣе отражаетъ наше интимное, подлинное «я». Интересы, имѣя своимъ содержаніемъ благо личности, всегда обращены къ ней самой.

§ 14. Идеи это мнѣнія, убѣжденія, въ лучшемъ случаѣ, идеалы, мечты о будущемъ, возникающія не въ темной глубинѣ потребностей, а на поверхности разсудка. Идеи всегда обращены отъ личности къ другимъ, — къ народу, родинѣ, человѣчеству.

§ 15. Интересы, отвѣчая потребностямъ, въ большинствѣ случаевъ бываютъ матеріальные, имѣютъ своею цѣлью пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ. Но возможны интересы духовные, идеальные, когда идеи, переставая быть теоретическимъ мнѣніемъ личности, становятся правиломъ его поведенія, проникаютъ собою его характеръ. Такое совпаденіе интересовъ съ идеями составляетъ высшую ступень нравственнаго совершенства. Вліяніе интересовъ и идей на дѣятельность личности подлежитъ изслѣдованію философіи, насколько она занимается законами этики. Насъ-же теперь занимаетъ этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія соціальной.

§ 16. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ основнымъ дѣленіемъ общества на два кардинальныхъ класса — работниковъ труда—ручнаго и умственнаго—и властвующихъ надъ чужимъ трудомъ. Можно признать, какъ общій законъ, слѣдующее наблюденіе. Группа или классъ работниковъ, не ищущихъ власти надъ другими, а устраивающихъ свои собственные интересы, не скрываютъ этихъ интересовъ, открыто и честно ихъ защищаютъ, ибо интересы сами по себѣ, какъ породившія ихъ потребности, ничего постыднаго собою не представляютъ. Всѣ-же господствующіе классы, которые держатъ власть надъ другими, вынуждены скрывать свои собственные сословные или партійные интересы, свое стремленіе къ привилегіямъ и почету и выставить на показъ какую-нибудь возвышенную идею. Чѣмъ матеріально грубѣе собственные интересы властодержцевъ, тѣмъ благороднѣе ихъ идеи.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

§ 17. Въ настоящее время на общественной аренѣ вмѣстѣ съ политическими партіями подвизается также классъ ручныхъ работниковъ. И посмотрите, какъ онъ, нисколько не стыдясь, защищаетъ свои матеріальные интересы — увеличеніе заработной платы и уменьшеніе рабочихъ часовъ. Но до чего нестерпимо возвышенны программы политикановъ! Консерваторы распинаются за установленный Богомъ порядокъ и гармонію человѣческихъ отношеній, либералы — за священную свободу и права человѣка, а соціалисты дешевле рая на землѣ никакъ не уступятъ. Всѣ они важно расхаживаютъ по общественной аренѣ, въ мантіяхъ первосвященниковъ, съ масками боговъ. И только пролетаріатъ скромно пробирается между ними въ своей рабочей блузѣ и съ открытымъ лицомъ. Съ такимъ-же открытымъ лицомъ выступаетъ нынѣ на общественную арену второй трудовой классъ — интеллигентныхъ работниковъ, которымъ также, какъ и пролетаріату, некого обманывать и некого обольщать. И если рабочая интеллигенція подаетъ руку пролетаріату, то не по благодарному порыву чувства, а единственно потому что ихъ объединяютъ общіе интересы.

§ 18. Есть вѣрный признакъ, отличающій работника отъ политикана-властодержца. Политиканъ можетъ переходить изъ одной партіи въ другую, внезапно или подъ вліяніемъ обстоятельствъ правѣть или лѣвѣть, ибо политическія убѣжденія и мнѣнія это маска, а маску можно мѣнять хоть каждый день. Но трудъ—это собственный ликъ, а лицо мѣнять нельзя. Какой-нибудь Эрве, одумавшись, изъ яраго антипатріота сдѣлался ревностнымъ патріотомъ, поправѣлъ. Съ другой стороны такой почтенный политиканъ, какъ Милюковъ, тоже одумавшись, подвинулся влѣво и сталъ плечомъ къ плечу съ эсерами, отъ которыхъ прежде сторонился. Но нельзя представить себѣ такой случай, чтобы инженеръ, одумавшись, сталъ докторомъ, или чтобы докторъ подъ вліяніемъ событій сдѣлался композиторомъ. Соціальныя отношенія, основанныя на интересахъ, одни только органически устойчивы.

§ 20. Разбирая отношенія между интересами и идеями господствующихъ классовъ, надо совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ объ искренности. Въ каждой партіи есть люди порядочные, искренно убѣжденные въ правотѣ, въ безкорыстномъ и общеполезномъ характерѣ своей дѣятельности, и тѣмъ не менѣе всѣ они дѣйствуютъ въ направленіи узко-партійныхъ эгоистическихъ интересовъ. Императивъ интересовъ сильнѣе разсудка и воли, и приводный ремень, соединяющій идеи съ интересами, пролегаетъ весьма часто въ области безсознательной. Если-же мы хотимъ подъ маской партійныхъ лозунговъ и идей открыть, обнажить скрытые, если не скрывае-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

мые, за ними интересы, то дѣлаемъ это не съ цѣлью обличать или разоблачать, а единственно съ цѣлью вѣрнѣе понять идеологію той или другой партіи.

§ 21. Могутъ спросить, не все-ли равно, какими партійными интересами руководятся общественные дѣятели, если возвѣщаемые ими лозунги и идеи сами по себѣ альтруистичны, возвышенны, благородны. Думать такъ значитъ не понимать дѣйствія механизма, соединяющаго интересы съ идеями. Приводный ремень, ихъ соединяющій, находится въ постоянномъ движеніи, но приводится онъ въ движеніе не идеями, а интересами. Кто не продумалъ, не усвоилъ этого закона, для того трагедія труда и власти останется закрытой книгой. Нужно каждоминутно понимать, что въ этомъ какъ будто взаимодѣйствующемъ сцѣпленіи интересовъ и идей движущимъ, активнымъ началомъ являются не идеи, а интересы. Это значитъ, что какою-бы общечеловѣческой идеей господствующій классъ ни замаскировалъ свои эгоистическіе интересы, идея эта будетъ изуродована въ угоду интересамъ, приметъ очертанія этихъ интересовъ, подобно тому, какъ платье, маскируя наготу тѣла, принимаетъ общія формы этого тѣла. Вотъ почему нельзя ни понять, ни подвергнуть критическому разбору показные идеальные лозунги какой нибудь партіи, не зная какіе за ними скрываются вожделѣнія и аппетиты.

§ 22. Тѣмъ не менѣе, даже въ искаженномъ видѣ, идейные покровы партійныхъ интересовъ имѣютъ положительную творчески-полезную самоцѣнность. Вынужденный прикрываться общеполезной идеей (ибо откровеннымъ грубымъ насиліемъ не долго удержишься у власти), каждый господствующій классъ, силой своей власти, вводитъ въ общее сознаніе эту идею, даетъ ей вліять на жизнь, служитъ, какъ-бы помимо своей воли, орудіемъ прогресса, такъ что можно сказать, что соціальный прогрессъ обязанъ своимъ развитіемъ, въ извѣстной мѣрѣ, партійной лжи и партійному лицемѣрію. Исторія строится и движется не только положительными, но и отрицательными факторами. Всеобщая идея, которою, исказивъ ее, господствующій классъ маскировалъ свое хищничество, проявляетъ и въ искаженномъ видѣ животворную силу и вызываетъ къ жизни новые болѣе совершенные соціальные организмы, которые естественно оказываются въ антагонизмѣ и вступаютъ въ борьбу съ породившимъ ихъ классомъ, вскрывая противорѣчіе, которое таилось между его интересами и идеями и доводя эти идеи до логическаго завершенія. Господствующій классъ, погибая въ подобной борьбѣ съ высшими, имъ самимъ призванными къ жизни соціальными группами, становится жертвой не только своего зла, но и своего добра, не только того, что было въ его дѣя-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тельности зловреднаго, но и того что было въ ней наиболѣе свѣтлаго.

§ 23. Такимъ образомъ, изучая историческую роль какого-нибудь господствующаго класса или политической партіи, необходимо имѣть въ виду слѣдующіе три момента. Во-первыхъ, моментъ отрицательный, — ложь и лицемѣріе классовыхъ, партійныхъ или сословныхъ лозунговъ и идей, и ихъ искаженіе подъ вліяніемъ интересовъ. Во-вторыхъ, моментъ положительный, — невольное служеніе прогрессу, подъ импульсомъ этихъ идей. Въ-третьихъ, моментъ критическій, — борьбу господствующей группы съ новой, ею-же призванной къ жизни группой, которая пользуется методомъ логическаго завершенія лозунговъ противника. Все это вмѣстѣ и составляетъ тотъ діалектическій процессъ, который на свою-же голову такъ блестяще развилъ и доказалъ научный соціализмъ.

Интересы труда.

§ 24. Два рабочихъ класса — ручного и умственнаго труда — не ища власти надъ чужимъ трудомъ, не нуждаются въ идейныхъ лозунгахъ, а вдохновлены исключительно интересами самого труда. Однако и трудовые интересы пролетаріата и рабочей интеллигенціи не совпадаютъ. Они различны, въ зависимости отъ особенностей ихъ труда, но не противоположны. Будучи разными, они взаимно дополняютъ другъ друга.

§ 25. Въ каждомъ общественномъ трудѣ слѣдуетъ различать три момента: А — моментъ производства, В —моментъ заработка и С — моментъ траты заработка для удовлетворенія потребностей. Третій моментъ какъ бы находится внѣ сферы труда, но онъ неразрывно связанъ съ трудомъ, какъ его конечная цѣль.

Отношеніе къ этимъ моментамъ труда опредѣляется характеромъ каждой отрасли труда.

§ 26. Для капиталиста, насколько онъ не участвуетъ въ управленіи предпріятіемъ, а является лишь представителемъ голаго капитала, моментъ А равенъ нулю. Онъ самъ не работаетъ, не производитъ, не творитъ. Его интересъ сосредоточенъ исключительно въ моментѣ В, въ заработкѣ, въ прибыли, и въ С, въ тѣхъ удобствахъ жизни, которыя онъ пріобрѣтетъ на полученные барыши. Но В для него больше С. Онъ больше зарабатываетъ, чѣмъ это нужно для удовлетворенія потребностей, и поэтому С превращается для него въ бездонную прорву капризовъ и прихотей роскоши. Его интересы внѣ сферы труда. Для него трудъ величина нулевая, но онъ самъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

для труда величина рѣзко отрицательная. Онъ взбаломошный заказчикъ продуктовъ труда, праздный ихъ потребитель, ненасытная утроба, бездонная прорва.

§ 27. Ручной рабочій — необходимый участникъ производства, но для него моментъ А — величина отрицательная. Самый трудъ не только не приноситъ ему удовлетворенія, но причиняетъ физическую и духовную муку, въ особенности при современномъ раздѣленіи фабричнаго труда и тейлоровскихъ попыткахъ превращенія рабочаго въ живую машину. Одна изъ главныхъ заботъ рабочаго довести А до минимума. Его интересъ, также какъ и капиталиста, исключительно сосредоточенъ на В, на заработкѣ, всегда скудномъ и далеко не достигающемъ уровня С. Такимъ образомъ на моментѣ распредѣленія, въ сторонѣ отъ производства, интересы ручного труда и капитала, стремясь къ одной цѣли въ противоположномъ направленіи, непримиримо сталкиваются между собою, производя катаклизмъ, который мы называемъ классовой борьбой. Въ этой борьбѣ, какъ-бы мы ни сочувствовали ручному труду, однако должны признать, что исходъ ея почти безразличенъ для высшихъ интересовъ производства и творчества цѣнностей. Побѣждаетъ-ли капиталистъ, онъ непричастенъ творчеству. Побѣждаетъ-ли ручной трудъ, онъ также не вліяетъ на творчество, ибо работаетъ въ темнотѣ, исполняя чужой планъ и тяготясь своей работой. Соціализмъ — научный и практическій, — использовавъ классовую борьбу въ интересахъ партійной доминаціи, не имѣетъ ни единой точки соприкосновенія съ производствомъ и творчествомъ.

§ 28. Интеллигентный рабочій, какъ и всѣ, заинтересованъ въ томъ, чтобы при распредѣленіи его часть В не была ниже С и покрывала его потребности. Но этотъ его интересъ не исключительный и даже не главный, тѣмъ болѣе, что для него В почти всегда равенъ С, чуть больше, чуть меньше. Его жизненный интересъ обращенъ къ самому производству, къ моменту А, ибо умственная творческая работа сама для него является цѣлью и источникомъ духовнаго удовлетворенія. Это единственный соціальный классъ, интересы котораго совпадаютъ съ его идеями, или, вѣрнѣе сказать, интересы котораго заключаются въ осуществленіи его идей.

Вотъ примѣръ, одинъ изъ многихъ, иллюстрирующій это положеніе.

Недавно, послѣ долгихъ страданій, скончался въ Парижѣ отъ радіодермита директоръ радіологическаго кабинета. Замѣстившій его врачъ, интервьюированный журналистомъ, указалъ на свои облупленныя руки и спокойно замѣтилъ, что и себя считаетъ обреченнымъ. На вопросъ журналиста, много-ли ему платятъ за его самоотверженный трудъ, ученый

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

съ улыбкой отвѣтилъ, что онъ, какъ его предшественникъ, получаетъ 250 франковъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ половину отдаетъ ассистенту.

— Но если-бы мнѣ вовсе не платили, — прибавилъ онъ, — я все-таки продолжалъ-бы дѣлать то, что дѣлаю теперь, потому что c'est ma passion.

Примѣръ, конечно, доблестный, но не исключительный. Если техника, наука, поэзія, искусство двигаютъ человѣчество впередъ и на высоту, то это потому что умственный трудъ самъ въ себѣ заключаетъ наслажденіе и неизмѣримо больше даетъ, чѣмъ береть. Онъ по природѣ своей доблестенъ и безкорыстенъ.

Интересы и идеи власти.

§ 29. Соблазнъ власти, ея непосредственный интересъ, носитъ двойной характеръ: моральный и матеріальный. Прежде всего самый фактъ властвованія, подчиненія другихъ своей волѣ, первенства надъ другими заключаетъ въ себѣ великое удовлетвореніе моральное. А затѣмъ, власть даетъ возможность захватить въ свое пользованіе всѣ матеріальныя блага, всѣ лучшіе продукты чужого труда.

§ 30. Въ первобытномъ обществѣ оба интереса власти — господство и богатство — были нераздѣльны. Въ современномъ-же обществѣ, на ряду съ раздѣленіемъ труда произошло и раздѣленіе праздности. Политиканы, стоящіе у государственной власти, вынуждены наслаждаться главнымъ образомъ, обаяніемъ и почетомъ власти, хотя они не брезгаютъ и матеріальными ея привилегіями и обременяютъ трудъ непосильными налогами, для содержанія все болѣе и болѣе растущей стаи бюрократіи. Между тѣмъ капиталисты, не гоняясь за внѣшнымъ почетомъ, даруемымъ властью, скромно довольствуются тѣмъ удовлетвореніемъ, которое доставляютъ дворцы, замки, автомобили, яхты, жемчужныя колье. Такимъ образомъ два господствующихъ класса — этатисты и капиталисты — не только не конкурируютъ между собою, но другъ друга взаимно поддерживаютъ. Съ точки зрѣнія производства оба эти класса являются одинаково вредными паразитами.

§ 31. Отсюда явствуетъ, что между этатизмомъ и капитализмомъ нѣтъ ни необходимаго соперничества, ни неразрывной связи. Они могутъ, смотря по обстоятельствамъ, то дѣйствовать сообща, то расходиться, ссориться и мириться, что мы и видимъ на примѣрѣ русскаго коммунизма.

§ 32. Основное свойство власти то, что она развращаетъ. Возможность злоупотребленій ведетъ къ злоупотребленіямъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Естественная основа власти это насиліе, а насиліе поддерживается оружіемъ. Феноменъ власти неразрывно связанъ съ процессомъ изготовленія оружія. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ первобытномъ обществѣ, гдѣ всѣ члены племени были снабжены однимъ и тѣмъ-же незамысловатымъ оружіемъ, первыми властодержцами были не воины и цари, а жрецы, судьи, пророки, защищавшіе свою власть оружіемъ духовнымъ, незримымъ и тѣмъ болѣе страшнымъ. Но вотъ умственный трудъ начинаетъ вступать въ свою роль творца-изобрѣтателя. И первое, что онъ изобрѣлъ это усовершенствованное оружіе, выковавъ своими руками цѣпи власти на себя и на ручной трудъ. Новое оружіе могло быть изготовлено только въ небольшомъ числѣ. Явилось меньшинство привилегированныхъ предметовъ, которые создали привилегированное меньшинство среди народа и положили начало соціальному неравенству.

§ 33. Однако первоначально усовершенствованное оружіе не было настолько дѣйственно, чтобы позволить небольшой дружинѣ властвовать надъ всѣмъ племенемъ. Феноменъ власти не могъ бы возникнуть, если-бы этому не способствовалъ самъ народъ. Каждое племя, работая у себя дома, стремилось захватить власть надъ трудомъ сосѣднихъ племенъ, такъ что сами рабочіе были первыми властодержцами. Войны между племенами были колыбелью власти надъ трудомъ, и рабство вначалѣ было удѣломъ только военноплѣнныхъ. Лишь впослѣдствіи вожди и ихъ дружины, захвативъ лучшее оружіе, перенесли институтъ рабства извнѣ во внутрь собственнаго народа, который такимъ образомъ попалъ въ яму, которую рылъ своему сосѣду.

§ 34. Феноменъ войны, какъ и феноменъ власти, которому онъ сродни, держится на двойномъ фундаментѣ; духовномъ и матеріальномъ. Два сосѣднихъ племени бросаются воевать другъ съ другомъ, побуждаемые тѣмъ зоологическимъ, инстинктивнымъ, почти безкорыстымъ чувствомъ стихійной ненависти, которое каждое животное испытываетъ, встрѣчаясь съ особью чуждаго вида. Чужой значитъ врагъ. Это чувство, и само по себѣ сильное, еще осложняется другимъ, столь-же стихійнымъ и безкорыстнымъ стимуломъ-стремленіемъ къ одолѣнію, къ первенству, — тѣмъ стремленіемъ, которое и въ мирное время заставляетъ членовъ одного и того-же племени раздѣлиться на два стана и идти другъ на друга стѣной: кто кого.

§ 35. Второй стимулъ войны — болѣе могущественный — носитъ характеръ не субъективный, а матеріально-объективный, и, къ несчастію, подчиненъ одному изъ наиболѣе неодолимыхъ законовъ жизни — закону наименьшаго напряженія силъ. Въ условіяхъ людского общежитія меньше приходится

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тратить силъ на изготовленіе оружія, съ помощью котораго можно похитить добро чужого племени, чѣмъ на изготовленіе этого добра мирнымъ творческимъ трудомъ. Хищничество, или что одно и то же, насильническое господство надъ трудомъ оказывается объективно выгоднѣе, чѣмъ мирный трудъ. Вслѣдствіе этого самый трудъ принялъ двоякое направленіе: положительное — изготовленіе потребительныхъ цѣнностей и отрицательное — изготовленіе оружія, которымъ часть этихъ положительныхъ цѣнностей разрушается безслѣдно, и часть похищается, какъ военная добыча. Разрушеніе оказывается плодотворнѣе, чѣмъ творчество. Конечно, при вооруженномъ грабежѣ, называемомъ войною, обѣимъ сторонамъ приходится рисковать жизнью, но этотъ рискъ, какъ мы видѣли, нейтрализуется субъективнымъ стимуломъ.

§ 36. Отличительная черта обоихъ мотивовъ войны это то, что они проникнуты характеромъ не классовымъ, а общенароднымъ, національнымъ. Властодержцы рано оцѣнили это драгоцѣнное для нихъ свойство войны, благодаря которому трудъ идетъ подъ иго власти не только не сопротивляясь, но добровольно и даже какъ бы съ радостью. На войнѣ народъ не можетъ обходиться безъ вождя, и евреи, прося Самуила поставить надъ ними царя вмѣсто прежнихъ судей, такъ и объясняли свое желаніе: «нѣтъ, пусть будетъ царь надъ нами, и мы будемъ подобны всѣмъ народамъ, и судить у насъ будетъ царь нашъ, и станетъ ходить впереди насъ, и будетъ вести войны наши». Къ тому-же на войнѣ войны т. е. вчерашніе рабочіе должны повиноваться власти, которая используетъ гипнозъ дисциплины въ своихъ интересахъ и послѣ войны обратитъ тѣхъ-же воиновъ противъ ихъ-же братьевъ. Этой магіей дисциплины власть пользуется до нынѣшняго дня для того, чтобы усмирять рабочихъ, носящихъ рабочія блузы, при помощи тѣхъ-же рабочихъ, одѣтыхъ въ военные мундиры.

§ 37. Вотъ почему власть повсюду и всѣми средствами — въ церкви, въ школѣ, въ печати — превозноситъ, прославляетъ, провозглашаетъ величайшей добродѣтелью и доблестью воинственный задоръ гражданъ, признавая это чувство священнѣйшимъ изъ всѣхъ, называя его патріотизмомъ—любовью къ своему народу и родной землѣ, — между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ это чувство входитъ лишь вражда къ иноземцу, въ лучшемъ случаѣ желаніе помѣряться съ нимъ силой, а въ худшемъ—надежда ограбить его: увести его дѣтей въ рабство (въ древности) или содрать съ него милліардную контрибуцію (въ наши дни). Если-бы патріотизмъ заключалъ въ себѣ любовь къ родному народу, то эта любовь всего ярче проявлялась-бы во время мира. Богатые стали-бы заботиться о бѣдныхъ соотечественникахъ, посѣщать одинокихъ боль-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ныхъ, словомъ на землѣ наступило-бы Царство Божіе. Однако, этого не видать. Жилецъ бель-этажа, который въ мирное время не сталъ-бы отвѣчать на поклонъ бѣдняка, живущаго на чердакѣ одного съ нимъ дома, вдругъ братается съ нимъ на полѣ битвы въ общей ненависти къ врагу. Патріоты мечтаютъ о коннексіяхъ, и если патріотизмъ есть любовь къ землѣ, то развѣ къ чужой.

§ 38. Первобытная стихійная вражда къ чужеземцу съ вѣками сожительства и сосѣдства исчезла и въ настоящее время искусственно подогрѣвается жрецами того идола, которому названіе — Государство. Трудъ — ручной и умственный — видитъ въ чужомъ трудѣ союзника, а не врага. Трудъ по природѣ своей созидателенъ, а не разрушителенъ, и если до сихъ поръ сами рабочіе ковали оружіе войны, то дѣлали это по наущенію власти. Трудъ, и въ особенности умственный трудъ, не патріотиченъ, но національненъ. Описанія щита Ахиллеса не могъ-бы сдѣлать еврейскій пророкъ, и видѣнія Іезикіиля не могъ бы написать Гомеръ. Творчество отдѣльнаго умственнаго работника можно сравнить съ гейзеромъ, бьющимъ изъ глубинъ національныхъ переживаній. Но національныя особенности умственнаго творчества не разъединяютъ народы, а, наоборотъ, сплочиваютъ ихъ въ одно цѣлое, заставляя всѣхъ нуждаться въ каждомъ, какъ въ своемъ дополненіи. И проявляется національный геній въ творчествѣ ученаго или художника тогда, когда онъ всего менѣе объ этомъ заботится. Истинный національный геній ведетъ всегда къ отрицанію національныхъ перегородокъ. Національный геній еврейскихъ пророчествъ привелъ къ завѣту: нѣтъ ни іудея, ни эллина. Русскій національный геній устами Толстого отвергъ фикцію государства и ложь патріотизма, а устами Достоевскаго провозгласилъ идеалъ всечеловѣка.

§ 39. Однако власть не довольствовалась гипнозомъ патріотизма и военной дисциплины, а сочла нужнымъ опереться еще на магію религіи. Церковь, передавъ скипетръ власти государству, не отказалась отъ своего вліянія, а только продала его болѣе сильному. Между военными властодержцами и жрецами установился взаимно-выгодный союзъ. Свѣтская власть позволяла церкви кормиться на счетъ труда, а церковь обязалась лжесвидѣтельствовать передъ народомъ о божественномъ происхожденіи автократіи. Союзъ этотъ держался до тѣхъ поръ, пока умственный трудъ, въ лицѣ энциклопедистовъ, не разоблачилъ скрытый за нимъ обманъ.

§ 40. Но всѣ эти невѣсомыя средства — магія патріотизма, гипнозъ военной дисциплины, приманка военной добычи, отличія за храбрость, стимулъ славы, лжесвидѣтельство церкви, — все это было въ рукахъ власти не болѣе какъ служебнымъ, вспомогательнымъ оружіемъ при порабощеніи

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

труда. Ultima ratio власти во всѣ времена заключалась въ грубомъ насиліи, которое поддерживалось матеріальнымъ оружіемъ — мѣднымъ, желѣзнымъ, стальнымъ.

Какъ только умственный трудъ изобрѣлъ усовершенствованное рѣдкое оружіе — дротъ, копье, шлемъ, щитъ — которое естественно попало въ руки наиболѣе сильныхъ членовъ племени — вождя и его дружины, послѣдніе уже на много вѣковъ становились безконтрольными владыками всего племени, ибо сто человѣкъ хорошо вооруженныхъ оказывались сильнѣе многихъ тысячъ невооруженныхъ или плохо вооруженныхъ гражданъ. Что-же касается наиболѣе дорогого и рѣдкаго оружія — панцыря, колесницы съ конями, то оно становилось достояніемъ только царя и его ближайшихъ сподвижниковъ. Можно сказать, что кованое оружіе было единственной хартіей благородства, которую знала древность. Значеніе царя обусловливалось качествомъ его оружія. Лукъ Филоктета, копье Ахиллеса, стрѣлы Тевкра — вотъ истинные герои древности, какъ мечъ Роланда — истинный герой средневѣковья. Ахиллесъ сталъ богоравнымъ, потому что боги подарили ему оружіе. Какъ величайшая драгоцѣнность семьи, оружіе переходило отъ отца къ сыну, и такимъ образомъ установилась наслѣдственность власти.

Но овладѣть оружіемъ было мало, надо было еще владѣть имъ. И вотъ подобно тому, какъ рабочіе, въ качествѣ воиновъ, участвовали въ власти надъ трудомъ, мы видимъ, что и властодержцы становятся рабочими, свершаютъ, по выраженію Гомера, тяжелую работу Арея, съ дѣтства закаляютъ свое тѣло въ бѣгѣ, въ верховой ѣздѣ, подчиняясь все тому-же неодолимому закону наименьшаго расходованія силы, который гналъ на войну весь народъ. Такимъ образомъ на шеѣ и на спинѣ изнуреннаго подневольнымъ трудомъ народа выросло сильное, мускулистое, закованное въ желѣзо неуязвимое меньшинство. Подборъ оружія взростилъ породу хищниковъ, которые устроили свои гнѣзда на вершинѣ всѣхъ холмовъ, откуда они нападали на трудъ и куда уносили награбленное добро. Къ тому-же тамъ, за оградой стѣнъ и башенъ, у вождя и его дружины, въ промежуткѣ между набѣгами оставалось всегда много досуга, для политическихъ и военныхъ махинацій, между тѣмъ какъ внизу, въ долинѣ, трудъ — ручной и умственный — не имѣлъ ни минуты свободной для того, чтобы обдумать и осуществить планъ защиты противъ власти. Если-же выведенные изъ терпѣнія рабы, крестьяне, гладіаторы, поднимали знамя бунта, то властодержцы, благодаря превосходному оружію, навыку и организаціи, легко справлялись съ хаотическимъ бунтомъ.

§ 41. Властодержцы рано поняли все значеніе оружія, и право носить оружіе было первой и самой важной приви-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

легіей древнихъ и среднихъ вѣковъ. Когда дружина разрослась до размѣровъ войска, она все-таки сохранила привилегію носить тяжелое оружіе, предоставивъ остальнымъ только оружіе легкое — небольшой щитъ и мечъ. Рабу позволялось носить тяжелое оружіе лишь въ качествѣ оруженосца — не на себѣ, а на рукахъ для господина.

§ 42. Казалось, что могуществу властодержцевъ, основанному на желѣзномъ законѣ силы и беззаконной силѣ желѣза, никогда не настанетъ конца. Но вотъ на арену исторіи выступаетъ Немезида діалектики. Власть гибнетъ отъ того, что составляло залогъ ея силы — отъ оружія. Умственный трудъ — виновникъ неравенства состояній и привилегій власти, искупаетъ свою вину. Продолжая усовершенствовать всѣ орудія труда — творческаго и разрушительнаго — онъ, наконецъ, изобрѣлъ оружіе, и могущественное, и всѣмъ доступное, — именно оружіе огнестрѣльное. Общедоступность оружія позволяетъ наиболѣе сильнымъ государствамъ увеличить численность своихъ армій и на первыхъ порахъ какъ будто укрѣпляетъ ихъ власть. За большими государствами потянулись и меньшія. Соревнованіе ихъ приводитъ къ тому, что правительства, забывъ древній завѣтъ о томъ, что ношеніе оружія есть величайшая привилегія правящаго меньшинства, вынуждены вооружить всю націю.

§ 43. Установленіе всеобщей воинской повинности — вотъ центральное событіе, измѣнившее ходъ всей исторіи человѣчества. Власть попала въ ею-же сотканныя сѣти. Въ теченіе столѣтій она разжигала національное чувство, видя въ немъ вѣрнѣйшій оплотъ своей власти. И вотъ національныя соперничества привели къ необходимости превратить весь народъ въ тяжело-вооруженныхъ, въ дружину, въ держателей силы, которую онъ, конечно, используетъ въ своихъ интересахъ. Передъ нами любопытный примѣръ взаимнаго ослѣпленія власти и труда. Государственная власть видѣла во всеобщей воинской повинности единственный оплотъ своей силы, не понимая, что она сама вооружаетъ грядущую революцію. Съ другой стороны, трудящіяся массы встрѣтили эту повинность съ плачемъ, не понимая, что рекрутчина даетъ имъ хартію благородства, дѣлаетъ ихъ витязями, рыцарями, всадниками. Былъ моментъ, — въ серединѣ девятнадцатаго вѣка, — когда правительства, если-бы они дѣйствовали съ открытыми глазами, могли еще задержать ходъ революціи, сдѣлавъ, напримѣръ, изъ службы въ артиллеріи и флотѣ исключительную привилегію господствующихъ классовъ. Но моментъ упущенъ, и теперь никакая сила въ мірѣ не въ состояніи вырвать оружіе изъ рукъ трудящихся классовъ и помѣшать имъ свергнуть съ себя иго доминаціи. Правда, хитроумная Англія, умудренная русскими событіями, воз-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вращается къ арміи наемниковъ, но островъ материку не указъ. Любопытно, что политика разоруженія оказалась временно враждебной интересамъ рабочихъ.

Историческая часть.

§ 44. Въ исторической перспективѣ четыре господствующихъ класса — одинъ вслѣдъ за другимъ — держали власть надъ трудомъ: іерократія, автократія, демократія и, наконецъ, соціалъ-демократія въ лицѣ наиболѣе послѣдовательныхъ сторонниковъ этой доктрины — коммунистовъ.

§ 45. Духовный мечъ, мечъ мнимой силы достигъ власти раньше, чѣмъ мечъ силы реальной. Жрецы, шаманы, колдуны, прорицатели — вотъ властодержцы первобытнаго общества, такъ что въ сущности умственный трудъ былъ первымъ властелиномъ земли.

Интересы жрецовъ были наиболѣе скромные изо всѣхъ: кормиться на счетъ народа, «жрать» жирные куски приносимыхъ жертвъ. Оттого культъ жертвоприношеній составлялъ центръ первобытныхъ религій. Эти первые властодержцы были въ сущности мирные рантье, первые досужіе люди, свободные отъ опасностей войны и отъ трудовъ охоты, ютившіеся въ глубинѣ своихъ капищъ и безпечно отращивавшіе себѣ лѣнивые животы. Эти свои скромные интересы жрецы вынуждены были маскировать общеполезной идеей. Они становятся посредниками между человѣкомъ и божествомъ, высшей силой, благодѣтельной или карающей, смотря по значительности приносимой ей жертвы. Божество справедливо, и жрецы, — вѣщая волю божества, — охраняютъ святыню присяги, вѣрность союзовъ, словомъ, стоятъ на стражѣ основъ общежитія. Однако, идея божественной справедливости, подъ вліяніемъ эгоистическихъ интересовъ касты, невольно искажается, и посредничество между людьми и божествомъ вырождается въ магію оракуловъ, гаданій, угрозъ. Жрецы эксплоатируютъ врожденное людямъ чувство страха, торгуютъ человѣческимъ страхомъ, подобно тому какъ игорные дома торгуютъ надеждой. Вопросъ объ искренности и тутъ оказывается праздным; ложь и правда, обманъ и самообманъ неразрывно слиты въ каждомъ религіозномъ культѣ.

Но идея высшей силы, хотя-бы искаженная жреческимъ эгоизмомъ, разъ высказанная, начинаетъ жить самостоятельной жизнью, и культъ жертвоприношеній, имѣвшій первичной цѣлью накормить касту праздныхъ храмослужителей, разростается и расцвѣтаетъ идеей о Голгофѣ, о жертвѣ бога за людей. Въ досужей тишинѣ храмовъ восходятъ первые ростки философіи и науки. Власть жрецовъ надъ жизнью сказы-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вается не тамъ, гдѣ они ее искали, а помимо ихъ интересовъ и вопреки имъ. Неумолимый законъ діалектики сбылся надъ теократіей, какъ и надъ всѣми господствующими классами. Достигнувъ своей цѣли, устроивъ себѣ обезпеченную праздную жизнь за спиною воиновъ и рабочихъ, жрецы облѣнились, оплыли жиромъ, жезлъ власти выпалъ изъ ихъ пухлыхъ, безсильныхъ рукъ и былъ поднятъ могучимъ мускулистымъ кулакомъ военной силы. Тутъ даже не было борьбы, а невольно-добровольный отказъ отъ власти и передача ея въ другія болѣе сильныя руки.

§ 45. Власть надъ трудомъ на много столѣтій становится достояніемъ царей и ихъ военныхъ дружинъ. Изъ всѣхъ формъ доминаціи власть царей была самой жестокой, но въ то-же время самой логичной и устойчивой. Опиралась эта власть, какъ выше было сказано, на силу оружія, на магію патріотизма и дисциплины, и на лжесвидѣтельство церкви. Интересы царской доминаціи были тѣ-же, что и всѣхъ прочихъ видовъ доминаціи, — жизнь на счетъ чужого труда, но она не довольствовалась кусками жертвеннаго мяса и частью урожая, а требовала всей доступной на землѣ роскоши: «и лучшихъ рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ, и юношей вашихъ лучшихъ, иословъ вашихъ царь возьметъ и станетъ употреблять на свои дѣла, да и сами вы будете ему рабами». Царская доминація откровенно грабила трудъ милостью желѣза и милостью божьей, но при этомъ съ огромнымъ искусствомъ использовала методъ логическаго завершенія интересовъ своихъ противниковъ. Для того чтобы утвердить свою неограниченную власть надъ всѣми, цари октроировали всѣмъ частицу этой неограниченной власти, каждому въ предѣлахъ его вліянія, — отцу семейства надъ дѣтьми, хозяину надъ рабами, помѣщику надъ крѣпостными. Логически завершая эти частичныя самодержавства, царь (конечно, вполнѣ искренно!) смогъ объявить себя отцомъ своихъ подданныхъ и хозяиномъ всей ихъ земли.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всю эту сложную сѣть насилій и фикцій, царская власть вынуждена была закутать свои интересы въ пышный покровъ общеполезной возвышенной идеи. То была идея закона, равнаго для всѣхъ права, доступнаго всѣмъ суда. Цари сперва лично судили народъ, потомъ велѣли судить своимъ именемъ. Казалось-бы, что власть, неограниченно царившая надъ всѣми безъ различія, могла творить надъ всѣми безпристрастный и нелицепріятный судъ. Но, по обыкновенію, эта общеполезная идея была немедленно изуродована скрытыми за нею интересами. Автократія, управлявшая посредствомъ дружины, использовала свое право издавать законы для того, чтобы создавать привилегіи для дружинниковъ. Законъ и привилегіи — два

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

понятія, исключающія одно другое. Законность постулируетъ равенство, l'égalité заключаетъ въ себѣ égalité. Это внутреннее противорѣчіе, будучи раскрыто съ ходомъ исторіи, и привело къ крушенію автократіи.

§ 46. Автократія была наиболѣе грабительскимъ изъ всѣхъ режимовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе устойчивымъ. Тѣни и свѣтъ какъ будто уравновѣшивались въ немъ. Съ одной стороны — безграничный произволъ, полное попираніе человѣческой личности, грабежъ наверху, взяточничество внизу режима. Но эти злоупотребленія отчасти искупались обаяніемъ силы, въ особенности въ первую, героическую эпоху автократіи. Высшими благами жизни пользовались наиболѣе сильные, тѣ, которые, замѣнивъ грубый трудъ военными упражненіями, создавали высшій типъ человѣческой расы. Гомеровскій базилевсъ, средневѣковой рыцарь, король воинъ возбуждали въ народѣ не только страхъ, но и благоговѣніе, которое неразрывно связано съ понятіемъ о единомъ. Ручной трудъ, осужденный на вѣчное рабство, не зналъ безвыходной муки нынѣшней безработицы. Умственный трудъ, меценатски, по собачьи, подкармливаемый крохами съ господскаго стола, работалъ съ единственной цѣлью угодить, создавать роскошное, изысканное, собранное въ одномъ центрѣ, неповторяемое, образцово-стильное. Идея единаго, олицетворенная въ автократѣ и искаженная въ его лицѣ, продолжала жить и свѣтиться помимо его воли и вопреки ей.

§ 47. Сумерки автократіи наступили по общему діалектическому закону. Автократія имѣла своею цѣлью освободиться отъ унизительнаго труда и пользоваться его лучшими продуктами, силой оружія и магіей власти. Но, чтобы пользоваться продуктами чужого труда, брезгливая автократія вынуждена была защищать этотъ столь для нея необходимый, хотя и унизительный самъ по себѣ трудъ, поощрять ремесла, промыслы, торговлю и даже поступиться въ ихъ пользу частицей своихъ привилегій. Автократія вынуждена была согрѣвать на своей груди своего непримиримаго, стариннаго врага — творческій трудъ и новаго врага — новорожденный капиталъ, который на глазахъ власти выросъ и захватилъ вліяніе безъ помощи оружія, въ сторонѣ отъ государства, отъ родины, отъ церкви. Автократія не замѣтила, что продукты труда сами по себѣ обладаютъ магической силой властодержавства. Ферментомъ въ этомъ процессѣ оказался опять умственный трудъ. Съ одной стороны, онъ своими техническими открытіями далъ промышленности машины и націи — оружіе, а съ другой — онъ, какъ мыслитель, раскрылъ противорѣчіе между закономъ и привилегіями. Автократія, поддерживаемая привилегіями, не могла устоять противъ на-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тиска соединившихся противъ нея всѣхъ непривилегированныхъ классовъ общества.

§ 48. Съ побѣдой революціи власть вмѣстѣ съ королевскимъ тономъ очутилась на улицѣ: подбирай кто можетъ. Революція была дѣломъ всѣхъ непривилегированныхъ классовъ, всего народа, за исключеніемъ аристократіи, и совершилась революція подъ лозунгомъ свободы. На первыхъ порахъ народъ вѣрилъ, что свобода и есть отрицаніе привилегій. Но на дѣлѣ свобода оказалась идейной маской для новыхъ привилегій, для интересовъ новыхъ властодержцевъ. На мѣстѣ одной автократіи народъ послѣ революціи очутился подъ властью двухъ господъ: политикановъ и капиталистовъ.

§ 49. Политическія партіи, замѣнивъ собою убитую монархію, сохранили весь механизмъ прежней власти — бюрократію, армію, полицію, суды, и только на мѣстѣ монарха-властелина одноголоваго и часто безголоваго — поставили себя самихъ въ лицѣ многоголоваго и столь-же часто безголоваго парламента. Интересы политикановъ остались тѣ-же, какіе были у всѣхъ властодержцевъ, — возможность жить на счетъ чужого труда и распоряжаться чужой судьбой. Неизмѣнными остались прежнія маски и возвышенныя идеи, за которыми скрывались эти интересы, — національное самолюбіе, патріотизмъ, военная доблесть, дисциплина, вражда къ сосѣдямъ. Демократія даже усилила дозу національнаго яда, и уже вожди революціи провозглашали святость единой и нераздѣльной родины, такъ что революціонеръ и патріотъ одно время были синонимами.

Однако одна магія была безвозвратно потеряна для демократіи — магія божественнаго избраничества, божьей милости. Ее пришлось замѣнить другою магіей — народнаго избранничества, народной милости. Политиканы убѣдили народъ, что, имѣя свободу выбора посадить себѣ на шею того или другого политикана, онъ, народъ, этимъ самымъ осуществляетъ свою политическую свободу и проявляетъ свою верховную власть, и что господство этихъ самыхъ политикановъ и есть настоящее народовластіе, демократія.

Идеалъ свободы самъ по себѣ и прекрасный, и желанный, но политиканы, скрывая за нимъ свои интересы, исказили его до неузнаваемости. Та свобода слова, печати, собраній, которою такъ чванятся современныя конституціи, въ дѣйствительности нечто иное, какъ орудіе въ рукахъ новѣйшихъ властодержцевъ. Политиканы знаютъ, что свободу слова, собраній, печати используетъ никто иной, какъ они-же—политическіе болтуны и краснобаи, ибо при такъ называемомъ демократическомъ режимѣ бойкій языкъ и бойкое перо—единственные проводники къ власти. Политическія митинги и печать,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

это тѣ самыя курильни опіума, гдѣ народъ одурманивается обѣщаніями и лестью, — двумя новыми видами оружія, болѣе могущественными и неодолимыми, чѣмъ перуны Зевеса и стрѣлы Аполлона. Если-же на митингахъ или въ печати иногда прозвучитъ голосъ труда, то политиканы этимъ не смущаются, ибо ихъ интересуетъ не голосъ истины, а большинство голосовъ. Большинство-же, они увѣрены, всегда будетъ за нихъ, хотя-бы потому, что народъ въ теченіе столѣтій привыкъ и въ области политики, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ, мыслить не синтетически, а аналитически, при помощи дедукціи, а не индукціи. Народъ привыкъ думать, что есть какой-то самостоятельный, первобытный источникъ власти, откуда она изливается на нѣсколько подчиненныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь изливаетъ благодать власти на другіе подчиненные органы до послѣднихъ мельчайшихъ степеней. При такомъ представленіи народъ долженъ-же избрать кого-нибудь для власти, такъ какъ весь народъ въ цѣломъ не можетъ самъ собою править. И получается вотъ что. Народъ—первый фиктивный первоисточникъ власти — выбираетъ парламентъ — второй фиктивный первоисточникъ, который выбираетъ главу государства — третій фиктивный первоисточникъ власти, который, наконецъ, выбираетъ или предлагаетъ выбрать министровъ — уже дѣйствительные первоисточники власти, откуда власть чрезъ многочисленные каналы разливается по департаментамъ, канцеляріямъ, которыя держатъ въ рабствѣ суверенный народъ и питаются на его счетъ. При автократіи было проще и логичнѣе. Фиктивнымъ первоисточникомъ власти былъ Богъ, уступавшій свою власть на землѣ королю, а черезъ него министрамъ и такъ далѣе.

Нельзя думать, что суверенный народъ не понимаетъ, что демократическій режимъ его дурачитъ, но при своемъ аналитическомъ пониманіи власти ему ничего не остается дѣлать, какъ подать избирательный бюллетень въ пользу того, кто больше обѣщаетъ и лучше льститъ. Ужъ если власть государственная необходима, то почему не избрать того, у кого языкъ лучше повѣшенъ? Такой краснобай пробьетъ себѣ дорогу въ парламентѣ и сможетъ быть полезенъ. Все измѣнится, когда трудъ—физическій и умственный—возьметъ власть въ свои руки. Власть труда есть эманація самаго труда, имѣетъ своимъ первоисточникомъ трудъ и въ немъ-же остается, никуда не изливаясь. Двуединый трудъ можетъ избрать своего представителя для опредѣленной функціи, обусловленной интересами труда. Самодержавный трудъ, уничтоживъ всѣ фикціи, освободившись отъ профессіоналовъ власти, ни въ какихъ хартіяхъ и гарантіяхъ свободы не нуж-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

дается. Онъ свободенъ потому, что все, что не есть трудъ, уничтожено имъ.

§ 50. Парламентъ, состоящій изъ профессіоналовъ власти, принято считать головой націи, головой, которая думаетъ за всѣхъ и создаетъ законы, обязательные для всѣхъ. Но парламентъ состоитъ изъ партій, вѣчно враждующихъ между собой, и если сравнить парламентъ съ головой, то развѣ съ головой, въ которой царитъ постоянный разбродъ противорѣчивыхъ мыслей и цѣлей. На каждый вопросъ парламентъ одновременно отвѣчаетъ и да, и нѣтъ, и н-да, и можетъ быть. Страна съ равнодушіемъ относится къ этой умственной сумятицѣ, отлично зная, что всѣ эти разнорѣчивые отвѣты продиктованы не интересами труда и не знаніемъ дѣла, а партійными комбинаціями и интригами. Какой-бы отвѣтъ ни собралъ въ свою пользу большинство голосовъ, трудъ всегда будетъ въ убыткѣ. Но какъ велика должна быть абсурдность режима, если въ немъ единственнымъ мѣриломъ истины оказывается большинство голосовъ. Что сталось-бы съ истинами науки,техники, философіи, если-бы для повѣрки ихъ выносили на форумъ и подвергали всеобщему голосованію. Политика, по существу своему, абсурдна и безнравственна.

§ 51. Политическія партіи въ демократіи пользуются только половиной власти, другая половина находится въ рукахъ капитала. Въ сущности и при автократіи богатство фактически властвовало надъ трудомъ. Однако при феодальномъ строѣ промышленникъ и купецъ изъ благоразумія скрывали свои когти: неровенъ часъ, и все ихъ богатство могло быть конфисковано барономъ или самимъ королемъ. Теперьже при режимѣ свободы страхи исчезли. По-прежнему капиталистъ не претендуетъ на показную сторону власти, на почетъ официальныхъ титуловъ, скромно довольствуясь тою незамѣтною для толпы властью, которою онъ пользуется у себя на фабрикѣ, въ банкѣ, въ магазинѣ и тѣмъ почетомъ, который официозно ему доставляетъ роскошь обстановки, его не историческій дворецъ, не укрѣпленный замокъ, его автомобили, его яхта. Но уже за то свою роскошь капиталистъ-демократъ выставляетъ на показъ съ чванствомъ и дерзновеніемъ, по-истинѣ, героическимъ. Безъ стыда и безъ страха, самодовольный и неприступный, онъ самоувѣренно пробирается и проталкивается среди толпы имъ-же обездоленныхъ жертвъ, будучи физически слабѣе каждаго изъ нихъ, но, очевидно, обладая какою-то магическою невидимою силой. Въ чемъ-же эта магія заключается?

§ 52. Интересы капиталистовъ слишкомъ очевидны: тутъ нечего разоблачать, ибо сами капиталисты, въ отличіе отъ другихъ властодержцевъ, своихъ интересовъ не скрываютъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Заключаются эти интересы въ самихъ «интересахъ», въ томъ значеніи, какое это слово имѣетъ на французскомъ языкѣ, — въ процентахъ, въ прибыли, въ наживѣ на счетъ чужого труда. Но, не скрывая своихъ интересовъ, капиталисты все-же считаютъ нужнымъ стыдливо накинуть на нихъ вуаль возвышенной идеи. Идея эта оказывается та-же самая, какою щеголяютъ политиканы, именно свобода. Революція, — скажетъ вамъ капиталистъ въ оправданіе своего богатства, — уничтожила привилегіи и предоставила каждому гражданину право использовать свои силы и способности для достиженія роскоши и богатства. Жизнь превратилась въ арену, въ ристалище по принципу свободы и равенства. Всякій равно свободенъ участвовать въ состязаніи на призъ.

§ 53. При этомъ забываютъ, что состязаніе возможно лишь тогда, когда всѣ участники находятся въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ достиженія. Если на одного участника надѣнутъ вериги, а другому оставятъ свободу движеній, то исходъ бѣговъ заранѣе извѣстенъ. Революція отмѣнила привилегіи сословныя, но сохранила привилегіи классовыя. Впрочемъ, на обманный характеръ демократической свободы и демократическаго равенства столько разъ указывалось, что объ этомъ предметѣ излишне распространяться. Декларація правъ человѣка—одинъ изъ самыхъ ловкихъ фокусовъ, которыми власть когда-либо отводила глаза труду.

§ 54. Но, помимо жонглированія идеаломъ свободы, капиталъ съ большимъ искусствомъ сумѣлъ использовать методъ доведенія до крайнихъ логическихъ выводовъ тезисовъ своего противника. Рабочій, получая плату за свой трудъ, считаетъ эту плату и тѣ предметы, которые онъ за эти деньги пріобрѣтетъ, своею неприкосновенной частной собственностью. Крестьянинъ собранный имъ урожай и вырученныя за него деньги также считаетъ своей неприкосновенной собственностью, которую онъ будетъ защищать, какъ говорится, до послѣдней капли крови. Эту инстинктивную привязанность рабочаго къ своему заработку капиталъ развилъ логически и возвелъ въ принципъ частной собственности. Зачѣмъ ему охранять свои сундуки съ золотомъ? Бѣднякъ, запирающій на ключъ свою убогую конуру, этимъ самимъ становится на стражѣ дворцовъ и банковъ. Отмѣнить-же частную собственность невозможно, не измѣнивъ природы человѣка. Экономика и психологія переплелись въ нераспутываемый узелъ, на горе труду и на радость капиталу. Разрубить этотъ узелъ, оставаясь въ области распредѣленія, кажется невозможнымъ. Этотъ подвигъ можно совершить только въ области производства, и одинъ умственный трудъ призванъ его совершить.

§ 55. Наконецъ, капиталъ, хотя непосредственно и не вооруженъ, однако опирается на силу оружія, благодаря по-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

собничеству политикановъ. Связь между капиталомъ и демократическимъ режимомъ несомнѣнно существуетъ, но связь эту было-бы ошибочно считать неразрывной. Демократическое правительство, какъ всякое другое, жизненно заинтересовано только въ одномъ: въ собираніи податей для прокормленія себя и своей многочисленной государственной челяди. Крупный-же капиталъ отъ платежа налоговъ всегда, благодаря своимъ связямъ, увертывается. Узы, соединяющія демократическое правительство съ капиталомъ, скорѣе моральнаго, то-есть имморальнаго характера. И этатизмъ, и капитализмъ живутъ на счетъ труда и оба одинаково заинтересованы въ сохраненіи современнаго строя. Наконецъ, вождей демократіи и капиталистовъ объединяетъ одинаковый роскошный образъ жизни, одинаковые навыки и замашки. И все-таки надо помнить, что между этими двумя властодержцами внутренней связи нѣтъ, и легко можно себѣ представить политикановъ, которые будутъ паразитствовать на счетъ бѣдныхъ классовъ народа, пренебрегая богатыми.

§ 56. Но въ настоящее время между представителями демократическаго двоевластія существуетъ не соперничество, а сотрудничество. Государство какъ будто держится нейтрально, въ сторонѣ отъ конфликта между пролетаріатомъ и патронатомъ, но, защищая порядокъ, по неволѣ становится на сторону капитала. И зрѣлище солдатъ, то-есть одѣтыхъ въ мундиры рабочихъ, усмиряющихъ рабочій бунтъ противъ хозяевъ, — одно изъ самыхъ поразительныхъ въ томъ огромномъ гипнотическомъ сеансѣ, который разыгрывается на нашихъ глазахъ на аренѣ политической и соціальной жизни. Отрава власти такъ сильна, что малѣйшей ея дозы достаточно, чтобы лишить разума и развратить простыхъ, честныхъ людей и натравить ихъ противъ своихъ братьевъ и себя самихъ.

§ 57. Вопросъ объ искренности и тутъ, какъ всегда, надо совершенно исключить изъ нашего анализа. Среди политическихъ дѣятелей демократіи честные люди составляютъ большинство. Не ихъ вина, что власть валяется на улицѣ, и что путь къ ней ведетъ не черезъ спальню и ризницу, какъ это было при короляхъ, а черезъ митинговый залъ и кабакъ. Они искренно убѣждены, что народъ, безъ ихъ просвѣщенной опеки, свалится въ пропасть анархіи и беззаконія. Они искренно вѣрятъ, что адвокатъ, который вчера былъ военнымъ министромъ, а сегодня сталъ министромъ финансовъ, чтобы завтра стать во главѣ всѣхъ министерствъ, — что этотъ всезнающій невѣжда вписалъ свое имя въ скрижали безсмертія и что другой адвокатъ или врачъ, который свалилъ это министерство, чтобы составить другое, которое черезъ мѣсяцъ уступитъ мѣсто первому, — творятъ исторію.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

§ 58. Такое мнѣніе политикановъ о своемъ собственномъ значеніи тѣмъ понятнѣе и простительнѣе, что демократическій режимъ, какъ всякая изжитая форма соціальнаго строительства, была неизбѣжной и слѣдовательно, полезной ступенью историческаго процесса, и вмѣстѣ со зломъ принесла частицу добра. Зло политиканства заключается въ его существованіи. Это лишнее колесо въ соціальной колесницѣ. Демократическіе бюрократы въ лучшемъ случаѣ формалисты, мѣшающіе труду, въ худшемъ взяточники, ибо бюрократовъ расплодилось при этомъ режимѣ столько, что бюджетнаго корма для нихъ не хватаетъ. Демократія лишила власть всякаго обаянія въ глазахъ націи, превративъ ее въ предметъ особой предвыборной спекуляціи и парламентскихъ интригъ. И тѣмъ не менѣе, за демократіей имѣется крупный историческій активъ. Занимаясь интригами въ избирательныхъ комитетахъ и за парламентскими кулисами, народные избранники въ самомъ парламентѣ вынуждены дѣйствовать, или, вѣрнѣе, произносить рѣчи открыто и отъ времени до времени давать своимъ избирателямъ отчетъ въ своей дѣятельности. Явныя злоупотребленія властью стали менѣе часты. Угроза отвѣтственности, хотя почти всегда фиктивная, все-же въ принципѣ виситъ надъ каждымъ политиканомъ, достигшимъ власти.

Затѣмъ, также въ принципѣ, власть стала привилегіей временной, а не пожизненной и не наслѣдственной. Избранные на срокъ депутаты и министры только проходятъ черезъ дворцы, построенные прежней властью, а не заживаются въ нихъ, и стоятъ народу нѣсколько дешевле, чѣмъ стоили прежніе жильцы.

§ 59. Что касается класса капиталистовъ, то, конечно, и среди нихъ много людей искреннихъ и честныхъ, глубоко убѣжденныхъ въ томъ, что наживаясь на счетъ чужого труда, выжимая послѣдніе соки изъ труда ручного и эксплуатируя всѣ изобрѣтенія труда умственнаго, они служатъ дѣлу культуры и прогресса и что безъ ихъ иниціативы мы бы еще ютились въ шатрахъ номадовъ. Собственниковъ желѣзной дороги или фабрики, или парохода трудно убѣдить въ томъ, что не они построили эту дорогу, фабрику и пароходъ, а инженеры, техники и рабочіе, и что ихъ, капиталистовъ, роль заключалась только въ томъ, что они «рисковали» своимъ капиталомъ въ дѣлѣ, въ которомъ имъ принадлежитъ и «иниціатива». Конечно, рисковали, ибо если-бы капиталистъ не рисковалъ своимъ то-есть награбленнымъ у труда — капиталомъ, то спрашивается что-бы онъ вообще дѣлалъ?

Но капиталистъ вложилъ въ дѣло свою «иниціативу». Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать различіе между капиталистомъ, внесшимъ въ предпріятіе свою

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

находчивость, свой дѣловой опытъ и являющимся умственнымъ работникомъ, и капиталистомъ, который эксплутируетъ чужую мысль и чужой опытъ. Капиталиста-работника можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ беретъ себѣ непомѣрно крупную долю прибыли, въ сравненіи съ другими работниками. Но большею частью иниціатива предпріятія принадлежитъ не капиталисту, а умственному труду. Обыкновенно умственный трудъ ищетъ финансиста, чтобы осуществить свою идею, а не наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ, у капитализма передъ исторіей есть нѣкоторое оправданіе въ томъ, что онъ такъ или иначе участвовалъ въ культурномъ строительствѣ, хотя-бы тѣмъ, что игралъ роль бича надъ спиною ручнаго труда, которому при капиталистическомъ строѣ оставался выборъ между изнурительнымъ трудомъ и голодной смертью, — ибо ручной трудъ, особенно въ тяжелыхъ его формахъ, — за однообразнымъ станкомъ, подъ землею, въ шахтахъ, въ канализаціонныхъ подземельяхъ, — не можетъ совершаться безъ принужденія до тѣхъ поръ, пока трудъ не станетъ хозяиномъ всего производства.

Но это снихожденіе относится къ капитализму активному, промышленному, торговому и финансовому. Кому-же нѣтъ оправданія и снисхожденія, такъ это той соціальной плѣсени, которая тратитъ на свои туалеты и украшенія, на свой комфортъ и спортъ половину, а то и больше всего національнаго труда. При феодальномъ строѣ роскошь доставалась наиболѣе сильнымъ, а сила, военная доблесть создавала высшій зоологическій типъ. Буржуазные-же изнашиватели, всѣ эти праздные участники какого-то вѣчнаго житейскаго праздника, считающіе себя избранниками человѣчества, гипнотизируютъ воображеніе націи, становятся заказчиками предметовъ и законодателями жизни, которымъ стараются подражать и средняя буржуазія, и даже трудъ — умственный и ручной. Изнашиватели принизили современный строй душевный, создали атмосферу пошлости, въ которой философская и религіозная мысль идетъ ключемъ ко дну. Этотъ налетъ радужной плѣсени исчезнетъ, какъ только хозяиномъ производства и заказчикомъ предметовъ сдѣлается трудъ и жизнь превратится въ праздникъ не празднотратящихъ, а трудящихся и творящихъ.

§ 60. Демократическое правительство опирается не на какой-либо опредѣленный классъ, а на все населеніе, вербуетъ голоса всѣхъ избирателей, и потому всегда осуждено балансировать на канатѣ. Оно одновременно заботится объ интересахъ, находящихся между собою въ непримиримомъ конфликтѣ. Оно для виду принимаетъ мѣры для облегченія участи рабочихъ на фабрикахъ, издаетъ фабричные законы,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

охраняетъ женскій и дѣтскій трудъ, и въ то-же время защищаетъ частную собственность на орудія производства — истинную причину всѣхъ страданій рабочаго класса. И къ умственному труду она относится съ тою-же двойственностью. Оно какъ будто окружаетъ умственный трудъ почетомъ и въ то-же время держитъ въ черномъ тѣлѣ учителей и профессоровъ, а своимъ законодательствомъ о литературной собственности и привилегіяхъ отдаетъ умственный трудъ на разграбленіе капиталу. И все-же въ интересахъ справедливости слѣдуетъ сознаться, что изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ режимовъ режимъ демократическій оказался для умственнаго труда наиболѣе сноснымъ и наименѣе унизительнымъ. Такое снисходительное отношеніе къ умственному труду объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что большинство политикановъ сами вышли изъ интеллигенціи и вначалѣ были умственными работниками, но потомъ, соблазнившись, свернули съ прямого пути труда на извилистый путь политики.

§ 61. Что-же касается отношенія капитализма къ труду, то относительно ручного труда это отношеніе можетъ быть выражено краткой формулой: палачъ и жертва. Капитализмъ создалъ изъ рабочаго странное парадоксальное существо — свободнаго раба, добровольнаго невольника поневолѣ.

Съ такой-же свирѣпостью капиталъ эксплуатируетъ и умственный трудъ. Все творчество ученыхъ, техниковъ, писателей, художниковъ идетъ въ пользу фабрикантовъ, купцовъ, издателей, посредниковъ, оставляя самимъ творцамъ жалкія крохи. Насъ, умственныхъ работниковъ, капиталъ эксплуатируетъ не меньше, чѣмъ пролетаріатъ, и, можетъ быть, даже больше, принимая во вниманіе скрытую въ нашемъ трудѣ энергію, но наши цѣпи никелированы, и издали ихъ можно принимать за украшенія. Всего лишь за послѣднее время — и въ одной Франціи — умерли въ нищетѣ умственные работники, мысль которыхъ принесла милліоны какимъ-то невѣждамъ-финансистамъ, Шарль Телье, изобрѣтатель искусственнаго холода, Фернандъ Форэ, отецъ автомобилизма, Адеръ, изобрѣтатель авіаціи, Руссэнъ, Дюко дю-Горонъ, — этому списку нѣтъ конца... За то если умственному работнику удается «выйти въ люди», или просто, когда его служба нужна, капиталъ дѣлаетъ видъ, что обращается съ нимъ, какъ съ равнымъ, сажаетъ его за свой столъ, подаетъ ему руку. И поступаетъ такъ капиталъ не изъ уваженія къ мысли и знаніямъ. Въ душѣ онъ считаетъ и инженера, и врача, и писателя, и актера своей привилегированной челядью, чѣмъ-то вродѣ ученой прислуги. Но онъ оказываетъ умственному труду внѣшніе признаки уваженія лишь съ цѣлью скомпрометировать его своею дружбой въ глазахъ пролетаріата. Ибо ничего такъ не страшится буржуазія, какъ союза

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

между обѣими отраслями труда, предчувствуя, что когда эти два полюса труда близко сойдутся, то родится искра, которая сожжетъ мгновенно, испепелитъ всю ложь и все насиліе двоевластія государства и капитала.

§ 62. Фатумъ діалектическаго самоубійства сбывается надъ режимомъ демократически-капиталистическимъ, какъ онъ сбывался надъ предшествовавшими режимами. Демократія погибаетъ отъ того, что въ ней было наилучшаго. Идеалъ свободы, за которымъ она прятала свои интересы, свобода слова и печати, сходокъ, которыя нужны были политиканамъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, привели къ результатамъ, которыхъ политиканы не ожидали. Они пробудили сознаніе массъ, которыя поняли, что политическая свобода, которая сводится къ праву послать въ парламентъ одного изъ двухъ-трехъ кандидатовъ, въ сущности тождественна со свободой выбора, которая представлялась опальнымъ сановникамъ восточныхъ деспотій между кинжаломъ, ядомъ и веревкой. При невѣрномъ свѣтѣ политическаго равенства народъ еще острѣе увидѣлъ позоръ своего экономическаго неравенства, а вѣдь жизнь — это экономика, и политика не больше чѣмъ бѣдная ея тѣнь. Рабочія массы поняли, что, участвуя въ революціи противъ феодальныхъ привилегій, они сами помогли возникновенію новыхъ привилегій еще болѣе тяжелыхъ и унизительныхъ.

Отъ этихъ новыхъ привилегій всего больше пострадалъ рабочій классъ, которому всего рѣзче бросалось въ глаза постоянно ростущее неравенство состояній. Въ ста шагахъ отъ фабрики — этого прокопченнаго ада, возвышалась свѣтлая комфортабельная обитель хозяина, и рабочій, отправляясь на каторжный трудъ и возвращаясь въ свой грязный уголъ, проходилъ мимо недоступнаго ему рая, построеннаго на счетъ его труда и его страданій. Этотъ флигель патрона олицетворялъ въ глазахъ рабочаго весь обманъ политической революціи и всю призрачность политическаго равенства, замѣнившаго юридическое равенство при монархіи.

Послѣдовавшія революціонныя движенія — въ Англіи, во Франціи, позже въ Германіи, уже носили характеръ чисто экономическій и были дѣломъ исключительно рабочаго класса, а не всего населенія.

§ 63. Одно время можно было надѣяться, что рабочій классъ, наконецъ, прозрѣлъ, и что власти политическихъ партій наступилъ конецъ. Но такъ какъ умственный трудъ еще не былъ подготовленъ къ революціоннымъ выступленіямъ противъ капитала, то въ результатѣ рабочихъ возстаній оказалось не пораженіе и даже не ослабленіе политической доминаціи надъ трудомъ, а образованіе новой политической партіи, усмотрѣвшей въ окрѣпшемъ рабочемъ классѣ выгодного

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

платежеспособнаго кліента и послушнаго избирателя. Образовалась новая политическая партія, назвавшая себя партіей рабочей или соціалъ-демократіей.

§ 64. Рабочей партіей она назвалась не потому, что состояла изъ рабочихъ, защищавшихъ свои собственные интересы. Вождями и душою партіи оставались тѣ-же политиканы, тѣ-же властодержцы, жившіе на счетъ труда, тѣ-же адвокаты чужихъ интересовъ, только избравшіе объектомъ своихъ заботъ не все населеніе противъ одного класса феодаловъ, какъ это дѣлала демократія, а одинъ классъ — именно классъ ручныхъ рабочихъ — противъ всего населенія. Въ этомъ заключалась выгодность позиціи новой партіи. Такъ какъ сущность всякаго политиканства сводится къ выборной агитаціи, то очевидно, что соціалистамъ, защищавшимъ одинъ классъ съ опредѣленными интересами, легче было обѣщать и льстить, чѣмъ демократамъ, защищавшимъ разные классы съ разнообразными и часто противорѣчивыми интересами. Демократія напоминала того анекдотическаго кандидата, который, увлекшись краснорѣчіемъ, обѣщалъ избирателямъ, въ случаѣ своего избранія, расширить на одинъ метръ всѣ улицы ихъ города.

Названіе рабочей партіи оказывалось выгоднымъ еще потому, что путало карты. Въ составъ партіи входили, между прочимъ, въ качествѣ толпы плательщиковъ и членовъ избирательныхъ ячеекъ, и подлинные рабочіе, что создавало фикцію, будто это и есть партія рабочихъ, а не партія политикановъ, живущихъ на счетъ рабочаго класса. Но пропасть, раздѣлявшую рабочую партію отъ рабочаго класса, нельзя было наполнить словами.

§ 65. Названіе «соціалъ-демократія», которое пристало къ партіи въ Германіи и оттуда перешло въ Россію, логически заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. Соціализмъ носитъ характеръ классовый, а демократія — національный. Быть соціалъ-демократомъ значило обречь себя на сидѣніе между двухъ стульевъ. Однако это логическое противорѣчіе имѣло глубокій историческій смыслъ. Оно означало, что соціализмъ, идя на смѣну демократіи, вынужденъ былъ облечься въ ея шкуру, уподобиться ей по своимъ цѣлямъ, средствамъ и пріемамъ. Подобно демократіи, подобно монархіи, соціалъ-демократія была убѣждена въ томъ, что трудъ самъ не справится со своей судьбою, что рабочій классъ нуждается въ заботахъ и попеченіяхъ политикановъ, которые будутъ держать въ своихъ рукахъ власть надъ трудомъ, разумѣется въ интересахъ труда! Однако у новой политической партіи, какъ у всѣхъ прежнихъ властодержцевъ, имѣлись свои собственные партійные интересы, которые заключались въ самой

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

власти и сопряженныхъ съ нею матеріальныхъ преимуществахъ и почетѣ.

§ 66. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая», — заявляетъ Марксъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, — и въ этихъ словахъ сказалась завѣтная тайная мысль партіи. Политическая борьба это борьба за власть. Кто-же будетъ держать въ рукахъ эту власть? Очевидно, не рабочій классъ, мало подготовленный для политической борьбы, а рабочая партія, ея вожди, обладающіе всѣмъ аппаратомъ политиканства — умѣніемъ красно говорить на избирательныхъ митингахъ, искусствомъ обѣщать и льстить.

Вожди и теоретики соціализма нигдѣ, конечно, не заявляютъ открыто, что политическая власть, отнятая у буржуазіи, перейдетъ въ партіи, а не къ самимъ рабочимъ. Вообще теоретики соціализма, всячески стараясь стереть грани между рабочей партіей и рабочимъ классомъ, окутываютъ вопросъ о власти густымъ туманомъ. Не то самъ пролетаріатъ овладѣетъ политическою властью, низвергнувъ власть буржуазіи (§ 34 К. М.), не то этими властодержцами окажутся члены коммунистической партіи, «имѣющей надъ пролетарской массой преимущество, которое даетъ пониманіе условій, хода и общихъ результатовъ пролетарскаго движенія» (тотъ-же §). Ленинъ былъ искреннѣе. Онъ откровенно признаетъ, что рабочій классъ — несовершеннолѣтній и нуждается въ опекѣ партіи. «У рабочихъ не можетъ быть соціалъ-демократическаго сознанія», заявляетъ онъ прямо въ брошюрѣ. «Что дѣлать?» — «Оно могло быть принесено только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонизма... Ученіе-же соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ и экономическихъ теорій, которыя вырабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей. Основатели современнаго научнаго соціализма — Марксъ и Энгельсъ — принадлежали и сами по своему соціальному положенію къ буржуазной интеллигенціи».

Выводъ ясенъ: политическая власть должна находиться въ рукахъ сознательныхъ членовъ партіи, а не полусознательныхъ рабочихъ массъ.

Такимъ образомъ соціализмъ, стремясь къ уничтоженію всѣхъ привилегій, привелъ къ созданію партіи, пользующейся всѣми сопряженными съ властью привилегіями. Вотъ порочный кругъ, изъ котораго соціалистической партіи не выбраться.

§ 67. Соціалъ-демократія пришла къ соисканію власти послѣ всѣхъ и пришла путемъ чисто разсудочнымъ, такъ что ей прежде всего пришлось рѣшить вопросъ, какими сред-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ствами добиваться власти, мирными или революціонными. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и первыхъ порывовъ революціоннаго задора, партія благоразумно остепенилась и избрала тактику «перманентной революціи», то-есть рѣшила, что вначалѣ наступленіе должно вестись ползкомъ, оппортунистски, а уже потомъ, въ концѣ боя, партія бросится въ атаку бѣгомъ. Но и въ первомъ ползучемъ, минимальномъ, демократическомъ, парламентскомъ періодѣ, и во второмъ окрыленномъ, максимальномъ, большевистскомъ періодѣ интересами партіи неизмѣнно оставались власть и привилегіи, съ властью сопряженныя.

Прежде всего партія прибѣгла къ испытанному всѣми властодержавцами методу доведенія до послѣднихъ логическихъ выводовъ тезиса своихъ противниковъ. Такъ какъ демократія провозгласила своимъ лозунгомъ политическое равенство, то соціалисты побудили рабочія массы потребовать всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Въ этомъ смыслѣ партія вполнѣ логично назвалась соціалъ-демократіей. Это означало, что для того чтобы достигнуть соціальнаго идеала, партія рѣшила участвовать въ злѣ и обманѣ буржуазнаго политиканства, и вотъ почему можно назвать соціализмъ явленіемъ мелко-буржуазнымъ, такимъ-же зломъ и такой-же опасностью для труда, какъ демократія.

Но въ дѣйствительности, соціализмъ, при самомъ своемъ зарожденіи, таилъ въ себѣ гораздо большій соблазнъ, бо́льшую опасность для труда, чѣмъ всѣ существовавшіе до него режимы.

§ 68. И вотъ почему. Ни демократія, ни даже абсолютная монархія не могли мечтать о полнотѣ власти, потому что нація представляла конгломератъ противорѣчивыхъ интересовъ, и власти поневолѣ приходилось лавировать между общественными группами, искать поддержки у однѣхъ противъ другихъ. Соціалисты-же, опираясь на одинъ классъ, который можетъ по ихъ расчетамъ доставить имъ большинство и вслѣдствіе этого признавая всѣ другіе классы ненужными, подлежащими истребленію, смогли въ своей жаждѣ власти дойти до конца, и осуществить партійно ту мечту, которой не смогли осуществить Тамерланъ, Александръ Македонскій, Наполеонъ. Соціализмъ пошелъ дальше Polizeistaat, который пытался контролировать только внѣшнюю форму соціальныхъ отношеній, оставляя свободными производство и распредѣленіе. Соціалисты-же, въ вѣчной борьбѣ между властью и трудомъ, возмечтали о власти абсолютной надъ трудомъ. Взять подъ контроль государства, то-есть подъ контроль своей-же партіи, захватившей государственную власть, все разнообразіе соціальной жизни, все производство,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

все распредѣленіе, все потребленіе, учесть всѣ потребности, каждый кусокъ хлѣба, каждый глотокъ воды каждаго обывателя — таковъ былъ чудовищный, какъ будто неисполнимый планъ кабинетныхъ творцовъ соціализма, столь полно и столь трагически выполненный ихъ послѣдовательными и вѣрными учениками — русскими большевиками.

§ 69. Доведенное до послѣднихъ предѣловъ властолюбіе нуждалось, очевидно, въ прикрытіи самыми благородными самоотверженными идеями. Въ отличіе отъ автократіи и демократіи, соціализмъ, который обращается не ко всей націи, а только къ ручному труду, естественно долженъ былъ заговорить языкомъ матеріалистическимъ. Идеалисты отъ матеріализма. Партія признаетъ матеріализмъ общимъ закономъ всѣхъ человѣческихъ отношеній. Но каждый членъ этой партіи является счастливымъ исключеніемъ изъ общаго закона. Всѣ общественныя группы, всѣ классы руководятся въ своей дѣятельности исключительно матеріальными интересами, и Марксъ, вышучивая идеологію буржуазіи, понимаетъ, что «законы, мораль, религія являются въ глазахъ пролетаріата буржуазными предразсудками, за которыми скрываются буржуазные интересы». А вотъ соціалисты, вышедшіе изъ буржуазіи, никакихъ своихъ интересовъ не имѣютъ, а пребываютъ лишь идеологами чужого класса. Откуда такое безкорыстіе? Марксъ объясняетъ это удивительное явленіе тѣмъ, что въ эпохи классовыхъ конфликтовъ всегда небольшая группа отдѣляется отъ господствующаго класса и пристаетъ къ классу революціонному, которому принадлежитъ будущее. Такъ нѣкогда часть дворянства перешла къ буржуазіи, также какъ въ наши дни часть буржуазіи переходитъ къ пролетаріату. Это и есть тѣ буржуазные идеологи, которые «возвысились до теоретическаго пониманія историческаго движенія въ его совокупности».

§ 70. Когда часть дворянства перешла на сторону буржуазіи, она отказалась отъ дворянскихъ привилегій и вошла въ ряды буржуа. Аналогія была-бы вѣрна, если-бы буржуазные идеологи соціализма, перейдя на сторону пролетаріата, отказались отъ буржуазнаго образа жизни, отъ привилегированнаго положенія, связаннаго съ ихъ прежними занятіями и слились съ пролетаріатомъ, стали сами пролетаріями, ручными рабочими. Тогда-бы ихъ интересы носили классово-трудовой характеръ и ни въ какихъ маскахъ и покровахъ не нуждались. Ихъ поведеніе объяснялось-бы чувствомъ самосохраненія: они покинули гибнущій корабль и перебрались на сушу. Но вѣдь этого не случилось. Идеологи соціализма не бросили буржуазнаго образа жизни, не стали за станки рядомъ съ ихъ новыми товарищами по труду, а продолжали свои прежнія занятія политикановъ, адвокатовъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

чужихъ интересовъ и опекуновъ надъ чужимъ трудомъ. Они только перемѣнили кліента, сохранивъ прежнія условія гонорара. При такомъ положеніи дѣла слова Маркса о «революціонномъ классѣ, которому принадлежитъ будущее» получаютъ другой болѣе искренній и реальный смыслъ. Оно означаетъ, что буржуазные интеллигенты, становясь соціалистами, бросаютъ кліента богатаго и берутся защищать интересы кліента бѣднаго, потому что этотъ нынѣ бѣдный кліентъ, благодаря ихъ совѣтамъ и руководству, вскорѣ разбогатѣетъ, ибо ему принадлежитъ будущее, а прежній богатый кліентъ обѣднѣетъ. Тутъ расчетъ простой и ясный.

§ 71. — «Но мы добиваемся политической власти не для себя, — отвѣтятъ соціалисты. Мы боремся за диктатуру пролетаріата. Если-же наша партія беретъ власть въ свои руки, то это лишь временно, — до тѣхъ поръ пока пролетаріатъ не станетъ болѣе сознательнымъ». Увы, весь историческій процессъ происходитъ во времени, и еще не было случая, чтобы властодержцы добровольно отказались отъ власти. Скорѣе можно ожидать противнаго. Добившись власти и болѣе не нуждаясь въ избирательныхъ бюллетеняхъ рабочихъ, партія, увлекаемая роковою силой властолюбія, изъ адвоката и опекуна рабочаго класса сдѣлается его деспотомъ, — при помощи средствъ, испытанныхъ всѣми режимами. При помощи арміи, т. е. тѣхъ-же рабочихъ, одѣтыхъ въ военные мундиры и временно причастныхъ власти. При помощи патріотизма, который въ данномъ случаѣ будетъ означать не любовь къ своему народу, подъ которой скрывалась ненависть ко всѣмъ другимъ народамъ, а любовь къ своему классу, подъ которой будетъ скрываться ненависть ко всѣмъ другимъ классамъ. При помощи дисциплины, — словомъ, при помощи всѣхъ магій и гипнозовъ, на которыхъ держалась автократія и демократія. Къ тому-же, всѣ эти предположенія, давно превращены въ дѣйствительность большевистскимъ режимомъ.

§ 72. Едва-ли, впрочемъ, найдется умный соціалистъ, который сталъ-бы отрицать, что у рабочей партіи имѣются свои интересы, отдѣльные отъ интересовъ рабочаго класса. — Да, скажетъ онъ, партія стремится къ власти, но приравнивать соціалистовъ къ автократамъ и демократамъ только потому, что и они ищутъ власти, значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Интересы всѣхъ донынѣ существовавшихъ политическихъ партій находились въ конфликтѣ съ интересами пролетаріата. Интересы-же нашей соціалистической партіи параллельны интересамъ пролетаріата. Вы скажете, что партія желаетъ націонализировать производство съ тѣмъ, чтобы сосредоточить всю власть надъ производствомъ въ своихъ рукахъ. Допустимъ. Но націонализація производ-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ства спасаетъ пролетаріатъ отъ эксплуатаціи частнаго капитала. Полный параллелизмъ интересовъ. То-же самое въ сферѣ потребленія. Система коммунизма, подчиняющая потребности индивидуальныя требованіямъ коллектива, усилитъ несомнѣнно власть той партіи, которая стоитъ во главѣ коллектива, то-есть партіи коммунистовъ, но эта-же система спасаетъ общество отъ несправедливостей и катастрофъ, связанныхъ съ нынѣшнимъ хаотическимъ индивидуальнымъ хозяйствомъ. Опять-таки параллелизмъ интересовъ. Вы вотъ сами назвали нашу партію адвокатомъ пролетаріата. Интересы адвоката и кліента въ извѣстномъ пунктѣ, конечно, расходятся, именно въ пунктѣ, касающемся гонорара. Но во время всего процесса ихъ интересы солидарны, такъ что въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ во Франціи, адвокатъ на судѣ говоритъ о своемъ кліентѣ въ первомъ лицѣ: «мы» пострадали, «намъ» нанесли уронъ. Поэтому и соціалисты говорятъ о пролетаріатѣ въ первомъ лицѣ, хотя отлично сознаютъ, что принадлежатъ къ разнымъ общественнымъ классамъ. И если, въ самомъ дѣлѣ, соціализмъ выиграетъ передъ исторіей процессъ пролетаріата, если онъ измѣнитъ всѣ условія производства и потребленія въ интересахъ рабочаго класса, неужели въ такомъ случаѣ можно придать какую-нибудь важность вопросу о гонорарѣ, неужели то, что вы называете интересами партіи, то-есть ея нахожденіе у власти и пользованіе нѣкоторыми преимуществами, сопряженными съ властью, неужели все это не исчезаетъ передъ огромнымъ совершеннымъ ею подвигомъ, передъ великой побѣдой, которую она одержала во имя рабочихъ и для рабочихъ. Неужели важно не то, что говорили и что писали, въ поученіе всему человѣчеству, Марксъ, Бебель, Жоресъ, а важно то, изъ сколькихъ блюдъ они съѣдали обѣдъ и изъ сколькихъ комнатъ состояла квартира, которую они занимали?

§ 73. Вотъ что скажетъ намъ умный и добросовѣстный коммунистъ. И мы должны внимательно прислушаться къ этимъ словамъ. Не забудемъ, что если среди монархистовъ и демократовъ мы признали существованіе людей искренныхъ и честныхъ, то среди соціалистовъ такіе люди составляютъ громадное большинство. Будучи политиканами-властодержцами, они въ то-же время — восторженные революціонеры, вѣрующіе въ святость своего дѣла. Вѣдь адвокатъ относится къ своему кліенту иначе, смотря по тому вѣритъ-ли онъ въ его правоту или нѣтъ. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ политическихъ партій соціалисты впервые выступили на защиту труда. Это адвокаты, которые защищаютъ правое дѣло, и если-бы зависѣло отъ ихъ воли, они устроили-бы рай на землѣ. Но въ томъ-то и горе, что конфликтъ между властью и трудомъ происходитъ на глубинѣ, куда не досягаетъ ни

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

воля, ни сознаніе, и также непримиримъ, неустранимъ, какъ та вражда, которая, согласно библейской легендѣ, извѣчно легла между зміемъ и человѣкомъ: онъ будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту.

§ 74. Допустимъ на время, что вопросъ о гонорарѣ играетъ второстепенную роль въ отношеніяхъ между рабочей партіей и рабочимъ классомъ, хотя это значитъ допустить, что образованіе новаго господствующаго класса, обладающаго всѣми привилегіями, которыя даетъ власть, совмѣстимо съ идеаломъ коммунистическаго равенства, къ осуществленію котораго эта партія стремится. Допустимъ на время эту несообразность, и тогда только мы вплотную подойдемъ къ безднѣ, которая раздѣляетъ трудъ и власть.

Чѣмъ оправдываетъ партія свое властолюбіе? Тѣмъ, что пролетаріатъ, представленный себѣ, не сумѣетъ защищать интересы труда противъ эксплуатаціи буржуазіи. Но чтобы возглавить собою рабочій классъ, соціализмъ долженъ былъ — роковымъ образомъ — пытаться обезглавить трудъ, разлучить тѣло труда — ручныхъ рабочихъ — отъ его головы — отъ рабочихъ умственныхъ. Соціализмъ въ интересахъ самосохраненія — вынужденъ былъ признать, что трудъ представленъ только мышцами, а что касается мозга, то это такая ничтожная величина, о которой и говорить не стоитъ.

Вначалѣ партія отнеслась къ умственному труду съ понятнымъ для политикановъ пренебреженіемъ. Добиваясь власти посредствомъ выборовъ, партія естественно должна была все вниманіе сосредоточить на количествѣ голосовъ, а количественно умственный трудъ, конечно, ничтоженъ въ сравненіи съ вѣсомъ костей и мышцъ. Что значитъ избирательные бюллетени десяти химиковъ, инженеровъ въ сравненіи съ тысячами рабочихъ голосовъ? Но подъ этимъ пренебреженіемъ скрывалось иное чувство — чувство страха передъ единственными законными претендентами на власть. Союзъ ручнаго и умственнаго труда означалъ-бы смерть соціалистической партіи, ибо въ такомъ случаѣ власть надъ трудомъ была бы замѣнена самовластіемъ труда. И вотъ партія, опасаясь смерти, умертвила трудъ, ибо, становясь между душою и тѣломъ труда, между творчествомъ и исполненіемъ, она обрекла трудъ на безплодіе.

Такимъ образомъ мы нащупали основной эгоистическій партійный интересъ соціализма и сдѣлали это не съ тѣмъ, чтобы укорять партію въ неискренности, а съ тѣмъ, чтобы понять всю порочность соціалистической идеологіи, искаженной скрытымъ за нею интересомъ. То, что называется научнымъ соціализмомъ, научной соціалистической доктриной, затмеваетъ сознаніе пролетаріата, скрываетъ отъ него, утаиваетъ значеніе умственнаго труда и обольщаетъ его

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

утвержденіемъ, что классъ ручныхъ рабочихъ и есть весь рабочій классъ и что простой мускульный трудъ — мѣрило труда вообще.

§ 75. Соціальная доктрина Маркса, или то, что принято называть научнымъ соціализмомъ, сводится къ слѣдующимъ четыремъ тезисамъ:

1. Все накопленное вѣками національное богатство принадлежитъ по праву пролетаріату, ибо это богатство является ничѣмъ инымъ, какъ накопленіемъ прибавочной стоимости за счетъ недоплаченной рабочимъ рабочей платы. (Капиталъ, Т. 1, Гл. 5, 2).

2. Помимо права на сторонѣ пролетаріата находится и сила. Будучи по праву хозяиномъ всего національнаго богатства, пролетаріатъ, объединенный на большихъ фабрикахъ, можетъ и долженъ экспропріировать экспропріаторовъ, революціонно отнять у частныхъ собственниковъ ихъ имущество и превратить его въ собственность общественную. (К. М. 21, 28, 32, 36).

3. Съ этой цѣлью пролетаріатъ долженъ прежде всего захватить въ свои руки политическую власть, установить свою диктатуру и деспотическими мѣрами измѣнить соціальную структуру общества. (К. М. 22, 34, 52, 53).

4. Освобожденіе пролетаріата будетъ дѣломъ самого пролетаріата, который и будетъ осуществлять диктатуру власти. Однако на первыхъ порахъ бремя власти возьмутъ на себя вышедшіе изъ буржуазіи идеологи-коммунисты, составляющіе авангардъ пролетаріата и имѣющіе передъ пролетарской массой преимущество широты взглядовъ и обхвата соціальнаго движенія въ цѣломъ. (К. М. 25, 34).

Связь между этими четырьмя догматами для насъ теперь ясна. Психологически они слѣдуютъ въ обратномъ порядкѣ:

1. Мы, идеологи-политиканы, хотимъ властвовать надъ трудомъ, замѣнивъ собой прежнихъ политикановъ.

2. Для этого мы должны имѣть на своей сторонѣ количество, ручныхъ рабочихъ, пренебрегая качествомъ — трудомъ умственнымъ.

3. Для этого мы должны убѣдить это количество, что хотя власть будетъ практически находиться въ нашихъ рукахъ, но теоретически это будетъ диктатура пролетаріата.

4. Для этого намъ нужно доказать, что право и сила принадлежатъ только количеству — ручнымъ, рабочимъ, пролетаріату.

Марксъ старался доказать это въ своемъ ученіи о прибавочной стоимости. Съ раскрытіемъ неудачи его попытки все зданіе научнаго соціализма разсыпается въ прахъ.

§ 76. Раньше чѣмъ уступить пролетаріату право на весь національный капиталъ, Марксъ утверждаетъ законъ, со-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

гласно которому цѣнность продукта зависитъ исключительно отъ количества вложеннаго въ него труда. Всякій предметъ производства, всякій фабрикатъ или товаръ есть ничто иное, какъ носитель окристаллизованнаго въ немъ труда. Мѣрило цѣнностей — трудъ, мѣрило труда — время. Трудовой часъ вотъ общая мѣра всѣхъ существующихъ цѣнностей.

Эта объективная трудовая теорія цѣнностей, установленная Марксомъ, подвергалась въ наукѣ рѣзкой критикѣ, и на ряду съ нею выдвинуты другія субъективныя теоріи. Возраженія сводятся къ тому, что цѣнность продукта опредѣляется, помимо количества вложеннаго въ него труда, еще полезностью и необходимостью его въ данный моментъ, а также прихотями вкуса и измѣнчивыми требованіями моды. Возраженія эти, конечно, серьезны, но они, кажется, не колеблютъ основнаго закона о трудѣ, подобно тому какъ полетъ птицы не колеблетъ закона о земномъ тяготѣніи. Полетавъ по воздуху, птица все-же опустится на землю. Точно также, претерпѣвъ временныя колебанія спроса или моды, цѣнность не можетъ не вернуться къ нормѣ труда. Трудовая теорія Маркса можетъ быть признана въ общемъ вѣрной, и мы тѣмъ охотнѣе признаемъ ея вѣрность, что судить о выводахъ изъ какой-либо теоріи всего удобнѣе, признавъ ея основоположенія.

§ 77. Итакъ, признаемъ вмѣстѣ съ Марксомъ, что истинная стоимость продукта опредѣляется количествомъ окристаллизованнаго въ немъ общественно-полезнаго труда. Согласно этому закону, цѣна товара на рынкѣ должна была-бы равняться стоимости вложеннаго въ него труда. На самомъ-же дѣлѣ рыночная цѣна товара превышаетъ его трудовую стоимость.

Фабрикантъ купилъ сырья на сумму a, заплатилъ рабочему за превращеніе сырья въ товаръ сумму b, истратилъ при этомъ процессѣ машинъ и матеріала на сумму c. Стоимость товара, такимъ образомъ, должна бы равняться a+b+c. Но фабрикантъ требуетъ за товаръ a+b+c+d и вотъ Марксъ ставитъ роковой вопросъ: откуда берется эта прибавка d, составляющая прибыль капиталиста, или, другими словами, какой и чей трудъ окристаллизованъ въ этой прибавкѣ, въ этой прибыли, ибо цѣнность создается только трудомъ.

И вотъ рѣшающій для всего соціализма отвѣтъ Маркса:

Прибавочная стоимость получилась вслѣдствіе того, что трудъ рабочаго имѣетъ двойную природу: его рыночная стоимость ниже его стоимости потребительной. Фабрикантъ, заплативъ рабочему сумму b, купилъ только шесть рабочихъ часовъ въ день, ибо такое количество труда необходимо для производства средняго дневного количества средствъ существованія рабочаго. Между тѣмъ фабрикантъ, подъ защитой

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

буржуазныхъ законовъ, заставляетъ рабочаго работать двѣнадцать часовъ въ день. Такъ вотъ эти шесть эксплуататорски украденныхъ недоплаченныхъ рабочихъ часовъ и образовали прибавочную стоимость, составили прибыль фабриканта. А такъ какъ все достояніе имущихъ классовъ, весь національный капиталъ образовался изъ постепеннаго накопленія прибылей, то выводъ получается тотъ, который выраженъ въ ст. 3 большевистской конституціи, объявляющей весь земельный фондъ, всѣ образцовыя хозяйства, всѣ фабрики, заводы, рудники, желѣзныя дороги, всѣ банки собственностью совѣтской крестьянско-рабочей Республики.

§ 78. Къ своей теоріи Марксъ пришелъ отрицательнымъ путемъ. Онъ не нашелъ среди элементовъ, составляющихъ цѣнность, ни одного, который могъ-бы породить прибавочную стоимость и поэтому объяснилъ ея происхожденіе недоплаченной рабочей платой. Между тѣмъ такой элементъ — огромной исключительной важности — существуетъ.

Марксъ не замѣтилъ или, можетъ быть, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ и даже прибѣгъ къ самымъ рискованнымъ парадоксамъ, чтобы и другіе не замѣтили того факта, что наряду съ трудомъ неоплаченнымъ — который можетъ быть и ручной, и умственный — существуетъ еще трудъ даровой — исключительно умственный, играющій въ производствѣ рѣшающую роль.

Вотъ простой наглядный примѣръ. Вы строите домъ и для этого нанимаете плотниковъ, каменьщиковъ, кровельщиковъ и платите имъ за ихъ работу. Въ то-же время вы платите архитектору за его планы, чертежи, выкладки. Домъ выстроенъ и вы желаете построить другой — такой-же. Вы должны снова нанять плотниковъ, каменьщиковъ, которые должны опять напрягать свои мускулы и которымъ вы должны снова платить, какъ будто вы строите впервые, но чертежи и вычисленія могутъ служить неограниченное число разъ тѣ-же самые, безъ новаго напряженія умственныхъ силъ со стороны архитектора. Въ Лондонѣ мы видимъ цѣлые кварталы, застроенные домами на одинъ образецъ. Рабочіе столько разъ клали стѣны и стлали крыши, сколько домовъ. Архитекторъ работалъ надъ чертежами только разъ. И если онъ при этомъ выказалъ творчество, находчивость, выдумку, то его трудъ будетъ служить многократно и безвозмездно цѣлымъ поколѣніямъ.

Трудъ мускульный не только овеществленъ, окристаллизованъ въ своемъ продуктѣ, но какъ-бы замурованъ, похороненъ въ немъ. Онъ неотрывно прикованъ къ пространству, въ которомъ былъ истраченъ. Трудъ — же умственный живетъ во времени, въ которомъ онъ творитъ и творчески возрождается изъ себя самого. Ручной трудъ, какъ воскъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

свѣчи, безслѣдно изчезаетъ въ самомъ процессѣ работы. Умственный трудъ, какъ огонь свѣчи, можетъ передать свою энергію тысячѣ источниковъ свѣта, не теряя въ силѣ. Ручной трудъ исполняетъ и поэтому, исполнивъ заданіе, умираетъ. Умственный трудъ творитъ и безсмертенъ. Каждый творческій актъ умственнаго труда, каждое открытіе науки, каждое изобрѣтеніе техники спустя извѣстное число лѣтъ теряетъ привилегію собственности и становится всеобщимъ достояніемъ. Бергсонъ, говоря о времени, сравниваетъ его съ постоянно растущимъ океаномъ, подъ давленіемъ котораго мы развиваемся и совершенствуемся. Это относится, разумѣется, не къ абсолютному времени, которое безконечно и всегда себѣ равно, а ко времени человѣческому, къ умственной жизни человѣческой. Въ этомъ отношеніи мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся подъ давленіемъ какого-то воздушнаго океана постоянно наростающей умственной энергіи, и совершенно невозможно измѣрить, какую рабочую силу представляетъ этотъ резервуаръ открытій, изобрѣтеній, вычисленій, и формъ, накопившихся вѣками. Весь окружающій насъ міръ — одежда, которую мы носимъ, дома, въ которыхъ живемъ, милліоны колесъ и поршней, вращающихся, снующихъ на землѣ, на водѣ и въ воздухѣ — все это создано умственнымъ трудомъ— силой столь-же благотворной и столь-же даровой, какъ свѣтъ солнца, но болѣе постоянной, ибо она не зависитъ ни отъ временъ года, ни отъ капризовъ погоды. Но вся эта неизмѣримая сила труда, будучи даровой, остается все-же трудомъ, овеществляется, кристаллизуется въ продуктахъ производства, въ товарахъ, увеличиваетъ ихъ цѣнность, создаетъ прибавочную стоимость, служитъ неизсякаемымъ источникомъ прибыли, которой пользуется не трудъ, а капиталъ.

§ 79. Соціалистическій тезисъ, развиваясь, привелъ, по закону діалектики, къ своему отрицанію. Трудовая теорія цѣнности, на которой построена вся идеологія коммунизма, выдѣлила изъ себя истину о даровомъ умственномъ трудѣ, которая опрокидываетъ вверхъ дномъ программы и платформы всѣхъ соціалистическихъ партій безъ изъятія.

Съ высоты этой истины умственные работники, наконецъ, получили возможность обратиться непосредственно къ рабочему классу, надъ головой всѣхъ рабочихъ партій, и глядя прямо въ глаза, сказать ему:

— Твои идеологи, всѣ эти пропагандисты и агитаторы, внушающіе тебѣ, что весь національный капиталъ принадлежитъ по праву тебѣ одному, льстятъ тебѣ, какъ въ свое время церковь льстила королямъ и императорамъ, съ тою разницей, что нищая церковь довольствовалась за свою лесть крохами со стола автократіи, между тѣмъ какъ идеологи посылаютъ тебя на экспропріацію національнаго капитала

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

съ тѣмъ, чтобы потомъ самимъ, при помощи своей безчисленной партійной бюрократіи, владѣть и управлять этимъ, тобою отнятымъ, добромъ. Нѣтъ, національный капиталъ — дома, фабрики, машины, помѣстья — принадлежатъ не тебѣ одному, а намъ обоимъ, мышцамъ и мыслямъ — и даже не въ равной мѣрѣ, ибо доля ручного труда представляетъ рядъ убывающій по мѣрѣ уменьшенія рабочихъ часовъ и увеличенія рабочей платы, между тѣмъ какъ доля умственнаго труда постоянно наростаетъ въ количествѣ и силѣ. Приведенный примѣръ Маркса расчитанъ былъ имъ на двѣнадцатичасовой рабочій день, слѣдовательно съ тѣхъ поръ вліяніе ручного труда на ростъ капитала уменьшилось на двѣ трети. А сколько вкладовъ въ резервуаръ даровой умственной энергіи принесли за эти пятьдесятъ лѣтъ наука, техника, искусство! Но мы, умственные рабочіе, предъявляемъ право на свою долю національнаго капитала не съ тѣмъ, чтобы дѣлить и рвать его на куски, а съ тѣмъ, чтобы, отстранивъ всѣхъ властодержцевъ, чуждыхъ творчеству, вернуть эти накопленныя вѣками богатства двуединому труду, рабочему человѣчеству, которому мы обязаны и жизнью, и способностью работать и творить.

§ 80. Обвинять Маркса въ намѣренномъ искаженіи истины никто, конечно, не рѣшится. И тѣмъ не менѣе, внимательно вчитываясь въ «Капиталъ», ясно видишь, къ какимъ софизмамъ и уловкамъ прибѣгалъ авторъ, чтобы замести слѣды и обезцѣнить, свести на нѣтъ умственную дѣятельность.

Съ этой цѣлью, раньше чѣмъ раскрыть происхожденіе прибавочной стоимости, Марксъ, какъ будто въ видахъ объективной научной истины, анализируетъ двойную природу труда. — «Я первый, — съ гордостью заявляетъ онъ, — критически раскрылъ этотъ двойственный характеръ представленнаго въ товарѣ труда. Такъ какъ этотъ пунктъ является рѣшающимъ и отъ него зависитъ все въ политической экономіи, то мы разсмотримъ его здѣсь болѣе подробно».

Въ этихъ словахъ вѣрно то, что отъ правильнаго анализа труда зависитъ рѣшеніе всей соціальной проблемы.

Марксъ различаетъ два аспекта труда. Во-первыхъ, трудъ конкретно — индивидуальный, — трудъ портного, ткача, писателя, словомъ трудъ, создающій полезныя потребительныя цѣнности. Однако цѣнности эти, поступая на рынокъ, подлежатъ обмѣну и, слѣдовательно, сводятся къ какой-то общей мѣрѣ. Нельзя считать такою мѣрою деньги, ибо золото, замѣчаетъ Марксъ, такая-же потребительная цѣнность, какъ другіе товары. Общей мѣрой для всѣхъ видовъ конкретнаго труда является, по его мнѣнію, трудъ абстрактный, безличный, простой средній человѣческій трудъ въ физіологи-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ческомъ смыслѣ. Если сюртукъ можетъ быть обмѣненъ на десять аршинъ холста, то это потому, что въ одномъ сюртукѣ и десяти аршинахъ холста окристаллизовано одинаковое количество часовъ абстрактнаго простого труда.

Глава эта написана съ большимъ блескомъ, съ прибаутками и цитатами и производитъ впечатлѣніе заговариванія ловкаго фокусника. Марксъ жонглируетъ понятіями о разныхъ формахъ цѣнности, и пока вниманіе читателя приковано въ этимъ тонкосплетеніямъ, незамѣтно эскамотируется, исчезаетъ умственный трудъ. Вотъ былъ и вотъ нѣтъ его. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Маркса, умственный трудъ, какъ и другіе виды труда, сводится къ простому физіологическому труду. Если умственная дѣятельность инженера, техника цѣнится на рынкѣ выше, чѣмъ простая рабочая сила, то это происходитъ отъ того, что она требовала большихъ издержекъ на воспитаніе и обученіе, чѣмъ простой рабочій трудъ.

Согласно этой изумительной теоріи, трудъ Эддисона и трудъ зауряднаго техника имѣютъ одинаковую мѣновую стоимость, ибо воспитаніе обоихъ стоило тѣхъ-же издержекъ. Въ сравненіи-же съ трудомъ чернорабочаго трудъ Эддисона долженъ, по Марксу, оцѣниваться разъ въ десять или въ двадцать дороже, насколько высшее образованіе стоитъ дороже первоначальнаго. Въ общей-же экономіи національнаго производства умственный трудъ въ сравненіи съ ручнымъ, если свести тотъ и другой къ указанной Марксомъ общей мѣрѣ, оказался-бы по значенію столь-же ничтожнымъ, какъ количество избирательныхъ бюллетеней десятка умственныхъ работниковъ въ сравненіи съ тысячами голосовъ пролетарской массы. А такъ какъ право на власть обусловлено суммой внесеннаго въ національный капиталъ труда, то выводъ изъ теоріи Маркса о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда ясенъ: вся власть, по праву, принадлежитъ простому физіологическому труду, что и требовалось, въ интересахъ партійнаго властодержавства, внушить пролетаріату.

§ 81. Нетрудно раскрыть, что разсужденія Маркса о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда также невѣрны, какъ и его ученіе о прибавочной стоимости. Сюртукъ и десять аршинъ холста, чтобы взять его-же примѣръ, конечно, соизмѣримы. Но если-бы Марксъ сравнилъ трудъ портного, сшившаго ему сюртукъ, и хотя-бы свой собственный умственный трудъ по сочиненію «Капитала», онъ увидѣлъ-бы, что трудъ портного осужденъ на безслѣдное исчезновеніе съ превращеніемъ сюртука въ тряпье, между тѣмъ, какъ трудъ автора «Капитала» имѣлъ шансы жить и возрождаться съ каждымъ новымъ изданіемъ и переводомъ. Ибо хотя «Капиталъ» изъ партійныхъ цѣлей и направленъ противъ мысли и духа (недаромъ Марксъ любилъ называть «нашимъ философомъ» Дицгена, который

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ «Аквизитахъ Философіи» доказываетъ, что «само сознаніе матеріально»), однако самъ является продуктомъ умственной дѣятельности и раздѣляетъ ея судьбу — быть резервуаромъ энергіи не только явной, уже растраченной въ прошломъ, но еще скрытой, обращенной къ будущему. И если на товарномъ рынкѣ научный манускриптъ и сюртукъ и сводятся къ общей денежной мѣрѣ и какъ будто кажутся соизмѣримыми, то это происходитъ оттого, что на товарномъ рынкѣ принимается въ расчетъ лишь трудъ, уже выявленный, а не тотъ, которому дано строить будущее.

Если Марксъ развивалъ эти теоріи безсознательно, увлеченный тѣмъ приводнымъ ремнемъ, при помощи котораго интересы приводятъ въ движеніе идеи, то онъ не болѣе виноватъ, чѣмъ всѣ жившіе донынѣ властодержцы. Если-же онъ сознательно скрылъ истину, то онъ совершилъ то единственное преступленіе, которому нѣтъ прощенія: преступленіе противъ духа. Выступивъ идеологомъ труда противъ эксплуатаціи, онъ своей доктриной убилъ душу труда. И то, что онъ замыслилъ въ теоріи, большевики — его вѣрнѣйшіе ученики и послѣдователи, — исполнили на дѣлѣ.

§ 82. Съ умственнымъ трудомъ Марксъ, какъ мы видѣли, справился легко: мертво замолчалъ его въ ученіи о прибавочной стоимости и ловко обошелъ въ ученіи о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда. Но игнорировать существованіе умственныхъ работниковъ — трудовой интеллигенціи — нельзя было, и все что оставалось дѣлать, это затѣнить, оттереть интеллигенцію на задній планъ соціальной жизни, поставить ее въ уголъ. Этой цѣли научный соціализмъ достигъ въ своемъ ученіи объ общественныхъ классахъ и о классовой борьбѣ.

Если-бы соціализмъ защищалъ интересы труда, а не власти, то онъ долженъ былъ-бы положить въ основу соціальной классификаціи признакъ труда. Но это значило-бы совершить актъ самоубійства, ибо при такой классификаціи соціалистической партіи пришлось-бы самой очутиться, какъ сказано выше, по ту сторону баррикады, рядомъ съ другими властодержцами - монархистами, демократами и капиталистами. Въ цѣляхъ демагогическихъ удобнѣе было классифицировать общественныя группы по признаку не труда и производства, а расплаты за трудъ, — единственнаго момента, въ которомъ заинтересованъ ручной трудъ, и вокругъ котораго происходитъ ежедневная борьба. Получилась классификація, не отвѣчающая ни одному изъ условій, какія требуются отъ классификаціи научной, ибо въ основу ея положенъ признакъ не существенно-всеобщій, а частичный и поэтому она не можетъ обнять всѣхъ классифицируемыхъ явленій.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Соціализмъ дѣлитъ общество по признаку рабочей платы, и согласно этому признаку, на переднемъ планѣ соціальной жизни въ роли протагонистовъ великой соціальной драмы оказываются только два класса: патроновъ-капиталистовъ и рабочихъ-пролетаріевъ. Остальныя общественныя группы либо играютъ роль статистовъ, либо вовсе остаются за предѣлами классификаціи. Въ отдаленіи исторической перспективы виднѣется классъ феодальныхъ землевладѣльцевъ. На заднемъ планѣ соціальной жизни суетится средній городской классъ. Но крестьянство уже не вмѣщается въ рамкахъ патроната-саларіата, и въ примѣненіи къ крестьянину-земледѣльцу теорія классовой борьбы оказывается, по-истинѣ, городскимъ сѣдломъ на деревенской коровѣ. Но главнымъ образомъ за предѣлами, кулисами соціальной драмы оказываются творцы всѣхъ соціальныхъ цѣнностей — рабочая интеллигенція. Отношеніе научнаго соціализма къ интеллигенціи полно глубокаго комизма. Научный соціализмъ чувствуетъ, что въ интеллигенціи онъ столкнулся со своимъ единственно-непримиримымъ врагомъ, но сознаться въ этомъ не можетъ. При встрѣчѣ съ опаснымъ врагомъ не надо проявить страха, а надо выказать пренебреженіе или даже презрѣніе, а главнѣе всего нужно скрыть отъ пролетаріата творческую роль интеллигенціи. Приходится лавировать. Научный соціализмъ такъ и поступаетъ. За интеллигенціей отрицается право на почетное званіе общественнаго класса, и ей представляется второстепенная и безопасная роль подкласса, «неклассовой группы въ классовомъ обществѣ», или, по выраженію Либкнехта, «безполаго неклассоваго существа». Любопытно, до чего можетъ довести партійное ослѣпленіе: умственный трудъ, единственно рождающій и творящій, признанъ безполымъ. Вдругъ соціализмъ вспоминаетъ, что онъ самъ вышелъ изъ буржуазной интеллигенціи, и тонъ его на время смягчается; умственные работники даже пріобщаются къ лику пострадавшихъ отъ капиталистической эксплуатаціи. «Буржуазія превратила врача, юриста, священника, поэта, ученаго въ оплачиваемаго ею наемника» (К. М.). «Интеллигенція, не принимаетъ непосредственнаго участія въ классовой борьбѣ буржуазіи и поэтому можетъ подняться выше тѣснаго классоваго кругозора и сдѣлаться представителями общихъ интересовъ націи» (Каутскій). Но тутъ-же апостолы марксизма спохватываются. Говорить уважительно объ интеллигенціи опасно: а вдругъ онъ, пролетаріатъ, услышитъ. Нападки возобновляются съ возрастающей силой. «Умственные рабочіе, спѣшитъ оправдываться тотъ-же Каутскій, — какъ привилегированная группа населенія, стоятъ въ антагонизмѣ съ пролетаріатомъ, который желаетъ покончить со всѣми привилегіями». «Интеллигенція, заявляетъ другой теоретикъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

соціализма, получаетъ свое содержаніе изъ національной прибавочной стоимости, слѣдовательно живетъ эксплуатаціей пролетаріата». Отсюда уже одинъ шагъ до бранныхъ кличекъ, которыми совѣтская печать въ Россіи честила интеллигентовъ, называя ихъ наемниками капитализма, лакеями, прихвостнями, паразитами на тѣлѣ буржуазіи.

§ 83. Комизмъ всѣхъ этихъ поклоновъ и угрозъ соціалистовъ въ сторону интеллигенціи усугубляется тѣмъ, что и тутъ, какъ въ вопросѣ о прибавочной стоимости, они натыкаются на ими-же отточенный мечъ. Мы говоримъ о теоріи историческаго матеріализма, которая считается величайшимъ откровеніемъ марксистской мысли. Такъ вотъ согласно этой теоріи, вся соціальная и политическая жизнь строится не подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ идей и принциповъ, а исключительно въ зависимости отъ техническихъ условій производства Каутскій смѣется надъ идеалистами, которые «пришли къ заключенію, что мыслители и ихъ идеи вызвали французскую революцію и руководили ея теченіемъ». — «Раздѣленіе труда, — заявляетъ Энгельсъ, — пользованіе водяной силой и особенно силой пара, примѣненіе машинъ, — вотъ три великихъ рычага, при помощи которыхъ промышленность съ середины 18-го вѣка работаетъ надъ тѣмъ, чтобы перевернуть міръ».

Итакъ, старый міръ перевернутъ рычагами пара и машинъ. Однако рычаги эти не съ неба упали, а созданы трудомъ, и трудомъ исключительно умственнымъ. Получается противорѣчіе, сводящее къ абсурду всю теорію и практику научнаго соціализма. Въ теоріи умственный трудъ оказывается единственнымъ двигателемъ исторіи, новымъ провидѣніемъ и рокомъ; на практикѣ умственный трудъ устраняется отъ строительства новаго міра, и диктатура власти вручается пролетаріату. Но кто-же тогда будетъ продолжать строить новый міръ? Не крестьяне-же, которые собственнымъ умомъ за двѣ тысячи лѣтъ не ушли дальше курной избы, деревянной сохи и трехполья. А также не рабочіе-пролетаріи, которые вчера только вышли изъ деревни и если участвовали въ строеніи культуры,то всегда по чужому плану. И уже во всякомъ случаѣ не соціалисты или комунисты, ибо они не строители, а посредники — адвокаты-опекуны.

§ 84. Соціализмъ еще не разрушилъ старый міръ, но самъ, по неумолимому закону исторической діалектики, получилъ два сокрушительныхъ удара съ той стороны, откуда всего менѣе могъ ждать удара.

Первый ударъ нанесъ партіи никто иной, какъ тотъ самый пролетаріатъ, надъ которымъ партія столько трудилась, чтобы сдѣлать его сознательнымъ. И вотъ, осознавъ свои интересы, пролетаріатъ прежде всего размахнулся и ударилъ кулакомъ своего наставника. Революціонный синдикализмъ поступилъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

съ партіей, какъ поступаютъ съ будильникомъ, который слишкомъ долго трещитъ: его хватаютъ и суютъ подъ тюфякъ.

Бунтъ французскаго революціоннаго синдикализма противъ партіи — одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ въ исторіи европейскаго соціализма. Для многихъ — и для автора этихъ строкъ — этотъ бунтъ былъ откровеніемъ, впервые показавшимъ, что рабочій классъ не то-же что рабочая партія и что между ними возможны не только столкновенія, но и полное расхожденіе. Въ сущности это былъ процессъ между кліентомъ и адвокатомъ изъ-за гонорара. Рабочіе синдикаты и биржи труда, освободившись отъ учительской указки геддистовъ, объединились въ самостоятельную Всеобщую Конфедерацію Труда, подъ руководствомъ чисто пролетарскихъ вождей, вродѣ Гриффюльса, Ньела, Делессаля, Пуже, и повернулись спиною къ партіи. Кліенту показалось, что онъ пріобрѣлъ настолько опытности, что можетъ вести самъ свой процессъ, безъ помощи адвоката. Синдикалисты поняли самое существенное, именно то, что у рабочаго-пролетарія и соціалиста-политикана разные интересы, и что поэтому у нихъ разные способы дѣйствія. Вмѣсто парламентскихъ реформъ, неискренныхъ и безцѣльныхъ, синдикалисты выставили новую тактику внѣ-парламентской непосредственной борьбы, путемъ стачекъ, саботажа, а впослѣдствіи великой всеобщей революціонной забастовки, которая должна положить конецъ капиталистическому режиму и передать диктатуру власти въ руки пролетаріата. Въ то-же время синдикалисты вышутили принципъ большинства, на которомъ партія строила всѣ свои избирательныя надежды. Гриффюльсъ, смѣясь, расчиталъ, что партія дождется большинства голосовъ въ странѣ приблизительно около 50.000-го года. Вмѣсто принципа парламентскаго большинства синдикализмъ усвоилъ принципъ революціоннаго меньшинства, которое, представляя собою интересы коллектива, въ нужный моментъ увлечетъ за собою инертныя массы. А пока, поступая вполнѣ послѣдовательно, революціоннный синдикализмъ поднялъ знамя анти-патріотизма и анти-милитаризма.

§ 85. Переполохъ въ рядахъ партіи произошелъ неописуемый. На глазахъ злорадствующей буржуазіи получатъ тумакъ за тумакомъ отъ сознательнаго пролетаріата, очутиться передъ парламентомъ въ роли адвоката безъ довѣренности, слышать ежедневно упреки и насмѣшки за то, что соціалисты безъ преній голосовали за увеличеніе депутатскаго жалованія съ шести на пятнадцать тысячъ, — какъ тутъ быть, какъ извернуться, какъ устоять?

Геддъ прибѣгъ къ способу наиболѣе простому, и прямо заявилъ, что синдикализмъ движеніе буржуазное, ибо, выступивъ противъ государства, синдикалисты отожествили себя

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

съ анархистами, а анархизмъ, какъ установлено со временъ Маркса-Бакунина, — явленіе буржуазное. На эту идеологію синдикалисты отвѣчали весьма резонно, что если рабочій классъ буржуазенъ, то кто-же собственно является объектомъ соціализма? На Амьенскомъ конгрессѣ синдикалистовъ одинъ изъ ораторовъ опредѣленно указалъ, что синдикализмъ направленъ не противъ власти вообще, а противъ власти политическихъ партій, и что онъ враждебенъ государству не потому что приверженъ къ анархическимъ идеямъ, а потому что вынужденъ силой вещей бороться съ органами этой власти.

Другой вождь парламентскаго соціализма — Этьеннъ Бюиссонъ — совѣтовалъ наводнить синдикаты членами партіи, побѣдить ихъ большинствомъ, забывъ при этомъ, что въ синдикаты, какъ организмы чисто рабочіе, входъ идеологамъ соціалистамъ, какъ постороннимъ лицамъ, строго воспрещается.

Наиболѣе гибкимъ и ловкимъ оказался Жоресъ. Онъ послѣ Амьенскаго конгресса сдѣлалъ видъ, что все обстоитъ благополучно и что конфликтъ между синдикатами и партіей замиренъ. — Ну вотъ, — писалъ онъ, — синдикаты наконецъ признали необходимость борьбы съ капиталистическимъ строемъ. Значитъ, они соціалисты. Значитъ, мы друзья и единомышленники. Синдикаты противъ политики? И отлично. Пусть не занимаются политикой, это наше партійное дѣло. Значитъ, мы согласны. Разыгралась комическая сцена, какъ если-бы на владѣльца дома напали вооруженные люди и потребовали уступить имъ этотъ домъ и убраться вонъ, а владѣлецъ, притворяясь простакомъ, отвѣтилъ-бы: Вамъ нравится мой домъ? И мнѣ онъ нравится. Значитъ, мы согласны. Дайте руку.

Признавъ за синдикатами полную автономію, которой тѣ и не просили, Жоресъ шелъ на дальнѣйшія уступки и въ Лиможѣ согласился даже признать правильность синдикалистской тактики, «идущей до всеобщей забастовки», а въ Штутгардтѣ высказался за антимилитаризмъ, лишь-бы спасти рабочую партію отъ разрыва съ рабочимъ классомъ.

§ 86. Революціонный синдикализмъ не побѣдилъ. Гоненія со стороны реакціоннаго правительства Клемансо заставили синдикаты забыть свои распри съ партіей и прибѣгнуть къ ея помощи. Международныя осложненія, предшествовавшія агадирскому инциденту и предвѣщавшія наступающую грозу, остудили антимилитаристскій пылъ рабочихъ. Эрве, посидѣвъ въ тюрьмѣ, вышелъ оттуда патріотомъ. Но главная причина провала революціоннаго синдикализма заключалась въ томъ, что въ сущности былъ правъ Жоресъ, а не Конфедерація. Къ единственному средству, которымъ рабочій классъ могъ убить партію, именно къ воздержанію отъ избирательнаго права, онъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

не прибѣгъ. На выборахъ рабочіе продолжали подавать голоса за кандидатовъ-соціалистовъ, а послѣднимъ только это и нужно было. А не прибѣгъ рабочій классъ къ абстенціонизму, потому, что вполнѣ вѣрно понявъ своекорыстный и властолюбивый характеръ партійныхъ интересовъ, онъ самъ уже былъ отравленъ до мозга костей соціалистической идеологіей. Своей-же собственной идеологіи синдикализмъ, въ качествѣ представителя ручного слѣпого труда, не имѣлъ и имѣть не могъ. Мечта о диктатурѣ пролетаріата, тактика стачекъ, финалъ всеобщей забастовки — все это было заимствовано синдикатами у партіи и Жоресъ, говоря «мы согласны», былъ въ сущности правъ. Самаго важнаго синдикализмъ въ то время еще не достигъ. Еще ему не открылось, что внѣ союза съ умственнымъ творческимъ трудомъ ручной трудъ обреченъ либо на революціонное не-дѣланіе, либо на дѣло разрушенія.

§ 87. Впрочемъ, къ чести французскаго синдикализма, слѣдуетъ сказать, что одинъ изъ вождей движенія, именно Гриффюльсъ, вѣрно опредѣлилъ роль синдикализма въ будущемъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ онъ сложилъ съ себя званіе главнаго секретаря Всеобщей Конференціи Труда, Гриффюльсъ, обмолвился въ газетѣ Pays (20 февраля 1918) замѣчательной статьей, въ которой указывается, что до синдикализма въ центрѣ соціальной жизни стояло понятіе о гражданинѣ. Синдикализмъ устранилъ безразличнаго гражданина, — всякій рождается гражданиномъ — и на его мѣстѣ поставилъ производителя, каковымъ человѣкъ дѣлается въ силу своего труда. Синдикатъ завѣдуетъ не только профессіональными интересами рабочихъ, но осуществляетъ всю полноту власти. «Итакъ, — заключаетъ свою мысль Гриффюльсъ, — синдикализмъ не знаетъ, не можетъ и не долженъ знать никого другого, кромѣ производителя. Только производитель можетъ взять въ руки завѣдываніе судьбами человѣчества. И это онъ сдѣлаетъ въ силу своего соціальнаго служенія, въ качествѣ врача, профессора, ученаго, артиста, почтоваго чиновника, рабочаго металлургиста, желѣзнодорожника, столяра, булочника и т. д.»

Вотъ поразительныя слова, въ которыхъ, какъ въ зародышѣ, заключалась вся программа двуединаго труда.

§ 88. Второй ударъ былъ нанесенъ рабочимъ классомъ соціализму въ лицѣ большевиковъ, которые по праву могутъ считаться единственно вѣрными послѣдователями теоріи Маркса и точными исполнителями его завѣтовъ. Большевики откровенно отбросили ненужную имъ больше маску демократіи и осуществили двѣ завѣтныхъ, хотя державшихся въ тайнѣ, мечты марксизма: во-первыхъ, подъ предлогомъ диктатуры пролетаріата сосредоточили деспотическую власть въ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

рукахъ партіи, и во-вторыхъ, расправились со своимъ искон-нымъ врагомъ — съ умственнымъ трудомъ, который могъ-бы явиться ихъ соперникомъ въ дѣлѣ организаціи труда. Націонализація производства и коммунистическая система распредѣленія сдѣлала господствующую партію аб-солютнымъ, безконтрольнымъ хозяиномъ всей соціальной жизни. Древняя мечта о единой власти (разумѣется, для блага коллектива!) была достигнута. Неудивительно, что другія секціи соціализма — менѣе рѣшительныя и менѣе послѣдо-вательныя — стали обвинять большевизмъ въ искаженіи истиннаго соціализма. Русскіе меньшевики и соціалъ-рево-люціонеры, выбитые изъ сѣдла и устраненные отъ власти своими болѣе рѣшительными соперниками, не могли не про-тестовать. Протестовали также теоретики Маниловы, которые искренно вѣрили, что можно забрать въ свои руки всю дик-татуру власти и оставаться на стражѣ конституціонныхъ свободъ. Вліятельнѣйшій изъ такихъ книжныхъ Манило-выхъ — Каутскій предавался въ свое время такимъ мечтамъ. «Пролетаріатъ, завоевавъ диктатуру власти, окажется самымъ демократическимъ изъ всѣхъ классовъ. Онъ введетъ всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія, обез-печитъ полную свободу печати и союзовъ, дастъ каждой отдѣльной общинѣ полное самоуправленіе и устранитъ мили-таризмъ». Любопытно, что эти пророчества Каутскаго появи-лись на русскомъ языкѣ въ 1909 г. подъ редакціей Ленина. Мы понимаемъ, почему Каутскій съ негодованіемъ отвернулся отъ большевиковъ. Изъ уваженія къ учителю они могли-бы подождать со своей соціальной революціей хотя-бы до его смерти, чтобы избавить его отъ необходимости краснѣть за свои пророчества.

§ 89. Тотъ-же упрекъ въ поспѣшности дѣлали больше-викамъ и другіе умѣренные соціалисты. Цитатами изъ Маркса и Энгельса они доказывали, что соціальная революція возможна лишь въ странѣ съ высокой промышленностью и сознательнымъ рабочимъ классомъ. Большевики, по ихъ мнѣнію, должны были подождать. Но ждать чего? Чтобы остыло революціонное воодушевленіе массъ? Или чтобы у рабочнаго класса было отнято оружіе, которымъ его снабдила война? Наконецъ, этотъ доводъ о преждевременности боль-шевистскаго движенія падаетъ теперь, когда за большевизмъ высказываются и партіи, и рабочіе синдикаты въ странахъ съ наиболѣе высокой промышленностью. Еще недавно фран-цузскіе соціалисты большинствомъ трехъ четвертей голосовъ присоединились къ московскому коммунизму, заявивъ въ своемъ манифестѣ, что «Турскій конгрессъ возстановилъ тра-диціонную доктрину Маркса и Энгельса». Затѣмъ половина французскихъ синдикатовъ высказались за Москву и за тре-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тій интернаціоналъ на конгрессѣ въ Лиллѣ. Наконецъ установленъ общій фронтъ всѣхъ интернаціоналовъ. Нѣтъ, грѣхъ большевиковъ не въ томъ, что они поспѣшили съ осуществленіемъ марксистскаго идеала, а въ томъ, что этотъ идеалъ, скрывая партійные интересы властолюбія, былъ по существу направленъ противъ культуры. Диктатура пролетаріата безъ участія умственнаго труда, это безпорядочныя конвульсіи тѣла, въ которомъ парализованъ мозгъ.

§ 90. Въ Россіи большевикамъ легче было справиться съ умственнымъ трудомъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, ибо у насъ фундаментъ умственнаго труда былъ уже давно расшатанъ, и даже не одинъ разъ, а трижды. Впервые умственная дѣятельность подверглась у насъ гоненію со стороны царской власти, которая не безъ основанія видѣла враждебную для себя силу не только въ наукѣ, но въ простой азбукѣ, въ особенности въ азбукѣ, преподаваемой народу, ибо азбука это тропинка, ведущая на путь сознанія, а сознаніе ведетъ къ свободолюбію, свободолюбіе-же это подземная галлерея, которая кончается подъ тропомъ.

Столь-же отрицательно, хотя по другимъ побужденіямъ, отнеслось къ умственной дѣятельности наше революціонное народничество. «Ступайте въ народъ, — взывалъ Бакунинъ еще въ 1869 г., — бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи, школы... Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли-бы васъ связать и обезсилить. Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразительница».

Наконецъ пришелъ Толстой и уже не во имя царизма и революціи, а во имя святости и евангелія осмѣялъ чорта, который, падая съ лѣсницы, работаетъ головой. Толстой свалилъ въ одну груду императоровъ, президентовъ республики, врачей, бактеріологовъ, астрономовъ, химиковъ и, взобравшись на эту груду, сладострастно топталъ ее своими мужицкими самодѣльными сапогами.

При такой расшатанности фундамента, на которомъ у насъ зиждился умственный трудъ, большевикамъ не трудно было повалить его, и въ упоеніи своей побѣдой, среди другихъ лозунговъ выкинуть лозунгъ: «Долой интеллигенцію».

§ 91. Поступая такъ, большевики подвергли испытанію второй догматъ марксизма, который сулилъ диктатуру власти пролетаріату, въ увѣренности, что на сторонѣ ручного труда находится и право, и сила. Насколько пролетаріату принадлежитъ право на все національное богатство, намъ показалъ анализъ ученія о прибавочной стоимости и о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда. Вопросъ о силѣ рѣшенъ большевизмомъ.

Большевикамъ положеніе рисовалось въ слѣдующемъ видѣ. Съ провозглашеніемъ диктатуры пролетаріата ручной

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

трудъ, обольщенный, загипнотизированный, станетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ партіи. Что-же касается труда умственнаго, то его заставятъ работать силой, угрозой голода, тюрьмы, разстрѣла. Его прикуютъ желѣзной цѣпью къ рабочему столу, какъ въ древности приковывали рабовъ къ мельничному жернову. Въ крайнемъ случаѣ цѣпь вызолотятъ и умственныхъ работниковъ, подъ названіемъ спецовъ, будутъ приманивать сладкимъ кускомъ, высокимъ жалованіемъ, лишь бы они отдавали странѣ свои техническія знанія, не вмѣшивались въ политику и держались вдали отъ власти.

Опытъ былъ произведенъ. Если считать проявленіемъ силы ударъ кулака, то сила въ самомъ дѣлѣ оказалась на сторонѣ пролетаріата и стоявшей за его спиною партіи. Умственный трудъ былъ убитъ, разогнанъ, опозоренъ, обезличенъ. Но если считать проявленіемъ силы творчество и строительство, то пролетаріатъ обрушившись на умственный трудъ, проявилъ свое безсиліе. Умственный трудъ, по природѣ своей свободенъ. Ему нельзя приказывать: твори, но не разсуждай.

Съ той минуты, какъ умственный трудъ былъ въ совдепіи посаженъ на цѣпь, на аренѣ соціальной жизни остался ручной рабочій и коммунистъ, слѣпой и разслабленный, ибо ручной трудъ работаетъ въ темнотѣ, исполняя повелѣніе чужой мысли, а коммунистъ произноситъ рѣчи и пишетъ декреты.

§ 92. Соціалистическая партія, какъ и всѣ другія до нея, оказалась въ извѣстномъ отношеніи необходимой ступенью всеобщаго прогресса. Марксистская доктрина раскрыла зло капитализма, подобно тому, какъ третье сословіе обнаружило злоупотребленія феодализма. Что-же касается большевиковъ, то ихъ заслуга передъ исторіей заключается въ томъ, что они первые попытались осуществить идею общаго воспитанія дѣтей и, сверхъ того, противъ своего желанія — сдѣлали возможнымъ сближеніе и сотрудничество умственнаго труда и ручного. Рабочій классъ въ Россіи на собственной спинѣ постигъ тѣ соціальныя истины, которыя для насъ стали очевидными путемъ анализа. Кронштадтское возстаніе прошло подъ двумя лозунгами, значеніе которыхъ неизмѣримо. «Вся власть совѣтамъ, а не партіямъ», провозгласили кронштадтскіе матросы и вмѣстѣ съ тѣмъ они-же выставили другой лозунгъ: «Мы добьемся единенія рабочихъ и крестьянъ съ трудовой интеллигенціей». Половина дороги, отдѣляющей обѣ отрасли труда, благодаря большевизму, можетъ считаться теперь уже пройденной.

Съ другой стороны большевизмъ поставилъ и передъ умственнымъ трудомъ дилемму: либо униженіе и смерть, либо союзъ съ ручнымъ трудомъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Программная часть.

§ 93. Умственные труженики, во всѣхъ областяхъ творческаго труда, объединяются не въ политическую партію, а въ самовластный классъ, который вмѣстѣ съ самовластнымъ классомъ ручного труда беретъ въ свои руки всю власть по производству и распредѣленію. Оба класса исходятъ изъ принципа, что власть — одна изъ функцій труда, а не объектъ самостоятельной профессіи.

Съ переходомъ власти къ труду всѣ политическія партіи, осуществлявшія власть надъ трудомъ, упраздняются.

§ 94. Оба рабочихъ класса выдѣляютъ изъ своей среды представителей, которые образуютъ параллельно функціонирующіе совѣты пролетаріата и трудовой интеллигенціи. Представители того и другого труда исполняютъ функціи власти только временно, и по окончаніи мандата возвращаются въ ряды рабочихъ.

§ 95. Признакомъ принадлежности къ тому или другому рабочему классу является потенціалъ творчества. Не всякій врачъ, инженеръ, архитекторъ открываетъ новые пути въ своей области, но всякій, по условіямъ своей работы, можетъ ихъ открыть. Между тѣмъ плотникъ, углекопъ, ткачъ, хотя случайно и могутъ сдѣлать открытіе въ своей области, но, по условіямъ своей работы, являются исполнителями чужого плана. Согласно съ этимъ, представители труда посредствующаго — чиновники, писцы, телеграфисты и т. п. входятъ въ составъ совѣтовъ пролетарскихъ. Туда-же входятъ представители всѣхъ ремеслъ.

§ 96. Подробную программу — экономическую и политическую — интеллигентные рабочіе выработаютъ на первомъ своемъ классово-партійномъ съѣздѣ, если возможно, съ участіемъ представителей отъ пролетаріата. Въ настоящее время достаточно установить слѣдующія основоположенія этой программы.

Умственный трудъ не скрываетъ своихъ интересовъ, которые заключаются въ творчествѣ, въ созданіи все болѣе и болѣе совершенныхъ орудій труда и все болѣе утонченныхъ, изысканныхъ предметовъ потребленія. Эти классовые интересы умственнаго труда являются въ то-же время его идеалами, ибо особенность труда, въ отличіе отъ власти, заключается въ томъ, что его интересы и идеалы тождественны.

§ 97. Стремясь къ созиданію все болѣе изысканныхъ орудій и предметовъ, умственный трудъ сознательно утверждаетъ принципъ соціальнаго неравенства. Власть предметовъ надъ отношеніями людей безгранична. Привилегированное меньшинство предметовъ силой вещей создаетъ привилегированное меньшинство потребителей этихъ предметовъ. Между

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тѣмъ стремленіе къ равенству неискоренимо врождено человѣческой природѣ. Противорѣчіе между неравенствомъ, лежащимъ въ природѣ предметовъ, и равенствомъ, лежащимъ въ природѣ человѣка, примиряется тѣмъ, что каждому члену общества предоставляется равное право на стремленіе къ неравенству. Но для того, чтобы это равное право дѣйствительно было равнымъ, необходимо, чтобы въ началѣ состязанія всѣ участники были поставлены въ одинаковыя условія, а это можетъ быть достигнуто только общимъ воспитаніемъ дѣтей, которое такимъ образомъ является постулатомъ самовластія труда. Всѣ члены общества начинаютъ свою жизнь въ одинаковыхъ условіяхъ и уже потомъ, сообразно своимъ способностямъ, предназначаются для того или другого вида труда. Дальнѣйшій выборъ профессіи свободенъ.

§ 98. Вторымъ коррективомъ неизбѣжнаго соціальнаго неравенства будетъ служить изготовленіе общественныхъ предметовъ — дворцовъ труда, библіотекъ, ристалищъ, гимнастическихъ залъ, театровъ, рабочихъ клубовъ, музеевъ. Установленіе общественной справедливости не столько зависитъ отъ того, кто является собственникомъ орудій производства, сколько отъ того, кто является заказчикомъ предметовъ. Въ настоящее время заказчикомъ является праздный избалованный властодержецъ, и рабочій классъ, невзирая на свои революціонныя судороги, на стачки и саботажъ, слѣпо изготовляетъ предметы, которые служатъ прихотямъ безсмысленной моды и сѣютъ среди людей тщеславіе и зависть. Когда заказчикомъ предметовъ сдѣлается трудъ, то вся масса нынѣ безплодно растрачиваемой энергіи пойдетъ на улучшеніе и украшеніе жизни всѣхъ. Воспитаніе общественныхъ людей и изготовленіе общественныхъ предметовъ — вотъ начало и цѣль самовластія труда.

§ 99. Всѣ политическія партіи, господствовавшія надъ трудомъ, внушали народу мышленіе аналитическое, отъ большаго къ меньшему, отъ абстрактнаго къ конкретному, ибо всѣ онѣ нуждались въ абстракціи, въ призракѣ, въ идолѣ, отъ имени котораго вели свою власть. Поэтому они шли отъ государства къ гражданину, отъ коллектива къ рабочему, отъ общества къ личности. Самовластный трудъ, не нуждаясь въ идолѣ, идетъ, подобно точной наукѣ, обратнымъ синтетическимъ путемъ, отъ реальнаго къ абстрактному, отъ первичнаго къ производному. Начало общественности трудъ видитъ не въ коллективѣ, а въ личности. Личность свободна вступить въ трудовой союзъ съ другими личностями и образовать общество или уединиться, вести жизнь отшельническую, созерцательную. Но, вступивъ въ общество и пользуясь общественнымъ трудомъ, личность обязана платить обществу своимъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

трудомъ. Трудовая повинность гражданъ не допускаетъ другихъ исключеній.

§ 100. Территоріально конкретной, первичной единицей признается городъ или деревня, а не область и не государство. Отдѣльные города и деревни могутъ имѣть общіе интересы и входить между собою въ союзныя отношенія. Національные интересы совершенно исчезаютъ передъ интересами труда. Трудовые союзы могутъ объединить множество нынѣшнихъ государствъ въ одно цѣлое.

§ 101. Всякіе запретительные законы, касающіеся передвиженія, ввоза и вывоза товаровъ отмѣняются.

Съ точки зрѣнія труда вполнѣ безразлично, гдѣ добываются естественныя богатства и гдѣ они обрабатываются.

§ 102. Въ виду неизбѣжности неравенства въ области пользованія, необходимо сохранить принципъ частной собственности въ области распредѣленія. Плата или жалованіе, которые работникъ получаетъ за свой трудъ или свое изобрѣтеніе, остается его неотъемлемой собственностью, которою онъ распоряжается по своему усмотрѣнію.

Что-же касается права собственности на національный капиталъ — фабрики, дома, желѣзныя дороги, пароходы, рудники, земли, то вопросъ о томъ, кому принадлежитъ голое право собственности на этотъ капиталъ теряетъ практическое значеніе, такъ какъ вся прибавочная стоимость, то-есть вся прибыль предпріятія распредѣляется между трудомъ. Распредѣленіе это носитъ характеръ коллективный въ промышленности, и частный въ земледѣліи, ибо фабричный трудъ коллективенъ, а земледѣльческій индивидуаленъ.

Часть національной прибавочной стоимости поступаетъ въ особый фондъ, оплачивающій новыя постройки и временно поддерживающій убыточныя предпріятія.

Однако пріобрѣтенныя права сохраняются, и нынѣшнимъ собственникамъ предпріятій дается возможность безбѣдно окончить жизнь. Тѣ-же изъ нихъ, которые участвуютъ не только своимъ капиталомъ, но и иниціативой, приравниваются къ умственнымъ работникамъ и дѣлятъ съ ними власть.

§ 103. Вся торговля находится въ рукахъ кооперативовъ, которымъ и принадлежитъ власть въ этой области.

§ 104. Новый общественный строй осуществится лишь тогда, когда полезность его и справедливость будетъ сознана широкими кругами населенія. Поэтому интеллигентные работники должны усиленно заниматься пропагандой своихъ идей. Учащаяся интеллигентная молодежь — естественная работница въ этомъ дѣлѣ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

§ 105. Цѣль пропаганды — образованіе самостоятельнаго интернаціональнаго фронта интеллигентнаго труда для сотрудничества и совмѣстной власти съ нынѣ организованнымъ международнымъ пролетаріатомъ. Идея такого объединенія носится въ воздухѣ и отчасти уже осуществлена въ Англіи — въ организаціяхъ, носящихъ частный характеръ, а во Франціи — въ Конфедераціи Интеллигентнаго Труда.

§ 106. Лозунгомъ интеллигентныхъ работниковъ да будутъ слова: «Вся власть двуединому труду».

Н. М. Минскій.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

М. А. АЛДАНОВЪ

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОГНОЗА

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОГНОЗА.

I

Проблема соціально-политическаго прогноза очень мало разработана въ наукѣ, которую смѣлые люди рѣшаются называть философіей исторіи. Теорія этого прогноза собственно не на много подвинулась впередъ со временъ появленія «Centuries» Нострадамуса. Но методы существенно измѣнились и появился богатый фактическій матеріалъ. Выводы изъ него можно дѣлать разные. Нетрудно было бы собрать цѣлый томъ историко-политическихъ пророчествъ, чрезвычайно забавно опровергнутыхъ фактами. Такъ, Іосифъ II писалъ объ Англіи въ 1783 году: «Это великое государство, державшее въ равновѣсіи Францію, навсегда пало, потеряло всякое значеніе и силу, снизошло добровольно въ ряды второстепенныхъ державъ, какъ Швеція или Данія, и, вѣроятно, какъ и они, скоро подчинится Россіи». Напомню также нерѣдко цитируемое предсказаніе Жозефа де-Местра, который ни за что не хотѣлъ повѣрить въ прочность Сѣверо-Американской республики и особенно скептически относился къ строившемуся въ его время городу Вашингтону. Французскому традиціоналисту все не нравилось въ этомъ городѣ: и его искусственное, неисторическое происхожденіе, и его назначеніе республиканской столицы, и самое названіе, данное ему по имени революціоннаго героя. Де-Местръ доказывалъ, что такого города скорѣе всего совсѣмъ не будетъ; если же онъ будетъ, то не станетъ столицей; а если станетъ столицей, то не будетъ называться Вашингтонъ. Это не мѣшало де-Местру, какъ и Іосифу II, быть умнымъ и проницательнымъ человѣкомъ.

Въ современной метеорологіи для предсказанія погоды примѣняется слѣдующій методъ, основанный на обычной предпосылкѣ точныхъ наукъ: одни и тѣ же факты приводятъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Желая опредѣлить погоду, которая наступитъ за нынѣшнимъ днемъ А, метеорологи отыскиваютъ, въ особыхъ картахъ прошлыхъ лѣтъ (такихъ картъ со временъ Леверрье набралось болѣе 50.000), день В, наиболѣе подходившій ко дню А по своему метеорологическому т и п у, — въ частности, по даннымъ барометрическаго давленія, температуры, вѣтра, состоянія неба и т. д. Затѣмъ съ торжествомъ предсказываютъ: вечеромъ будетъ дождь; ибо день В кончился дождемъ. Во время войны, когда отъ точнаго предвидѣнія погоды часто зависѣли судьбы сраженья, военно-метеорологическія бюро развили огромную дѣятельность. Оказалось, что предсказанія, основанныя на указанномъ выше методѣ, даютъ 90 % удачи, — но только въ перспективѣ одного дня. Желаніе заглянуть въ тайны неба нѣсколько дальше, попытки предсказывать погоду впередъ на мѣсяцъ или даже на недѣлю сильно понижаютъ достовѣрность метеорологическаго гороскопа. Способъ этотъ не отличается абсолютной точностью потому, что не всѣ факторы, отъ которыхъ зависитъ погода, извѣстны и занесены въ таблицы.

Политическіе предсказатели могутъ пользоваться и дѣйствительно часто пользуются аналогичнымъ методомъ. Они отыскиваютъ въ исторіи эпоху, приближающуюся къ данной по своему соціально-политическому т и п у, — и затѣмъ смѣло совершаютъ соотвѣтствующую экстраполяцію. Разумѣется, здѣсь процентъ удачныхъ предсказаній — по достаточно понятнымъ причинамъ — долженъ быть гораздо ниже. Лучшими политическими пророками были тѣ, которые пользовались историческими аналогіями только въ качествѣ чрезвычайно полезнаго вспомогательнаго метода, да и при этомъ соблюдали осторожность. Ибо какъ найти въ исторіи двѣ эпохи, вполнѣ тождественныя по своему типу?

Мнѣ въ другомъ мѣстѣ приходилось цитировать пессимистическое пророчество Фридриха Шиллера, сдѣланное имъ въ дни французской революціи. Исходя изъ низкой моральной культуры, которую обнаружили въ первые революціонные годы всѣ классы французскаго общества, авторъ «Разбойниковъ» и «Фіеско» съ душевной болью предсказывалъ полное крушеніе великаго замысла революціи, неизбѣжность военной диктатуры и даже господство грядущаго французскаго диктатора надъ большею частью европейскаго міра. Предсказаніе Шиллера оправдалось блестяще и Жоресъ отдалъ дань восхищенья политической проницательности германскаго поэта.*) Но, можетъ быть, для чрезмѣрнаго восторга особыхъ основаній все-таки не было: мысль о крахѣ французской революціи и о неизбѣжности военной диктатуры въ ту пору носи-

*) Jean Jaurès. La Convention.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

между обѣими отраслями труда, предчувствуя, что когда эти два полюса труда близко сойдутся, то родится искра, которая сожжетъ мгновенно, испепелитъ всю ложь и все насиліе двоевластія государства и капитала.

§ 62. Фатумъ діалектическаго самоубійства сбывается надъ режимомъ демократически-капиталистическимъ, какъ онъ сбывался надъ предшествовавшими режимами. Демократія погибаетъ отъ того, что въ ней было наилучшаго. Идеалъ свободы, за которымъ она прятала свои интересы, свобода слова и печати, сходокъ, которыя нужны были политиканамъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, привели къ результатамъ, которыхъ политиканы не ожидали. Они пробудили сознаніе массъ, которыя поняли, что политическая свобода, которая сводится къ праву послать въ парламентъ одного изъ двухъ-трехъ кандидатовъ, въ сущности тождественна со свободой выбора, которая представлялась опальнымъ сановникамъ восточныхъ деспотій между кинжаломъ, ядомъ и веревкой. При невѣрномъ свѣтѣ политическаго равенства народъ еще острѣе увидѣлъ позоръ своего экономическаго неравенства, а вѣдь жизнь — это экономика, и политика не больше чѣмъ бѣдная ея тѣнь. Рабочія массы поняли, что, участвуя въ революціи противъ феодальныхъ привилегій, они сами помогли возникновенію новыхъ привилегій еще болѣе тяжелыхъ и унизительныхъ.

Отъ этихъ новыхъ привилегій всего больше пострадалъ рабочій классъ, которому всего рѣзче бросалось въ глаза постоянно ростущее неравенство состояній. Въ ста шагахъ отъ фабрики — этого прокопченнаго ада, возвышалась свѣтлая комфортабельная обитель хозяина, и рабочій, отправляясь на каторжный трудъ и возвращаясь въ свой грязный уголъ, проходилъ мимо недоступнаго ему рая, построеннаго на счетъ его труда и его страданій. Этотъ флигель патрона олицетворялъ въ глазахъ рабочаго весь обманъ политической революціи и всю призрачность политическаго равенства, замѣнившаго юридическое равенство при монархіи.

Послѣдовавшія революціонныя движенія — въ Англіи, во Франціи, позже въ Германіи, уже носили характеръ чисто экономическій и были дѣломъ исключительно рабочаго класса, а не всего населенія.

§ 63. Одно время можно было надѣяться, что рабочій классъ, наконецъ, прозрѣлъ, и что власти политическихъ партій наступилъ конецъ. Но такъ какъ умственный трудъ еще не былъ подготовленъ къ революціоннымъ выступленіямъ противъ капитала, то въ результатѣ рабочихъ возстаній оказалось не пораженіе и даже не ослабленіе политической доминаціи надъ трудомъ, а образованіе новой политической партіи, усмотрѣвшей въ окрѣпшемъ рабочемъ классѣ выгодного

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

платежеспособнаго кліента и послушнаго избирателя. Образовалась новая политическая партія, назвавшая себя партіей рабочей или соціалъ-демократіей.

§ 64. Рабочей партіей она назвалась не потому, что состояла изъ рабочихъ, защищавшихъ свои собственные интересы. Вождями и душою партіи оставались тѣ-же политиканы, тѣ-же властодержцы, жившіе на счетъ труда, тѣ-же адвокаты чужихъ интересовъ, только избравшіе объектомъ своихъ заботъ не все населеніе противъ одного класса феодаловъ, какъ это дѣлала демократія, а одинъ классъ — именно классъ ручныхъ рабочихъ — противъ всего населенія. Въ этомъ заключалась выгодность позиціи новой партіи. Такъ какъ сущность всякаго политиканства сводится къ выборной агитаціи, то очевидно, что соціалистамъ, защищавшимъ одинъ классъ съ опредѣленными интересами, легче было обѣщать и льстить, чѣмъ демократамъ, защищавшимъ разные классы съ разнообразными и часто противорѣчивыми интересами. Демократія напоминала того анекдотическаго кандидата, который, увлекшись краснорѣчіемъ, обѣщалъ избирателямъ, въ случаѣ своего избранія, расширить на одинъ метръ всѣ улицы ихъ города.

Названіе рабочей партіи оказывалось выгоднымъ еще потому, что путало карты. Въ составъ партіи входили, между прочимъ, въ качествѣ толпы плательщиковъ и членовъ избирательныхъ ячеекъ, и подлинные рабочіе, что создавало фикцію, будто это и есть партія рабочихъ, а не партія политикановъ, живущихъ на счетъ рабочаго класса. Но пропасть, раздѣлявшую рабочую партію отъ рабочаго класса, нельзя было наполнить словами.

§ 65. Названіе «соціалъ-демократія», которое пристало къ партіи въ Германіи и оттуда перешло въ Россію, логически заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. Соціализмъ носитъ характеръ классовый, а демократія — національный. Быть соціалъ-демократомъ значило обречь себя на сидѣніе между двухъ стульевъ. Однако это логическое противорѣчіе имѣло глубокій историческій смыслъ. Оно означало, что соціализмъ, идя на смѣну демократіи, вынужденъ былъ облечься въ ея шкуру, уподобиться ей по своимъ цѣлямъ, средствамъ и пріемамъ. Подобно демократіи, подобно монархіи, соціалъ-демократія была убѣждена въ томъ, что трудъ самъ не справится со своей судьбою, что рабочій классъ нуждается въ заботахъ и попеченіяхъ политикановъ, которые будутъ держать въ своихъ рукахъ власть надъ трудомъ, разумѣется въ интересахъ труда! Однако у новой политической партіи, какъ у всѣхъ прежнихъ властодержцевъ, имѣлись свои собственные партійные интересы, которые заключались въ самой

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

власти и сопряженныхъ съ нею матеріальныхъ преимуществахъ и почетѣ.

§ 66. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая», — заявляетъ Марксъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, — и въ этихъ словахъ сказалась завѣтная тайная мысль партіи. Политическая борьба это борьба за власть. Кто-же будетъ держать въ рукахъ эту власть? Очевидно, не рабочій классъ, мало подготовленный для политической борьбы, а рабочая партія, ея вожди, обладающіе всѣмъ аппаратомъ политиканства — умѣніемъ красно говорить на избирательныхъ митингахъ, искусствомъ обѣщать и льстить.

Вожди и теоретики соціализма нигдѣ, конечно, не заявляютъ открыто, что политическая власть, отнятая у буржуазіи, перейдетъ въ партіи, а не къ самимъ рабочимъ. Вообще теоретики соціализма, всячески стараясь стереть грани между рабочей партіей и рабочимъ классомъ, окутываютъ вопросъ о власти густымъ туманомъ. Не то самъ пролетаріатъ овладѣетъ политическою властью, низвергнувъ власть буржуазіи (§ 34 К. М.), не то этими властодержцами окажутся члены коммунистической партіи, «имѣющей надъ пролетарской массой преимущество, которое даетъ пониманіе условій, хода и общихъ результатовъ пролетарскаго движенія» (тотъ-же §). Ленинъ былъ искреннѣе. Онъ откровенно признаетъ, что рабочій классъ — несовершеннолѣтній и нуждается въ опекѣ партіи. «У рабочихъ не можетъ быть соціалъ-демократическаго сознанія», заявляетъ онъ прямо въ брошюрѣ. «Что дѣлать?» — «Оно могло быть принесено только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонизма... Ученіе-же соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ и экономическихъ теорій, которыя вырабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей. Основатели современнаго научнаго соціализма — Марксъ и Энгельсъ — принадлежали и сами по своему соціальному положенію къ буржуазной интеллигенціи».

Выводъ ясенъ: политическая власть должна находиться въ рукахъ сознательныхъ членовъ партіи, а не полусознательныхъ рабочихъ массъ.

Такимъ образомъ соціализмъ, стремясь къ уничтоженію всѣхъ привилегій, привелъ къ созданію партіи, пользующейся всѣми сопряженными съ властью привилегіями. Вотъ порочный кругъ, изъ котораго соціалистической партіи не выбраться.

§ 67. Соціалъ-демократія пришла къ соисканію власти послѣ всѣхъ и пришла путемъ чисто разсудочнымъ, такъ что ей прежде всего пришлось рѣшить вопросъ, какими сред-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ствами добиваться власти, мирными или революціонными. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и первыхъ порывовъ революціоннаго задора, партія благоразумно остепенилась и избрала тактику «перманентной революціи», то-есть рѣшила, что вначалѣ наступленіе должно вестись ползкомъ, оппортунистски, а уже потомъ, въ концѣ боя, партія бросится въ атаку бѣгомъ. Но и въ первомъ ползучемъ, минимальномъ, демократическомъ, парламентскомъ періодѣ, и во второмъ окрыленномъ, максимальномъ, большевистскомъ періодѣ интересами партіи неизмѣнно оставались власть и привилегіи, съ властью сопряженныя.

Прежде всего партія прибѣгла къ испытанному всѣми властодержавцами методу доведенія до послѣднихъ логическихъ выводовъ тезиса своихъ противниковъ. Такъ какъ демократія провозгласила своимъ лозунгомъ политическое равенство, то соціалисты побудили рабочія массы потребовать всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Въ этомъ смыслѣ партія вполнѣ логично назвалась соціалъ-демократіей. Это означало, что для того чтобы достигнуть соціальнаго идеала, партія рѣшила участвовать въ злѣ и обманѣ буржуазнаго политиканства, и вотъ почему можно назвать соціализмъ явленіемъ мелко-буржуазнымъ, такимъ-же зломъ и такой-же опасностью для труда, какъ демократія.

Но въ дѣйствительности, соціализмъ, при самомъ своемъ зарожденіи, таилъ въ себѣ гораздо большій соблазнъ, бо́льшую опасность для труда, чѣмъ всѣ существовавшіе до него режимы.

§ 68. И вотъ почему. Ни демократія, ни даже абсолютная монархія не могли мечтать о полнотѣ власти, потому что нація представляла конгломератъ противорѣчивыхъ интересовъ, и власти поневолѣ приходилось лавировать между общественными группами, искать поддержки у однѣхъ противъ другихъ. Соціалисты-же, опираясь на одинъ классъ, который можетъ по ихъ расчетамъ доставить имъ большинство и вслѣдствіе этого признавая всѣ другіе классы ненужными, подлежащими истребленію, смогли въ своей жаждѣ власти дойти до конца, и осуществить партійно ту мечту, которой не смогли осуществить Тамерланъ, Александръ Македонскій, Наполеонъ. Соціализмъ пошелъ дальше Polizeistaat, который пытался контролировать только внѣшнюю форму соціальныхъ отношеній, оставляя свободными производство и распредѣленіе. Соціалисты-же, въ вѣчной борьбѣ между властью и трудомъ, возмечтали о власти абсолютной надъ трудомъ. Взять подъ контроль государства, то-есть подъ контроль своей-же партіи, захватившей государственную власть, все разнообразіе соціальной жизни, все производство,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

все распредѣленіе, все потребленіе, учесть всѣ потребности, каждый кусокъ хлѣба, каждый глотокъ воды каждаго обывателя — таковъ былъ чудовищный, какъ будто неисполнимый планъ кабинетныхъ творцовъ соціализма, столь полно и столь трагически выполненный ихъ послѣдовательными и вѣрными учениками — русскими большевиками.

§ 69. Доведенное до послѣднихъ предѣловъ властолюбіе нуждалось, очевидно, въ прикрытіи самыми благородными самоотверженными идеями. Въ отличіе отъ автократіи и демократіи, соціализмъ, который обращается не ко всей націи, а только къ ручному труду, естественно долженъ былъ заговорить языкомъ матеріалистическимъ. Идеалисты отъ матеріализма. Партія признаетъ матеріализмъ общимъ закономъ всѣхъ человѣческихъ отношеній. Но каждый членъ этой партіи является счастливымъ исключеніемъ изъ общаго закона. Всѣ общественныя группы, всѣ классы руководятся въ своей дѣятельности исключительно матеріальными интересами, и Марксъ, вышучивая идеологію буржуазіи, понимаетъ, что «законы, мораль, религія являются въ глазахъ пролетаріата буржуазными предразсудками, за которыми скрываются буржуазные интересы». А вотъ соціалисты, вышедшіе изъ буржуазіи, никакихъ своихъ интересовъ не имѣютъ, а пребываютъ лишь идеологами чужого класса. Откуда такое безкорыстіе? Марксъ объясняетъ это удивительное явленіе тѣмъ, что въ эпохи классовыхъ конфликтовъ всегда небольшая группа отдѣляется отъ господствующаго класса и пристаетъ къ классу революціонному, которому принадлежитъ будущее. Такъ нѣкогда часть дворянства перешла къ буржуазіи, также какъ въ наши дни часть буржуазіи переходитъ къ пролетаріату. Это и есть тѣ буржуазные идеологи, которые «возвысились до теоретическаго пониманія историческаго движенія въ его совокупности».

§ 70. Когда часть дворянства перешла на сторону буржуазіи, она отказалась отъ дворянскихъ привилегій и вошла въ ряды буржуа. Аналогія была-бы вѣрна, если-бы буржуазные идеологи соціализма, перейдя на сторону пролетаріата, отказались отъ буржуазнаго образа жизни, отъ привилегированнаго положенія, связаннаго съ ихъ прежними занятіями и слились съ пролетаріатомъ, стали сами пролетаріями, ручными рабочими. Тогда-бы ихъ интересы носили классово-трудовой характеръ и ни въ какихъ маскахъ и покровахъ не нуждались. Ихъ поведеніе объяснялось-бы чувствомъ самосохраненія: они покинули гибнущій корабль и перебрались на сушу. Но вѣдь этого не случилось. Идеологи соціализма не бросили буржуазнаго образа жизни, не стали за станки рядомъ съ ихъ новыми товарищами по труду, а продолжали свои прежнія занятія политикановъ, адвокатовъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

чужихъ интересовъ и опекуновъ надъ чужимъ трудомъ. Они только перемѣнили кліента, сохранивъ прежнія условія гонорара. При такомъ положеніи дѣла слова Маркса о «революціонномъ классѣ, которому принадлежитъ будущее» получаютъ другой болѣе искренній и реальный смыслъ. Оно означаетъ, что буржуазные интеллигенты, становясь соціалистами, бросаютъ кліента богатаго и берутся защищать интересы кліента бѣднаго, потому что этотъ нынѣ бѣдный кліентъ, благодаря ихъ совѣтамъ и руководству, вскорѣ разбогатѣетъ, ибо ему принадлежитъ будущее, а прежній богатый кліентъ обѣднѣетъ. Тутъ расчетъ простой и ясный.

§ 71. — «Но мы добиваемся политической власти не для себя, — отвѣтятъ соціалисты. Мы боремся за диктатуру пролетаріата. Если-же наша партія беретъ власть въ свои руки, то это лишь временно, — до тѣхъ поръ пока пролетаріатъ не станетъ болѣе сознательнымъ». Увы, весь историческій процессъ происходитъ во времени, и еще не было случая, чтобы властодержцы добровольно отказались отъ власти. Скорѣе можно ожидать противнаго. Добившись власти и болѣе не нуждаясь въ избирательныхъ бюллетеняхъ рабочихъ, партія, увлекаемая роковою силой властолюбія, изъ адвоката и опекуна рабочаго класса сдѣлается его деспотомъ, — при помощи средствъ, испытанныхъ всѣми режимами. При помощи арміи, т. е. тѣхъ-же рабочихъ, одѣтыхъ въ военные мундиры и временно причастныхъ власти. При помощи патріотизма, который въ данномъ случаѣ будетъ означать не любовь къ своему народу, подъ которой скрывалась ненависть ко всѣмъ другимъ народамъ, а любовь къ своему классу, подъ которой будетъ скрываться ненависть ко всѣмъ другимъ классамъ. При помощи дисциплины, — словомъ, при помощи всѣхъ магій и гипнозовъ, на которыхъ держалась автократія и демократія. Къ тому-же, всѣ эти предположенія, давно превращены въ дѣйствительность большевистскимъ режимомъ.

§ 72. Едва-ли, впрочемъ, найдется умный соціалистъ, который сталъ-бы отрицать, что у рабочей партіи имѣются свои интересы, отдѣльные отъ интересовъ рабочаго класса. — Да, скажетъ онъ, партія стремится къ власти, но приравнивать соціалистовъ къ автократамъ и демократамъ только потому, что и они ищутъ власти, значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Интересы всѣхъ донынѣ существовавшихъ политическихъ партій находились въ конфликтѣ съ интересами пролетаріата. Интересы-же нашей соціалистической партіи параллельны интересамъ пролетаріата. Вы скажете, что партія желаетъ націонализировать производство съ тѣмъ, чтобы сосредоточить всю власть надъ производствомъ въ своихъ рукахъ. Допустимъ. Но націонализація производ-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ства спасаетъ пролетаріатъ отъ эксплуатаціи частнаго капитала. Полный параллелизмъ интересовъ. То-же самое въ сферѣ потребленія. Система коммунизма, подчиняющая потребности индивидуальныя требованіямъ коллектива, усилитъ несомнѣнно власть той партіи, которая стоитъ во главѣ коллектива, то-есть партіи коммунистовъ, но эта-же система спасаетъ общество отъ несправедливостей и катастрофъ, связанныхъ съ нынѣшнимъ хаотическимъ индивидуальнымъ хозяйствомъ. Опять-таки параллелизмъ интересовъ. Вы вотъ сами назвали нашу партію адвокатомъ пролетаріата. Интересы адвоката и кліента въ извѣстномъ пунктѣ, конечно, расходятся, именно въ пунктѣ, касающемся гонорара. Но во время всего процесса ихъ интересы солидарны, такъ что въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ во Франціи, адвокатъ на судѣ говоритъ о своемъ кліентѣ въ первомъ лицѣ: «мы» пострадали, «намъ» нанесли уронъ. Поэтому и соціалисты говорятъ о пролетаріатѣ въ первомъ лицѣ, хотя отлично сознаютъ, что принадлежатъ къ разнымъ общественнымъ классамъ. И если, въ самомъ дѣлѣ, соціализмъ выиграетъ передъ исторіей процессъ пролетаріата, если онъ измѣнитъ всѣ условія производства и потребленія въ интересахъ рабочаго класса, неужели въ такомъ случаѣ можно придать какую-нибудь важность вопросу о гонорарѣ, неужели то, что вы называете интересами партіи, то-есть ея нахожденіе у власти и пользованіе нѣкоторыми преимуществами, сопряженными съ властью, неужели все это не исчезаетъ передъ огромнымъ совершеннымъ ею подвигомъ, передъ великой побѣдой, которую она одержала во имя рабочихъ и для рабочихъ. Неужели важно не то, что говорили и что писали, въ поученіе всему человѣчеству, Марксъ, Бебель, Жоресъ, а важно то, изъ сколькихъ блюдъ они съѣдали обѣдъ и изъ сколькихъ комнатъ состояла квартира, которую они занимали?

§ 73. Вотъ что скажетъ намъ умный и добросовѣстный коммунистъ. И мы должны внимательно прислушаться къ этимъ словамъ. Не забудемъ, что если среди монархистовъ и демократовъ мы признали существованіе людей искренныхъ и честныхъ, то среди соціалистовъ такіе люди составляютъ громадное большинство. Будучи политиканами-властодержцами, они въ то-же время — восторженные революціонеры, вѣрующіе въ святость своего дѣла. Вѣдь адвокатъ относится къ своему кліенту иначе, смотря по тому вѣритъ-ли онъ въ его правоту или нѣтъ. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ политическихъ партій соціалисты впервые выступили на защиту труда. Это адвокаты, которые защищаютъ правое дѣло, и если-бы зависѣло отъ ихъ воли, они устроили-бы рай на землѣ. Но въ томъ-то и горе, что конфликтъ между властью и трудомъ происходитъ на глубинѣ, куда не досягаетъ ни

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

воля, ни сознаніе, и также непримиримъ, неустранимъ, какъ та вражда, которая, согласно библейской легендѣ, извѣчно легла между зміемъ и человѣкомъ: онъ будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту.

§ 74. Допустимъ на время, что вопросъ о гонорарѣ играетъ второстепенную роль въ отношеніяхъ между рабочей партіей и рабочимъ классомъ, хотя это значитъ допустить, что образованіе новаго господствующаго класса, обладающаго всѣми привилегіями, которыя даетъ власть, совмѣстимо съ идеаломъ коммунистическаго равенства, къ осуществленію котораго эта партія стремится. Допустимъ на время эту несообразность, и тогда только мы вплотную подойдемъ къ безднѣ, которая раздѣляетъ трудъ и власть.

Чѣмъ оправдываетъ партія свое властолюбіе? Тѣмъ, что пролетаріатъ, представленный себѣ, не сумѣетъ защищать интересы труда противъ эксплуатаціи буржуазіи. Но чтобы возглавить собою рабочій классъ, соціализмъ долженъ былъ — роковымъ образомъ — пытаться обезглавить трудъ, разлучить тѣло труда — ручныхъ рабочихъ — отъ его головы — отъ рабочихъ умственныхъ. Соціализмъ въ интересахъ самосохраненія — вынужденъ былъ признать, что трудъ представленъ только мышцами, а что касается мозга, то это такая ничтожная величина, о которой и говорить не стоитъ.

Вначалѣ партія отнеслась къ умственному труду съ понятнымъ для политикановъ пренебреженіемъ. Добиваясь власти посредствомъ выборовъ, партія естественно должна была все вниманіе сосредоточить на количествѣ голосовъ, а количественно умственный трудъ, конечно, ничтоженъ въ сравненіи съ вѣсомъ костей и мышцъ. Что значитъ избирательные бюллетени десяти химиковъ, инженеровъ въ сравненіи съ тысячами рабочихъ голосовъ? Но подъ этимъ пренебреженіемъ скрывалось иное чувство — чувство страха передъ единственными законными претендентами на власть. Союзъ ручнаго и умственнаго труда означалъ-бы смерть соціалистической партіи, ибо въ такомъ случаѣ власть надъ трудомъ была бы замѣнена самовластіемъ труда. И вотъ партія, опасаясь смерти, умертвила трудъ, ибо, становясь между душою и тѣломъ труда, между творчествомъ и исполненіемъ, она обрекла трудъ на безплодіе.

Такимъ образомъ мы нащупали основной эгоистическій партійный интересъ соціализма и сдѣлали это не съ тѣмъ, чтобы укорять партію въ неискренности, а съ тѣмъ, чтобы понять всю порочность соціалистической идеологіи, искаженной скрытымъ за нею интересомъ. То, что называется научнымъ соціализмомъ, научной соціалистической доктриной, затмеваетъ сознаніе пролетаріата, скрываетъ отъ него, утаиваетъ значеніе умственнаго труда и обольщаетъ его

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

утвержденіемъ, что классъ ручныхъ рабочихъ и есть весь рабочій классъ и что простой мускульный трудъ — мѣрило труда вообще.

§ 75. Соціальная доктрина Маркса, или то, что принято называть научнымъ соціализмомъ, сводится къ слѣдующимъ четыремъ тезисамъ:

1. Все накопленное вѣками національное богатство принадлежитъ по праву пролетаріату, ибо это богатство является ничѣмъ инымъ, какъ накопленіемъ прибавочной стоимости за счетъ недоплаченной рабочимъ рабочей платы. (Капиталъ, Т. 1, Гл. 5, 2).

2. Помимо права на сторонѣ пролетаріата находится и сила. Будучи по праву хозяиномъ всего національнаго богатства, пролетаріатъ, объединенный на большихъ фабрикахъ, можетъ и долженъ экспропріировать экспропріаторовъ, революціонно отнять у частныхъ собственниковъ ихъ имущество и превратить его въ собственность общественную. (К. М. 21, 28, 32, 36).

3. Съ этой цѣлью пролетаріатъ долженъ прежде всего захватить въ свои руки политическую власть, установить свою диктатуру и деспотическими мѣрами измѣнить соціальную структуру общества. (К. М. 22, 34, 52, 53).

4. Освобожденіе пролетаріата будетъ дѣломъ самого пролетаріата, который и будетъ осуществлять диктатуру власти. Однако на первыхъ порахъ бремя власти возьмутъ на себя вышедшіе изъ буржуазіи идеологи-коммунисты, составляющіе авангардъ пролетаріата и имѣющіе передъ пролетарской массой преимущество широты взглядовъ и обхвата соціальнаго движенія въ цѣломъ. (К. М. 25, 34).

Связь между этими четырьмя догматами для насъ теперь ясна. Психологически они слѣдуютъ въ обратномъ порядкѣ:

1. Мы, идеологи-политиканы, хотимъ властвовать надъ трудомъ, замѣнивъ собой прежнихъ политикановъ.

2. Для этого мы должны имѣть на своей сторонѣ количество, ручныхъ рабочихъ, пренебрегая качествомъ — трудомъ умственнымъ.

3. Для этого мы должны убѣдить это количество, что хотя власть будетъ практически находиться въ нашихъ рукахъ, но теоретически это будетъ диктатура пролетаріата.

4. Для этого намъ нужно доказать, что право и сила принадлежатъ только количеству — ручнымъ, рабочимъ, пролетаріату.

Марксъ старался доказать это въ своемъ ученіи о прибавочной стоимости. Съ раскрытіемъ неудачи его попытки все зданіе научнаго соціализма разсыпается въ прахъ.

§ 76. Раньше чѣмъ уступить пролетаріату право на весь національный капиталъ, Марксъ утверждаетъ законъ, со-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

гласно которому цѣнность продукта зависитъ исключительно отъ количества вложеннаго въ него труда. Всякій предметъ производства, всякій фабрикатъ или товаръ есть ничто иное, какъ носитель окристаллизованнаго въ немъ труда. Мѣрило цѣнностей — трудъ, мѣрило труда — время. Трудовой часъ вотъ общая мѣра всѣхъ существующихъ цѣнностей.

Эта объективная трудовая теорія цѣнностей, установленная Марксомъ, подвергалась въ наукѣ рѣзкой критикѣ, и на ряду съ нею выдвинуты другія субъективныя теоріи. Возраженія сводятся къ тому, что цѣнность продукта опредѣляется, помимо количества вложеннаго въ него труда, еще полезностью и необходимостью его въ данный моментъ, а также прихотями вкуса и измѣнчивыми требованіями моды. Возраженія эти, конечно, серьезны, но они, кажется, не колеблютъ основнаго закона о трудѣ, подобно тому какъ полетъ птицы не колеблетъ закона о земномъ тяготѣніи. Полетавъ по воздуху, птица все-же опустится на землю. Точно также, претерпѣвъ временныя колебанія спроса или моды, цѣнность не можетъ не вернуться къ нормѣ труда. Трудовая теорія Маркса можетъ быть признана въ общемъ вѣрной, и мы тѣмъ охотнѣе признаемъ ея вѣрность, что судить о выводахъ изъ какой-либо теоріи всего удобнѣе, признавъ ея основоположенія.

§ 77. Итакъ, признаемъ вмѣстѣ съ Марксомъ, что истинная стоимость продукта опредѣляется количествомъ окристаллизованнаго въ немъ общественно-полезнаго труда. Согласно этому закону, цѣна товара на рынкѣ должна была-бы равняться стоимости вложеннаго въ него труда. На самомъ-же дѣлѣ рыночная цѣна товара превышаетъ его трудовую стоимость.

Фабрикантъ купилъ сырья на сумму a, заплатилъ рабочему за превращеніе сырья въ товаръ сумму b, истратилъ при этомъ процессѣ машинъ и матеріала на сумму c. Стоимость товара, такимъ образомъ, должна бы равняться a+b+c. Но фабрикантъ требуетъ за товаръ a+b+c+d и вотъ Марксъ ставитъ роковой вопросъ: откуда берется эта прибавка d, составляющая прибыль капиталиста, или, другими словами, какой и чей трудъ окристаллизованъ въ этой прибавкѣ, въ этой прибыли, ибо цѣнность создается только трудомъ.

И вотъ рѣшающій для всего соціализма отвѣтъ Маркса:

Прибавочная стоимость получилась вслѣдствіе того, что трудъ рабочаго имѣетъ двойную природу: его рыночная стоимость ниже его стоимости потребительной. Фабрикантъ, заплативъ рабочему сумму b, купилъ только шесть рабочихъ часовъ въ день, ибо такое количество труда необходимо для производства средняго дневного количества средствъ существованія рабочаго. Между тѣмъ фабрикантъ, подъ защитой

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

буржуазныхъ законовъ, заставляетъ рабочаго работать двѣнадцать часовъ въ день. Такъ вотъ эти шесть эксплуататорски украденныхъ недоплаченныхъ рабочихъ часовъ и образовали прибавочную стоимость, составили прибыль фабриканта. А такъ какъ все достояніе имущихъ классовъ, весь національный капиталъ образовался изъ постепеннаго накопленія прибылей, то выводъ получается тотъ, который выраженъ въ ст. 3 большевистской конституціи, объявляющей весь земельный фондъ, всѣ образцовыя хозяйства, всѣ фабрики, заводы, рудники, желѣзныя дороги, всѣ банки собственностью совѣтской крестьянско-рабочей Республики.

§ 78. Къ своей теоріи Марксъ пришелъ отрицательнымъ путемъ. Онъ не нашелъ среди элементовъ, составляющихъ цѣнность, ни одного, который могъ-бы породить прибавочную стоимость и поэтому объяснилъ ея происхожденіе недоплаченной рабочей платой. Между тѣмъ такой элементъ — огромной исключительной важности — существуетъ.

Марксъ не замѣтилъ или, можетъ быть, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ и даже прибѣгъ къ самымъ рискованнымъ парадоксамъ, чтобы и другіе не замѣтили того факта, что наряду съ трудомъ неоплаченнымъ — который можетъ быть и ручной, и умственный — существуетъ еще трудъ даровой — исключительно умственный, играющій въ производствѣ рѣшающую роль.

Вотъ простой наглядный примѣръ. Вы строите домъ и для этого нанимаете плотниковъ, каменьщиковъ, кровельщиковъ и платите имъ за ихъ работу. Въ то-же время вы платите архитектору за его планы, чертежи, выкладки. Домъ выстроенъ и вы желаете построить другой — такой-же. Вы должны снова нанять плотниковъ, каменьщиковъ, которые должны опять напрягать свои мускулы и которымъ вы должны снова платить, какъ будто вы строите впервые, но чертежи и вычисленія могутъ служить неограниченное число разъ тѣ-же самые, безъ новаго напряженія умственныхъ силъ со стороны архитектора. Въ Лондонѣ мы видимъ цѣлые кварталы, застроенные домами на одинъ образецъ. Рабочіе столько разъ клали стѣны и стлали крыши, сколько домовъ. Архитекторъ работалъ надъ чертежами только разъ. И если онъ при этомъ выказалъ творчество, находчивость, выдумку, то его трудъ будетъ служить многократно и безвозмездно цѣлымъ поколѣніямъ.

Трудъ мускульный не только овеществленъ, окристаллизованъ въ своемъ продуктѣ, но какъ-бы замурованъ, похороненъ въ немъ. Онъ неотрывно прикованъ къ пространству, въ которомъ былъ истраченъ. Трудъ — же умственный живетъ во времени, въ которомъ онъ творитъ и творчески возрождается изъ себя самого. Ручной трудъ, какъ воскъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

свѣчи, безслѣдно изчезаетъ въ самомъ процессѣ работы. Умственный трудъ, какъ огонь свѣчи, можетъ передать свою энергію тысячѣ источниковъ свѣта, не теряя въ силѣ. Ручной трудъ исполняетъ и поэтому, исполнивъ заданіе, умираетъ. Умственный трудъ творитъ и безсмертенъ. Каждый творческій актъ умственнаго труда, каждое открытіе науки, каждое изобрѣтеніе техники спустя извѣстное число лѣтъ теряетъ привилегію собственности и становится всеобщимъ достояніемъ. Бергсонъ, говоря о времени, сравниваетъ его съ постоянно растущимъ океаномъ, подъ давленіемъ котораго мы развиваемся и совершенствуемся. Это относится, разумѣется, не къ абсолютному времени, которое безконечно и всегда себѣ равно, а ко времени человѣческому, къ умственной жизни человѣческой. Въ этомъ отношеніи мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся подъ давленіемъ какого-то воздушнаго океана постоянно наростающей умственной энергіи, и совершенно невозможно измѣрить, какую рабочую силу представляетъ этотъ резервуаръ открытій, изобрѣтеній, вычисленій, и формъ, накопившихся вѣками. Весь окружающій насъ міръ — одежда, которую мы носимъ, дома, въ которыхъ живемъ, милліоны колесъ и поршней, вращающихся, снующихъ на землѣ, на водѣ и въ воздухѣ — все это создано умственнымъ трудомъ— силой столь-же благотворной и столь-же даровой, какъ свѣтъ солнца, но болѣе постоянной, ибо она не зависитъ ни отъ временъ года, ни отъ капризовъ погоды. Но вся эта неизмѣримая сила труда, будучи даровой, остается все-же трудомъ, овеществляется, кристаллизуется въ продуктахъ производства, въ товарахъ, увеличиваетъ ихъ цѣнность, создаетъ прибавочную стоимость, служитъ неизсякаемымъ источникомъ прибыли, которой пользуется не трудъ, а капиталъ.

§ 79. Соціалистическій тезисъ, развиваясь, привелъ, по закону діалектики, къ своему отрицанію. Трудовая теорія цѣнности, на которой построена вся идеологія коммунизма, выдѣлила изъ себя истину о даровомъ умственномъ трудѣ, которая опрокидываетъ вверхъ дномъ программы и платформы всѣхъ соціалистическихъ партій безъ изъятія.

Съ высоты этой истины умственные работники, наконецъ, получили возможность обратиться непосредственно къ рабочему классу, надъ головой всѣхъ рабочихъ партій, и глядя прямо въ глаза, сказать ему:

— Твои идеологи, всѣ эти пропагандисты и агитаторы, внушающіе тебѣ, что весь національный капиталъ принадлежитъ по праву тебѣ одному, льстятъ тебѣ, какъ въ свое время церковь льстила королямъ и императорамъ, съ тою разницей, что нищая церковь довольствовалась за свою лесть крохами со стола автократіи, между тѣмъ какъ идеологи посылаютъ тебя на экспропріацію національнаго капитала

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

съ тѣмъ, чтобы потомъ самимъ, при помощи своей безчисленной партійной бюрократіи, владѣть и управлять этимъ, тобою отнятымъ, добромъ. Нѣтъ, національный капиталъ — дома, фабрики, машины, помѣстья — принадлежатъ не тебѣ одному, а намъ обоимъ, мышцамъ и мыслямъ — и даже не въ равной мѣрѣ, ибо доля ручного труда представляетъ рядъ убывающій по мѣрѣ уменьшенія рабочихъ часовъ и увеличенія рабочей платы, между тѣмъ какъ доля умственнаго труда постоянно наростаетъ въ количествѣ и силѣ. Приведенный примѣръ Маркса расчитанъ былъ имъ на двѣнадцатичасовой рабочій день, слѣдовательно съ тѣхъ поръ вліяніе ручного труда на ростъ капитала уменьшилось на двѣ трети. А сколько вкладовъ въ резервуаръ даровой умственной энергіи принесли за эти пятьдесятъ лѣтъ наука, техника, искусство! Но мы, умственные рабочіе, предъявляемъ право на свою долю національнаго капитала не съ тѣмъ, чтобы дѣлить и рвать его на куски, а съ тѣмъ, чтобы, отстранивъ всѣхъ властодержцевъ, чуждыхъ творчеству, вернуть эти накопленныя вѣками богатства двуединому труду, рабочему человѣчеству, которому мы обязаны и жизнью, и способностью работать и творить.

§ 80. Обвинять Маркса въ намѣренномъ искаженіи истины никто, конечно, не рѣшится. И тѣмъ не менѣе, внимательно вчитываясь въ «Капиталъ», ясно видишь, къ какимъ софизмамъ и уловкамъ прибѣгалъ авторъ, чтобы замести слѣды и обезцѣнить, свести на нѣтъ умственную дѣятельность.

Съ этой цѣлью, раньше чѣмъ раскрыть происхожденіе прибавочной стоимости, Марксъ, какъ будто въ видахъ объективной научной истины, анализируетъ двойную природу труда. — «Я первый, — съ гордостью заявляетъ онъ, — критически раскрылъ этотъ двойственный характеръ представленнаго въ товарѣ труда. Такъ какъ этотъ пунктъ является рѣшающимъ и отъ него зависитъ все въ политической экономіи, то мы разсмотримъ его здѣсь болѣе подробно».

Въ этихъ словахъ вѣрно то, что отъ правильнаго анализа труда зависитъ рѣшеніе всей соціальной проблемы.

Марксъ различаетъ два аспекта труда. Во-первыхъ, трудъ конкретно — индивидуальный, — трудъ портного, ткача, писателя, словомъ трудъ, создающій полезныя потребительныя цѣнности. Однако цѣнности эти, поступая на рынокъ, подлежатъ обмѣну и, слѣдовательно, сводятся къ какой-то общей мѣрѣ. Нельзя считать такою мѣрою деньги, ибо золото, замѣчаетъ Марксъ, такая-же потребительная цѣнность, какъ другіе товары. Общей мѣрой для всѣхъ видовъ конкретнаго труда является, по его мнѣнію, трудъ абстрактный, безличный, простой средній человѣческій трудъ въ физіологи-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ческомъ смыслѣ. Если сюртукъ можетъ быть обмѣненъ на десять аршинъ холста, то это потому, что въ одномъ сюртукѣ и десяти аршинахъ холста окристаллизовано одинаковое количество часовъ абстрактнаго простого труда.

Глава эта написана съ большимъ блескомъ, съ прибаутками и цитатами и производитъ впечатлѣніе заговариванія ловкаго фокусника. Марксъ жонглируетъ понятіями о разныхъ формахъ цѣнности, и пока вниманіе читателя приковано въ этимъ тонкосплетеніямъ, незамѣтно эскамотируется, исчезаетъ умственный трудъ. Вотъ былъ и вотъ нѣтъ его. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Маркса, умственный трудъ, какъ и другіе виды труда, сводится къ простому физіологическому труду. Если умственная дѣятельность инженера, техника цѣнится на рынкѣ выше, чѣмъ простая рабочая сила, то это происходитъ отъ того, что она требовала большихъ издержекъ на воспитаніе и обученіе, чѣмъ простой рабочій трудъ.

Согласно этой изумительной теоріи, трудъ Эддисона и трудъ зауряднаго техника имѣютъ одинаковую мѣновую стоимость, ибо воспитаніе обоихъ стоило тѣхъ-же издержекъ. Въ сравненіи-же съ трудомъ чернорабочаго трудъ Эддисона долженъ, по Марксу, оцѣниваться разъ въ десять или въ двадцать дороже, насколько высшее образованіе стоитъ дороже первоначальнаго. Въ общей-же экономіи національнаго производства умственный трудъ въ сравненіи съ ручнымъ, если свести тотъ и другой къ указанной Марксомъ общей мѣрѣ, оказался-бы по значенію столь-же ничтожнымъ, какъ количество избирательныхъ бюллетеней десятка умственныхъ работниковъ въ сравненіи съ тысячами голосовъ пролетарской массы. А такъ какъ право на власть обусловлено суммой внесеннаго въ національный капиталъ труда, то выводъ изъ теоріи Маркса о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда ясенъ: вся власть, по праву, принадлежитъ простому физіологическому труду, что и требовалось, въ интересахъ партійнаго властодержавства, внушить пролетаріату.

§ 81. Нетрудно раскрыть, что разсужденія Маркса о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда также невѣрны, какъ и его ученіе о прибавочной стоимости. Сюртукъ и десять аршинъ холста, чтобы взять его-же примѣръ, конечно, соизмѣримы. Но если-бы Марксъ сравнилъ трудъ портного, сшившаго ему сюртукъ, и хотя-бы свой собственный умственный трудъ по сочиненію «Капитала», онъ увидѣлъ-бы, что трудъ портного осужденъ на безслѣдное исчезновеніе съ превращеніемъ сюртука въ тряпье, между тѣмъ, какъ трудъ автора «Капитала» имѣлъ шансы жить и возрождаться съ каждымъ новымъ изданіемъ и переводомъ. Ибо хотя «Капиталъ» изъ партійныхъ цѣлей и направленъ противъ мысли и духа (недаромъ Марксъ любилъ называть «нашимъ философомъ» Дицгена, который

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ «Аквизитахъ Философіи» доказываетъ, что «само сознаніе матеріально»), однако самъ является продуктомъ умственной дѣятельности и раздѣляетъ ея судьбу — быть резервуаромъ энергіи не только явной, уже растраченной въ прошломъ, но еще скрытой, обращенной къ будущему. И если на товарномъ рынкѣ научный манускриптъ и сюртукъ и сводятся къ общей денежной мѣрѣ и какъ будто кажутся соизмѣримыми, то это происходитъ оттого, что на товарномъ рынкѣ принимается въ расчетъ лишь трудъ, уже выявленный, а не тотъ, которому дано строить будущее.

Если Марксъ развивалъ эти теоріи безсознательно, увлеченный тѣмъ приводнымъ ремнемъ, при помощи котораго интересы приводятъ въ движеніе идеи, то онъ не болѣе виноватъ, чѣмъ всѣ жившіе донынѣ властодержцы. Если-же онъ сознательно скрылъ истину, то онъ совершилъ то единственное преступленіе, которому нѣтъ прощенія: преступленіе противъ духа. Выступивъ идеологомъ труда противъ эксплуатаціи, онъ своей доктриной убилъ душу труда. И то, что онъ замыслилъ въ теоріи, большевики — его вѣрнѣйшіе ученики и послѣдователи, — исполнили на дѣлѣ.

§ 82. Съ умственнымъ трудомъ Марксъ, какъ мы видѣли, справился легко: мертво замолчалъ его въ ученіи о прибавочной стоимости и ловко обошелъ въ ученіи о соизмѣримости всѣхъ видовъ труда. Но игнорировать существованіе умственныхъ работниковъ — трудовой интеллигенціи — нельзя было, и все что оставалось дѣлать, это затѣнить, оттереть интеллигенцію на задній планъ соціальной жизни, поставить ее въ уголъ. Этой цѣли научный соціализмъ достигъ въ своемъ ученіи объ общественныхъ классахъ и о классовой борьбѣ.

Если-бы соціализмъ защищалъ интересы труда, а не власти, то онъ долженъ былъ-бы положить въ основу соціальной классификаціи признакъ труда. Но это значило-бы совершить актъ самоубійства, ибо при такой классификаціи соціалистической партіи пришлось-бы самой очутиться, какъ сказано выше, по ту сторону баррикады, рядомъ съ другими властодержцами - монархистами, демократами и капиталистами. Въ цѣляхъ демагогическихъ удобнѣе было классифицировать общественныя группы по признаку не труда и производства, а расплаты за трудъ, — единственнаго момента, въ которомъ заинтересованъ ручной трудъ, и вокругъ котораго происходитъ ежедневная борьба. Получилась классификація, не отвѣчающая ни одному изъ условій, какія требуются отъ классификаціи научной, ибо въ основу ея положенъ признакъ не существенно-всеобщій, а частичный и поэтому она не можетъ обнять всѣхъ классифицируемыхъ явленій.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Соціализмъ дѣлитъ общество по признаку рабочей платы, и согласно этому признаку, на переднемъ планѣ соціальной жизни въ роли протагонистовъ великой соціальной драмы оказываются только два класса: патроновъ-капиталистовъ и рабочихъ-пролетаріевъ. Остальныя общественныя группы либо играютъ роль статистовъ, либо вовсе остаются за предѣлами классификаціи. Въ отдаленіи исторической перспективы виднѣется классъ феодальныхъ землевладѣльцевъ. На заднемъ планѣ соціальной жизни суетится средній городской классъ. Но крестьянство уже не вмѣщается въ рамкахъ патроната-саларіата, и въ примѣненіи къ крестьянину-земледѣльцу теорія классовой борьбы оказывается, по-истинѣ, городскимъ сѣдломъ на деревенской коровѣ. Но главнымъ образомъ за предѣлами, кулисами соціальной драмы оказываются творцы всѣхъ соціальныхъ цѣнностей — рабочая интеллигенція. Отношеніе научнаго соціализма къ интеллигенціи полно глубокаго комизма. Научный соціализмъ чувствуетъ, что въ интеллигенціи онъ столкнулся со своимъ единственно непримиримымъ врагомъ, но сознаться въ этомъ не можетъ. При встрѣчѣ съ опаснымъ врагомъ не надо проявить страха, а надо выказать пренебреженіе или даже презрѣніе, а главнѣе всего нужно скрыть отъ пролетаріата творческую роль интеллигенціи. Приходится лавировать. Научный соціализмъ такъ и поступаетъ. За интеллигенціей отрицается право на почетное званіе общественнаго класса, и ей представляется второстепенная и безопасная роль подкласса, «неклассовой группы въ классовомъ обществѣ», или, по выраженію Либкнехта, «безполаго неклассоваго существа». Любопытно, до чего можетъ довести партійное ослѣпленіе: умственный трудъ, единственно рождающій и творящій, признанъ безполымъ. Вдругъ соціализмъ вспоминаетъ, что онъ самъ вышелъ изъ буржуазной интеллигенціи, и тонъ его на время смягчается; умственные работники даже пріобщаются къ лику пострадавшихъ отъ капиталистической эксплуатаціи. «Буржуазія превратила врача, юриста, священника, поэта, ученаго въ оплачиваемаго ею наемника» (К. М.). «Интеллигенція, не принимаетъ непосредственнаго участія въ классовой борьбѣ буржуазіи и поэтому можетъ подняться выше тѣснаго классоваго кругозора и сдѣлаться представителями общихъ интересовъ націи» (Каутскій). Но тутъ-же апостолы марксизма спохватываются. Говорить уважительно объ интеллигенціи опасно: а вдругъ онъ, пролетаріатъ, услышитъ. Нападки возобновляются съ возрастающей силой. «Умственные рабочіе, спѣшитъ оправдываться тотъ-же Каутскій, — какъ привилегированная группа населенія, стоятъ въ антагонизмѣ съ пролетаріатомъ, который желаетъ покончить со всѣми привилегіями». «Интеллигенція, заявляетъ другой теоретикъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

очень многое остается внѣ этихъ предѣловъ. Е. А. Сталинскій въ своей статьѣ «Пути революціи» замѣчаетъ: «Пусть даже крестьянство создастъ свою собственную партію. Крестьянская партія, если она сложится, выдвинетъ неизбѣжно лозунги и требованія, совпадающія съ программой партій, ведшихъ ранѣе въ бой крестьянство, связанныхъ съ нимъ всей прошлой борьбой, общими побѣдами и общими пораженіями». *)

Оба публициста — и Е. А. Сталинскій, и В. Д. Набоковъ — исходятъ изъ представленія объ е д и н о й крестьянской партіи, которая почему-то должна создаться въ Россіи. Повторяю, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что нѣкоторая часть крестьянъ дѣйствительно выдвинетъ требованія, совпадающія со старой программой соціалистовъ-революціонеровъ — либо только въ земельномъ вопросѣ, либо въ земельномъ вопросѣ и въ остальномъ. Я склоненъ думать, что это будетъ незначительное меньшинство русскихъ крестьянъ. Но незначительное меньшинство русскихъ крестьянъ тоже считается на милліоны душъ, и можетъ составить очень серьезный базисъ для очень серьезной политической партіи.

Между указанными двумя предѣлами останется, вѣроятно, большая часть крестьянскаго населенія Россіи. Мы намѣренно избѣгаемъ Ленинскихъ словечекъ: «средняки», «бѣдняки», «кулаки» и т. д., ибо эти слова съ условнымъ и весьма относительнымъ смысломъ только запутываютъ вопросъ. Но есть много основаній думать, что очень значительная часть крестьянскаго населенія Россіи, разобравшись въ политической обстановкѣ **), выскажется за «индивидуалистическое начало» въ аграрномъ вопросѣ — то есть за частную собственность на землю съ извѣстными ограниченіями, касающимися права ея продажи и скупки, за республиканскую форму правленія и за «всѣ требованія политической свободы». Здѣсь опять-таки есть мѣсто для разныхъ теченій политической мысли. Радикально-демократическая партія съ программой П. Н. Милюкова можетъ имѣть у этой части крестьянъ большой успѣхъ, аналогичный тому, который въ теченіе послѣднихъ 30 или 40 лѣтъ выпадалъ во Франціи на долю радикализма оттѣнка прежняго Клемансо или нынѣшнихъ Эрріо и Пэнлеве. Съ другой стороны партія народныхъ соціалистовъ, партія эволюціоннаго соціализма par excellence, поскольку она признаетъ (а это очень вѣроятно) право частной собственности на землю съ оговорками указаннаго выше характера, имѣетъ значительные шансы превратиться изъ интеллигентскаго теченія въ большую крестьян-

*) «Воля Россіи», 25. VIII. 1921 г.

**) А политическое развитіе народа сдѣлало несомнѣнно за время революціи успѣхи, которые не должно преувеличивать, но незачѣмъ и отрицать.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

скую партію. Нѣсколько особнякомъ стоитъ то теченіе политической мысли, которое группируется вокругъ журнала «Современныя Записки». Изъ теоретическихъ статей И. И. Бунакова, напримѣръ, нельзя вывести заключеніе, что руководители «Современныхъ Записокъ» раздѣляютъ взгляды К. М. Качоровскаго на свѣтлое будущее общины и на близкій конецъ «индивидуалистическаго начала». Но отъ сторонниковъ принципа ограниченной частной собственности на землю ихъ отдѣляютъ болѣе или менѣе существенные въ принципіальномъ, если не въ практическомъ, отношеніи оттѣнки мысли.

Люди, настроенные скептически въ отношеніи народа, могутъ иронически относиться къ попыткамъ установить связь между русскимъ крестьянствомъ и выше перечисленными интеллигентскими теченіями. Пишущему эти строки не разъ приходилось слышать соотвѣтствующія замѣчанія отъ выдающихся писателей Россіи, которые съ полнымъ правомъ могутъ сказать — и говорятъ, — что знаютъ народъ лучше, чѣмъ политическіе дѣятели, лидеры партій. На этотъ скептицизмъ можно отвѣтить скептицизмомъ въ квадратѣ. Факты политической жизни западно-европейской говорятъ сами за себя. Французскій крестьянинъ изъ «La terre» Зола*) недалеко ушелъ отъ русскаго мужика «Деревни» И. А. Бунина. Это не мѣшаетъ французскому крестьянину прекрасно разбираться въ томъ, какое изъ «интеллигентскихъ» политическихъ теченій больше всего соотвѣтствуетъ его мыслямъ и интересамъ. Одни изъ крестьянъ, такъ вѣрно описанныхъ Зола, вполнѣ сознательно голосуютъ за національный блокъ юриста Мильерана, другіе за радикалъ-соціалистовъ историка Эрріо и математика Пэнлеве. Почти никто въ деревнѣ не подаетъ бюллетеней за молодцовъ Леона Додэ или Вайана-Кутюрье; очень рѣдко и ненадолго выходятъ на политическую сцену крестьяне-демагоги типа Марселена Альбера. Въ самомъ процессѣ жизни демократическаго государства, въ выборахъ, съѣздахъ, избирательныхъ путешествіяхъ депутатовъ, есть черты, скрадывающія и обезвреживающія низкую ступень культурнаго развитія народныхъ массъ современнаго міра. Въ этомъ смыслѣ, а не въ духѣ чрезмѣрной идеализаціи добрыхъ свойствъ русскаго крестьянина или рабочаго, слѣдуетъ понимать, я думаю, извѣстное положеніе П. Н. Милюкова — о необходимости «довѣрія» къ народу.

Повторяю, въ многомилліономъ деревенскомъ населеніи Россіи есть матеріалъ для четырехъ или пяти (если не больше) серьезныхъ политическихъ партій, которыя съ полнымъ правомъ смогутъ называть себя крестьянскими. Единой кре-

*) Можно было бы сослаться на болѣе новыя произведенія западно-европейскихъ бытописателей крестьянства. Я называю наиболѣе извѣстное, — по существу своему оно мало устарѣло.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

стьянской партіи у насъ, конечно, не будетъ, какъ не будетъ единой партіи рабочей.

Послѣднее обстоятельство тоже не можетъ вызывать сомнѣній. Разногласія между различными теченіями тѣхъ партій, которыя называютъ себя рабочими и дѣйствительно имѣли и имѣютъ успѣхъ въ рабочихъ кругахъ, не могутъ быть отнесены только на счетъ любви къ схоластикѣ и на счетъ борьбы личныхъ и фракціонныхъ самолюбій. Вопросъ объ отношеніи къ войнѣ, расколовшій во всемъ мірѣ соціалистическія партіи, правда, отпалъ. Но вопросы объ отношеніи къ большевизму, къ идеямъ совѣтской власти или парламентаризма, къ идеямъ соціальной революціи или соціальной реформы, къ возможности сотрудничества съ «буржуазными» партіями, къ формамъ классовой борьбы и т. д., — всѣ эти вопросы и послѣ паденія русскихъ коммунистовъ сохранятъ свою остроту очень долго. Въ однихъ только предѣлахъ марксистской мысли возможны по крайней мѣрѣ три направленія, каждое изъ которыхъ почти навѣрное облечется въ форму политической партіи.

Я не выдѣляю въ особую группу интеллигенцію, ибо она несомнѣнно распредѣлится (и приблизительно поровну) между всѣми русскими политическими партіями, — «буржуазными», крестьянскими и рабочими.

Въ общемъ можно съ полной увѣренностью сказать, что въ Россіи не будетъ той системы д в у х ъ партій, которая такъ долго держалась въ Англіи и продолжаетъ держаться въ Соединенныхъ Штатахъ. Русское соціально-политическое развитіе пойдетъ даже не по французскому типу 6—7 большихъ политическихъ партій (ибо у насъ есть жгучіе вопросы, которые во Франціи теперь не имѣютъ никакого или почти никакого значенія; достаточно назвать вопросъ объ отношеніи къ землѣ, къ формѣ правленія и къ федераціи). Можно съ полной увѣренностью сказать, что у насъ есть почва для добрыхъ пятнадцати политическихъ партій. Ихъ можно приблизительно намѣтить уже теперь, хотя впослѣдствіи и названія*), и программы, и предѣлы потерпятъ, навѣрное, болѣе или менѣе существованныя измѣненія:

а) Большевики. Нынѣшняя коммунистическая партія послѣ государственнаго переворота уйдетъ въ подполье (часть ея, вѣроятно, погибнетъ, другая часть, очень большая, перекрасится). По истеченіи извѣстнаго промежутка времени большевики подъ тѣмъ или инымъ соусомъ снова появятся на свѣтъ Божій, ибо соціальная база у нихъ все-таки есть. Будутъ ли они представлять изъ себя одну партію или двѣ, сказать трудно. Принимая во вниманіе крайнюю вѣроятность

*) Вѣроятно, та или другая партія включитъ въ свое названіе электоральные эпитеты: „крестьянскій“ или „торгово-промышленный“.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

столкновенія лѣвыхъ коммунистовъ съ правыми на финишѣ веселаго Кремлевскаго житья, я склоненъ думать, что у насъ лѣтъ черезъ пять будутъ двѣ большевистскія партіи.

б) 2 или 3 соціалъ-демократическія партіи.

в) 2 или 3 партіи, вышедшія изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

г) партія народныхъ соціалистовъ.

д) радикально-демократическая партія (оттѣнка П. Н. Милюкова).

е) національно-либеральная партія (одна или двѣ).

ж) націоналистическая монархическая партія — болѣе или менѣе конституціонная.

з) реставраціонная, ярко антисемитская, монархическая партія.

Въ послѣднихъ партіяхъ, вѣроятно, еще будетъ споръ о достойнѣйшемъ кандидатѣ на престолъ. Но это въ счетъ не входитъ; не включены также въ списокъ партіи «безпартійныя» и національныя, а ихъ будетъ не мало. Выше перечислены только тѣ политическія группы, которыя несомнѣнно будутъ имѣть серьезный соціальный базисъ (при стопятидесятимилліономъ населеніи страны базисъ найдетъ каждая изъ перечисленныхъ выше партій).

VI.

Отсюда ясно, что основнымъ явленіемъ политической жизни у насъ будетъ принципъ коалиціи, принципъ блоковъ. Иначе править Россіей окажется совершенно невозможно — и по установленіи парламентскаго строя, и даже еще раньше, въ переходный періодъ. У насъ будутъ блоки для самыхъ разныхъ цѣлей: для сношенія съ Западной Европой, для объединенія Россіи, для сверженія диктатуръ и для установленія диктатуръ, для защиты соціализма и для защиты отъ соціализма, для защиты республики и для защиты монархіи и т. д. Блоки будутъ разные — хорошіе и дурные. Но самая идея блока, идея тактической или отчасти программной коалиціи, при наличіи множества всякихъ законно существующихъ партій, является единственно спасительной. Къ ней понемногу должно себя готовить русское общество, — пока та его часть, которая, находясь въ эмиграціи, имѣетъ нѣкоторую возможность заниматься политической дѣятельностью.

Идея коалиціи, впрочемъ, есть одна изъ основныхъ мыслей февральской революціи. Она сказалась съ перваго ея дня—въ составѣ Временнаго Правительства. Она сказалась и въ концѣ — въ послѣднихъ попыткахъ уберечь мартовское наслѣдіе — въ образованіи Союза Защиты Учредительнаго Собранія, Союза Спасенія Родины и Революціи, Союза Воз-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

рожденія Россіи. Въ близкомъ будущемъ политическое строительство будетъ осуществляться не партіями, а блоками. Въ отличіе отъ того, что происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ, ни одна русская политическая партія не будетъ въ состояніи править страной внѣ коалиціи съ другими. Можно, конечно, сказать, что партіи появятся другія. Но кромѣ названія, онѣ, конечно, ничего новаго не придумаютъ. Партіи скорѣе всего будутъ расчленяться — и это явленіе вполнѣ естественное; въ русской жизни есть и будетъ множество вопросовъ, по которымъ компромиссъ между разными флангами одной партіи могъ бы быть только вреднымъ. Партія должна совершенно точно и недвусмысленно объединять всей своей программой всѣхъ своихъ членовъ. Коалиція партій создается на принципѣ компромисса, нужнаго и законнаго въ цѣляхъ достиженія опредѣленнаго практическаго результата.

VII

Безполезно было бы заглядывать впередъ «на столѣтіе». Кто знаетъ, какая реакція можетъ наступить въ свое время противъ идей, руководящихъ теперь политической жизнью міра? Кто знаетъ, куда поведутъ пресыщенное человѣчество индивидуалисты XXII-го вѣка? Какое новое моральное или эстетическое построеніе подчинитъ себѣ политику? Какія непредвидѣнныя условія жизни создадутъ новыя открытія науки? Все это покрыто тайной. Но близко подходящая къ намъ эпоха допускаетъ возможность прогноза. Міръ демократизируется — и Россія демократизируется съ нимъ: намъ нельзя и некуда уйти отъ общаго мірового закона. Наполеонъ говорилъ, что демократическій строй — забавная игрушка для народовъ. Можетъ быть, — но народы дорожатъ этой игрушкой...

О прошломъ можно сожалѣть — особенно съ точки зрѣнія эстетической. Въ прошломъ была красота, которой мы больше не увидимъ. Что дѣлать? Предыдущія поколѣнія могли жалѣть о красотѣ дворянской культуры, которая создалась на крѣпостномъ правѣ — и только на немъ могла создаться. Но крѣпостного права больше нѣтъ. Исчезаетъ изъ жизни и красота, основанная на соціальномъ неравенствѣ. Она исчезаетъ медленно, понемногу. Идея реформы торжествуетъ надъ идеей революціи: во всемъ мірѣ Бернштейнъ медленно побѣждаетъ Бакунина.

М. А. Алдановъ.

Парижъ, ноябрь 1921 г.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02267 9834

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

WITHDRAWN BY THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN